
Фонд Фридриха Науманна
при участии
Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI)

60-летие окончания
Второй мировой
и Великой Отечественной:
победители и побеждённые
в контексте
политики, мифологии и памяти

Материалы к Международному Форуму
(Москва, сентябрь 2005)

*Под редакцией
Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова*

МОСКВА
2005

60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (Москва, сентябрь 2005) /Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2005. — 248 с.

ISBN 5-91022-008-X

ISBN 5-91022-008-X

© Московское бюро Фонда
Фридриха Науманна, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

СТАТЬИ

<i>Егор ХОЛМОГОРОВ</i> Вернуть Сталина Победе	9
<i>Мариэтта ЧУДАКОВА</i> О Победе, славе и чести	27
За Сталина против Родины?	31
Памятник нашему безумству	38
<i>Юрий КРУПНОВ</i> Кто выиграл войну: народ или Сталин?	42
<i>Никита ДЕДКОВ</i> ЛОГИКА ошибок	52
<i>Борис СОКОЛОВ</i> Между наукой и политикой: Цена победы и мифы Великой Отечественной	72
<i>Сергей ТОКАРЕВ</i> Последний миф империи (О маршале Жукове)	90
<i>Лев ГУДКОВ</i> «Память» о войне и массовая идентичность россиян	93
<i>Дмитрий АНДРЕЕВ, Геннадий БОРДЮГОВ</i> Пространство памяти: Великая Победа и власть	113

ОБЗОРЫ

<i>Владимир КРЕСТОВСКИЙ</i> Война и новые идеологические маркёры в англо-американских СМИ	147
<i>Наталья ТРУБНИКОВА</i> Как публицисты Латинской Европы отмечали юбилей	162
<i>Марианна КОРЧАГИНА</i> Впечатление «некоторой растерянности»: освещение окончания войны в СМИ Германии	183
<i>Наталья СТАПРАН</i> Переломный этап истории: уроки, которые вынесла для себя Япония	200
<i>Александр ВЛАДИМИРСКИЙ</i> Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова–Риббентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете	219

ПРЕДИСЛОВИЕ

60-летие окончания Второй мировой войны и Великой Отечественной войны для России обнаружило серьёзное смятение массового сознания по поводу прошлого. Возродились старые мифы о начале войны, о её неизбежности, о её результатах и цене. Профессиональная историография оказалась не готовой представить внятные ответы на новые, подчас неудобные вопросы о предвоенных, военных и послевоенных событиях, убедительно прокомментировать новые версии об их причинах и последствиях. В результате возникла ситуация, когда даже стало трудно понять, почему одно и то же явление одни объявляют победой, а другие поражением.

Власть, хотя и избежала каких-либо сильных знаковых акций, некоторыми своими действиями и заявлениями вызвала дополнительные напряжения, прежде всего в отношении ветеранов войны, фигуры Сталина, смысла самого Дня Победы, столкновения парадно-официозной и подлинно-народной памяти.

Все эти и другие аспекты представлены в данном сборнике — материалах к общественному Форуму представителей гуманитарных и социальных наук, политиков, писателей и журналистов, цель которого состоит в том, чтобы подвести определённые итоги дискуссиям 2005 г., коснувшихся всех слоёв российского общества, попытаться систематизировать некоторые концепции и прозвучавшие точки зрения.

Отбор статей известных авторов, опубликованных в различных СМИ, производился не столько по тематическому принципу, сколько по резонансу, которые эти публикации вызвали в общественной среде, по степени их расхождения с теми официальными сценариями осмысления истории, которые заведомо тянули назад, к привычным штампам, к уже пройденным урокам. Чтобы лучше понять новые вопросы, которые возникли о войне и к которым, как оказалось, не было подготовлено большинство историков и сценаристов юбилейных торжеств, в сборнике помещаются специально подготовленные обзоры острых дискуссий, развернувшихся в печати стран-победительниц и стран-побеждённых.

Мы рассматриваем Форум не только как площадку свободного и открытого диалога представителей разных структур формирующегося гражданского общества, но и как трибуну для обозначения путей и способов дальнейшего переосмысления События, ставшего, как показали многочисленные опросы, самым значительным в истории России XX века, опорным образом национального сознания.

*Д-р Фальк БОМСДОРФ,
Руководитель Московского Бюро
Фонда Фридриха Науманна*

*Д-р Геннадий БОРДЮГОВ,
Руководитель научных проектов
и издательских программ АИРО-XXI*

1

СТАТЬИ

Егор ХОЛМОГОРОВ

ВЕРНУТЬ СТАЛИНА ПОБЕДЕ*

Поставленный некоторое время назад Алексеем Чадаевым в «Русском Журнале» вопрос о сущностной, политической и политологической реабилитации Сталина давно назрел. И, можно сказать, перезрел. Мало того, на уровне массового сознания это, фактически, произошло. Что окончательно зафиксировал тот ажиотаж, который вызвало 50-летие со дня смерти Генералиссимуса в 2003 г. Сегодня даже ругать Сталина, не делая определенных оговорок, позволяют себе лишь политические маргиналы. Однако ресталинизация является, пока что, стихийной. Это популистское движение, реакция на атмосферу политического, военного и социального унижения, в которой находится Россия при «антисталинистах». После того, как стали очевидны масштабы человеческих потерь нации всего за полтора десятилетия, случившихся без всяких войн, революций и расстрелов, то отпал даже аргумент от «ГУЛАГа», поскольку число «жертв демократии» давно превзошло все сколько-нибудь реалистичные оценки числа жертв репрессий.

«Перестроечная» версия истории попросту рассыпалась под ударами фактов. Не осталось, кажется, ни одного классического антисталинского мифа, который не был бы развенчан историками, кинодокументалистами, на худой конец — журналистами. Делается это с тем большим рвением, что ресталинизация истории становится ходовым товаром, на ней можно сделать имя и даже деньги, что не может не направлять молодых амбиций в соответствующую сторону. Последней линией обороны «антисталинизма» остаются художественные придумки, исправно переносимые на экран в виде всевозможных «Московских саг» и «Детей Арбата». Однако, несмотря на высокий зрительский рейтинг, цели подобные сериалы не достигают, — зрители не столько следят за сюжетом, сколько любят на попавшие в кадр артефакты прошлого, и на красивых актрис, если таковые в кадре имеются. На вызывающие содрогание фразы типа «Нэт чэловэка, — нэт проблэмы», — зритель обычно сердито соглашается: «Вот уж точно. Не будь Чубайса...».

* Впервые опубликовано: Спецназ России. 2005. № 2.

Тыловая линия «антисталинизма» — это истерика, визг, в который срываются некоторые «порядочные люди», стоит только подчеркнуть необходимость восстановить справедливость к Сталину, хотя бы как к Верховному Главнокомандующему. Недавний скандал в «высшем обществе» Рунета (сиречь в ЖЖ), где прошла акция с призывом восстановить такую справедливость к Главковерху, очень хорошо показала нервический характер реакции большинства антисталинистов. Никто так и не мог объяснить, какие у нас есть основания отказывать Главнокомандующему в триумфе Победителя, если находившаяся под его командой армия безоговорочно выиграла величайшую в мировой истории войну. Либо начинались отговорки, что «а в 1941 все было плохо», и ещё смешнее, — «если бы не пакт Сталина с Гитлером, войны бы вовсе не было», либо вовсе дело ограничивается заявлениями типа: «Не смей. В войне победил Народ, а не Сталин». Чадаев очень верно указал на то, что, именно позволив Хрущёву с присными насадить в СССР подобные настроения, мы, в итоге, создали нынешнюю ситуацию, когда в канун 60-летия Победы по Европе прокатывается волна реваншизма, оголтелым авангардом которой выступает бывшая наша, а ныне НАТОвская Прибалтика.

Сперва мы согласились на то, что «Сталин не лучше Гитлера», потом, в перестройку, что он «такой же, как Гитлер», сегодня выясняется, что на взгляд наших западных соседей «Сталин хуже Гитлера». Что вполне логично, — обслуживание немецких офицеров латышской девушке Вайре не было бы зазорно, а вот в ужасе перед русскими она бежала аж на край света. Вместо того, чтобы тихо есть отруби в еврохлеву у немцев, восточноевропейские славяне, а заодно и румыны вынуждены были под гнетом русских целых 40 лет заниматься строительством собственной государственности, развивать какую-то экономику, создавать армию, участвовать в каких-то учениях какого-то Варшавского договора... В общем, — предаваться занятиям, к коим они, согласно немецкой расовой теории, были не приспособлены.

Но какое нам, в сущности, дело до этих «волнений Литвы». Сталин — это часть нашей, русской истории. Нам надо понять, что он дал и чего лишил нашу нацию, в чём он перед ней виноват, а в чём его великая заслуга. Не будем уходить далеко и пересматривать историю нэпа, индустриализации, коллективизации, культурной революции, национальной политики и репрессий. Остановимся на главном дискуссионном эпизоде — войне. Если в Великой Отечественной победил не Сталин, то тогда придётся предположить, что никакой Победы вовсе не было.

Обратные утверждения основываются на невежественном обывательском представлении о Сталине, как о политическом лидере, осуществляющем лишь «общее стратегическое руководство» войной и опирающемся в конкретных вопросах на мнение неплохо подобранных

помощников. В этом случае к Сталину может быть счёт за общестратегические ошибки, в то время как его причастность к конкретным достижениям и победам остается под вопросом. Несмотря на огромную мемуарную литературу, интеллигентный обыватель обычно придерживается представления, почерпнутого из плохих фильмов, в которых Сталин обычно задает идиотские вопросы типа: «А сумеим ли ми разбит нэмцев?» и с трудом соглашается на дельные рекомендации военачальников.

На самом деле, на Сталина как руководителя государства, а затем как Верховного Главнокомандующего были замкнуты все управленческие цепи в армии, промышленности, и политике. Он нёс непосредственную ответственность за каждую мелочь. Эта вовлечённость Сталина была тем большей, что уникальной особенностью его личности была исключительная память на детали, позволявшая ему свободно ориентироваться в вопросах, которые большинству руководителей государств и вооружённых сил попросту не известны в силу ограниченности интеллектуального ресурса. Поэтому на Сталине лежит персональная ответственность как за все сделанные ошибки, так и, коль скоро война была сведена с безоговорочной победой над противником, за эту Победу.

САМ СЕБЕ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ. ПОЧЕМУ СТАЛИН НЕ ЕЗДИЛ НА ФРОНТ?

В интересах «борьбы с культом личности» и «десталинизации» в официальных историях и мемуарной литературе о войне руководство ею упорно деперсонифицировалось. Вместо реального главнокомандующего везде фигурирует безликая «Ставка», которая «учит», «советует», «рекомендует», «решает». По счастью, дело не дошло до маразма, и тогда, когда рассказывается о разговорах лично со Сталиным, не утверждается, что «состоялась встреча со Ставкой». Но везде, где мы читаем «Ставка», мы должны читать «Сталин». Достаточно произвести эту замену, и сразу станет понятен объем работы, совершавшейся Сталиным изо дня в день.

За время войны Сталин создал очень своеобразную структуру руководства вооружённой борьбой Советского Союза. Структуру сверхцентрализованную, но и наиболее прочную и работоспособную. В одних руках и одной голове было сосредоточено политическое, хозяйственное и чисто военное руководство. Будучи, фактически, учеником маршала Шапошникова, автора знаменитой работы о Генеральном Штабе «Мозг армии», Сталин ценил генеральное штабное командование очень

высоко. В этом отличие от Германии, где Генштаб по сути прекратил своё существование и был раздроблен на несколько параллельных и жестко конкурирующих структур, каждая из которых самостоятельно выходила на Гитлера (главнокомандование вермахта — ОКВ, главнокомандование сухопутными войсками — ОКХ, единственное при генерале Гальдере всерьез исполнявшее штабные функции, и командования авиации и флота), и западных демократий, где штабное планирование и руководство были отделены от политического. В СССР «Ставка», то есть Сталин, объединяла все функции. Генштаб был оперативным рабочим органом Ставки, причём после отхода от дел большого Шапошникова его, фактически, возглавил сам Сталин. Номинальный начгенштаба А. М. Василевский реально, вместе с Жуковым, работал приводным ремнем сталинских решений, разъезжая по фронтам. Оба маршала, которых Сталин не раз в шутку предлагал объединить в одного, были ценными помощниками и советниками Сталина. Василевский достойно представлял «интеллектуальное» начало блестящего военного планирования, Жуков представлял начало яростно-волевое, умение любой ценой добиться того, что Сталин называл «большевистскими темпами». Но поручить кому-либо из них координацию всех военных усилий в положенном настоящему Генштабу объеме Сталин не решался. Роль «мозга армии» он взял на себя сам.

За годы войны Сталину удалось создать настоящий «большой Генеральный Штаб» воплощавший идеи Мольтке, Конрада фон Хетцендорфа и Шапошникова, добиться постоянного точного информирования Ставки о происходящем на фронте и беспрекословного исполнения её директив и конкретных приказов. Сталину было в подробностях известно положение на всех фронтах, в армиях и корпусах, и, при этом, он имел целостную картину происходящего, позволявшую ему принимать верные решения (1).

Большинство «ошибок Сталина» приходится на тот период войны, когда не существовало отлаженной системы информирования Генштаба фронтами, когда ответственность была разделена между большим числом лиц, каждое из которых стремилось этой ответственности избежать. Классическим примером такой несогласованности была летняя кампания 1942 года, когда принятое решение о стратегической обороне было не выполнено в результате авантюризма руководителей направлений, до последнего обещавших Ставке успех. Генштаб при этом представлял собой лишь одну из сторон в системе согласований. У Сталина не было того инструмента, на котором он мог «играть». До войны у Сталина, очевидно, была иллюзия, что инструмент уже существует, поэтому он был так потрясен (о его искреннем потрясении, а не о мифической «растерянности», говорят все добросовестные участники событий) дезорганизацией советских войск в первые дни войны. За два с

половиной года, «большевистскими темпами», Сталин создал надёжный инструмент военного управления, как создал перед этим инструмент управления политического. Уже в 1943 г. игра была практически безупречной. История германского руководства войной была историей расстройств «инструмента» в результате неумелой игры на нём, история советского руководства войной была, напротив, историей «настройки».

С этой работой Сталина как Главкома связан один очень важный антисталинский миф, имеющий широкое хождение. О том, что Верховный якобы боялся ездить на фронт по причине трусости. Обвинение абсурднейшее. Все знавшие Сталина в период революционного подполья, печально знаменитых «экспроприаций» и Гражданской войны отмечали его исключительную личную храбрость, кое-кому казавшуюся безумной. Даже Троцкий обвиняет Сталина в самоуправстве, упрямстве, жестокости, но только не трусости. К тяжелейшим дням Битвы за Москву относятся слова Сталина, передаваемые его охранником Рыбиным. В ответ на вопрос, когда отправлять в эвакуацию полк Кремлёвской охраны Верховный ответил: «Если будет нужно, я этот полк сам поведу в атаку». Нежелание Сталина выезжать на фронт, и, тем более колесить по свету, как это делал, допустим, Черчилль (и в самом деле не раз ставивший свою жизнь под серьёзную угрозу) объяснялось его положением в системе военного командования. Черчилль был политическим руководителем, легко сменяемым премьером, Рузвельт и вовсе без всякого ущерба для Америки был заменён после своей смерти Трумэном. Сталин же не только был практически незаменим, но и постоянно находился на своём посту реального главнокомандующего, непрерывно отслеживающего военную обстановку. В этих условиях «знакомство с передовой» не давало ему новой информации, отрывало его от реального управления войсками, и подвергало его жизнь действительно ненужной опасности. В мемуарах практически любого крупного советского военачальника мы найдём истории о том, как удалось чудом избежать гибели при бомбежке. Заменить удалось Ватутина и Черняховского, с трудом бы нашлась замена и Жукову с Василевским, Сталину замены не было, и это понимали все. При этом достаточно набегавшийся под пулями Сталин, совершенно не нуждался в подтверждении личной храбрости. И то, что в ней сегодня кто-то сомневается, объясняется либо невежеством, либо зложелательством.

ВЕРХОВНЫЙ КОНСТРУКТОР ВООРУЖЕНИЙ

Сталин принимал самое непосредственное участие в разработке всех видов вооружений, применявшихся Красной (а затем — Советской) армией в период войны. Он давал принципиальные задания, следил за их выполнением, давал рекомендации конструкторам, принимал решения по мельчайшим деталям оружия. Несомненно, Сталин обладал выдающимися политехническими знаниями, приобретенными им самостоятельно. Настоящая революция в вооружениях Красной Армии начинается в предвоенные годы, когда Сталин взял разработку вооружений под свой постоянный контроль, отодвинув на второй план промежуточные инстанции. Практически каждый вид советского вооружения, от легкого стрелкового до танков и самолетов, был создан конструкторами в координации с руководителем страны (2).

Всю войну советские солдаты воевали «сталинским» оружием, и чем более плотной и творческой была работа Сталина с конструкторами, тем лучше было качество вооружений.

ОРГАНИЗАТОР И ВДОХНОВИТЕЛЬ. ТАЙНА ПРИКАЗА № 227

Роль Сталина как «организатора и вдохновителя» Победы оспаривается значительно реже. Если можно пытаться кое-как сделать вид, что Сталин будто бы не был военным специалистом, и не занимался конкретно военными вопросами, то оспаривать политическое руководство страной совсем уж анекдотично. Директивы и приказы Верховного главнокомандующего, писавшиеся Сталиным лично, постоянно разъясняли политический смысл и характер ведущейся Советским Союзом войны. Каждый из них представлял собой сплав политинформации, агитационного призыва и конкретных жёстких распоряжений. Стиль Сталина уже заслужил должную оценку даже у далёких от политики исследователей. Приказы и речи военного времени представляют собой один из лучших образцов публицистического искусства на русском языке. Ближайшие аналогии можно найти в посланиях Ивана Грозного и регламентах Петра I, также раскрывавших идеи и принципы русских властителей, однако как от одного, так и от другого, Сталин отличается чёткостью мышления, конкретностью вопросов и ясностью образов. Все

помнят про «братьев и сестёр» и «ни шагу назад». Не исключено, что и формула «наше дело правое», озвученная Молотовым, также принадлежит Сталину, принимавшему активное участие в составлении речи.

Поэтому «антисталинистами» оспаривается не сам факт такого руководства, а его благотворное влияние. Особенно досталось, например, приказу № 227: «Ни шагу назад!», который только ленивый не называет «жестоким» и «варварским». Между тем, этот приказ включает в себе абсолютно железную, можно сказать — математическую логику, сконцентрированную в одном абзаце: «Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства неограничены. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети... После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. населения, более 80 млн. пудов хлеба в год и более 10 млн. тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».

Сталин вступил, по сути, в противостояние с идеологией «скифской войны», накрепко въевшейся в русское военное сознание, подсознательно проникавшее в представления командиров и комиссаров. Мало кто заметил, что в приказе нет выпадов или упрёков в адрес красноармейцев, то есть рядовых солдат. Сталин обращался не к армии которая, по утверждениям некоторых, «не хотела сражаться». Главный удар нанесён по паникующим или самовольничавшим командирам — от командармов до комроты. И увещевания, и угрозы, и репрессии адресованы именно им. «Ни шагу назад» — это призыв к командирам Красной Армии не «мнить себя стратегами», решающими можно отступать, или нельзя, есть место для маневра, или нет. Развитие «стратегического мышления» у солдат и офицеров, пытающихся соотносить свою боевую задачу чуть ли не с «общим положением на всех фронтах» и решать, бессмысленна или нет защита того или иного рубежа в свете общей стратегической обстановки, — это главная опасность для любой армии. И солдат, и офицер, наряду инициативой должен иметь и известную «узость» мышления, позволяющую ему выполнять поставленную задачу, несмотря ни на что. Именно эта мнимая «узость» породила то упорное сопротивление, которое в самом безнадежном положении оказывали окруженные советские части в 1941. В 1942 именно из-за того, что об окружении речи не было, шло отступление и осыпание фронта, такого упорства командиры не проявляли, и потребовался абсолютно конкретный и на пальцах разъясняющий пагубность «скифской войны» приказ

№ 227, чтобы обвал был остановлен, превратившись в упорную оборону Сталинграда.

СТРАТЕГИЯ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ. ПОЧЕМУ СТАЛИН ПОТЕРЯЛ МЕНЬШЕ СОЛДАТ, ЧЕМ ГИТЛЕР?

Мы уже говорили о выдающейся конкретности и математичности сталинского военного мышления. Вновь обратимся к мемуарам генерала Штеменко, проливающим свет на то, как Сталин себе представлял стратегический ход войны.

И. В. Сталин вдруг спросил:

«— А как думает молодой начальник Генерального штаба, почему мы разбили фашистскую Германию и принудили её капитулировать?»

...Оправившись от неожиданности, я подумал, что лучше всего изложить Сталину его собственную речь перед избирателями, произнесенную накануне выборов в Верховный Совет СССР 9 февраля 1946 г. Я сформулировал положение о том, что война показала жизнеспособность общественного и государственного строя СССР и его большую устойчивость. Наш общественный строй был прочен потому именно, что являлся подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой... Говорил о промышленной базе, созданной за годы пятилеток, о колхозном хозяйстве, о том, что социализм создал необходимые материальные возможности для отпора сильному врагу. В заключение сказал о высоких боевых качествах нашей армии, о выдающемся искусстве советских военачальников и полководцев.

Терпеливо выслушав меня до конца, И. В. Сталин заметил:

— Всё, что вы сказали, верно и важно, но не исчерпывает всего объёма вопроса. Какая у нас была самая большая численность армии во время войны?

— Одиннадцать миллионов человек с небольшим.

— А какой это будет процент к численности населения?

— Быстро прикинув в уме численность перед войной населения — 194 млн., я ответил: около 6 процентов.

— Правильно. Но это опять-таки не всё. Нужно учесть и наши потери в вооружённых силах, потому что убитые и погибшие от ран бойцы и командиры тоже входили в численность армии...

Учли и это.

— А теперь,— продолжал Сталин,— давайте подсчитаем, как обстояло дело у Гитлера, имевшего с потерями более чем 13-миллионную армию при численности населения в 80 миллионов человек.

Подсчитали. Оказалось — больше 16 процентов.

— Такой высокий процент мобилизации — это или незнание объективных закономерностей ведения войны, или авантюризм. Скорее, последнее,— заключил Сталин.— Опыт истории, общие законы ведения войны учат, что ни одно государство не выдержит столь большого напряжения: некому будет работать на заводах и фабриках, растить хлеб, обеспечивать народ и снабжать армию всем необходимым. Гитлеровский генералитет, воспитанный на догмах Клаузевица и Мольтке, не мог или не хотел понять этого. В результате гитлеровцы надорвали свою страну. И это несмотря на то, что в Германии работали сотни тысяч людей, вывезенных из других стран...

Немецкие правители дважды ввергали Германию в войну и оба раза терпели поражение,— продолжал Сталин, шагая по балкону.— Подрыв жизнеспособности страны в первой и второй мировых войнах был одной из причин их краха... А какой, между прочим, процент населения был призван кайзером в первую мировую войну, не помните?

Все промолчали. Сталин отправился в комнату и через несколько минут вышел с какой-то книгой. Он полистал её, нашел нужное место и сказал:

— Вот, девятнадцать с половиной процентов населения, которое составляло в 1918 году 67 миллионов 800 тысяч.

Он захлопнул книгу и, снова обратившись ко мне, сказал:

— На Гитлера работали сотни тысяч людей, вывезенных в Германию и превращенных, по существу, в рабов. И всё-таки он не смог в достатке обеспечить свою армию. А наш народ сделал невозможное, совершил великий подвиг» (3).

Этот замечательный диалог, наверное, лучший ответ тем, кто заявляет, что СССР понёс в войне с Германией неоправданно большие потери, что Германия, проиграв, сохранила свой человеческий потенциал, что «побеждённые живут лучше победителей». В СССР перед войной жило 196 миллионов человек, а к моменту распада СССР — 270 млн. Совокупное население современных ФРГ и Австрии — 90 миллионов человек. То есть после войны «побеждённые победители» увеличили своё население лишь на 1/8 от предвоенной численности, в то время как СССР увеличил численность своего населения на треть, русское население за тот же период увеличилось почти на половину, со 100 до 145 миллионов.

Длительные дискуссии вокруг расчёта безвозвратных потерь Советской армии и вермахта привела к выводу, что эти потери были практически равны, составляя около 8 миллионов человек, хотя немало находится и тех, кто значительно повышает цифру потерь вермахта, — до 11 и даже 13 миллионов. Но даже если взять нижнюю цифру потерь вермахта, то окажется, что Германия потеряла в боях только на Восточ-

ном фронте 10% своего населения, в то время как аналогичные потери СССР составили лишь 5% населения. Другое дело, что конечный демографический счёт был не в пользу Советского Союза по абсолютным цифрам — 26 миллионов против 11 миллионов, и равным по проценту населения — 13%. При этом: на территории Германии война длилась 5 месяцев, а на территории СССР 4 года; СССР не проводил политику систематического геноцида населения Германии, а Германия его проводила; СССР не занимался систематическим уничтожением германских военнопленных, а Германия занималась, в результате из советского плена в Германию вернулись 3,5 млн. человек, а из немецкого в СССР 1,8 млн.

Учтя всё это, мы должны будем признать, что война велась Советским Союзом так, чтобы не привести к катастрофическому перенапряжению сил народа, и это Сталину удалось. Даже несмотря на чудовищный террор гитлеровцев и забвение ими по отношению к «славянам» любых воинских кодексов чести, СССР не испытал демографической катастрофы. Довоенный уровень населения был восстановлен к 1954 г., то есть за время послевоенного правления Сталина. Людской «долг» Генералиссимус стране вернул. Хотя это демографическое восстановление негативно сказалось на уровне жизни советских людей. Все необходимые ресурсы приходилось делить на большее число ртов, чем с трудом восстановившим свою исходную численность немцам, а потому, разумеется, каждому немцу доставалось намного больше, и антисоветская пропаганда получила ещё один прекрасный повод поизмываться над тем, что «мы живём хуже». Если предположить, что послевоенный СССР зафиксировал бы население на уровне 200 миллионов, но при этом продолжал бы развивать производство, да ещё и пользовался бы кредитами США, то скорее всего, его уровень жизни был бы значительно выше, чем в ФРГ. Но на прирост как-то никто не жаловался. И понадобились «рыночные реформы», чтобы Россия зажила так же, как «побеждённые победители» в Германии, то есть распалась на части, вступила в полосу пресловутого «второго демографического перехода», и эпоху сокращения населения, замещаемого агрессивной миграцией. Но Сталин как Главнокомандующий и даже как политический руководитель, ответственности за Гайдара, Чубайса, Грефа и Зурабова не несёт.

ТРОФЕЙНАЯ ГЕРМАНИЯ. ПОЧЕМУ СТАЛИН ПЕРВЫМ ИЗ РУССКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ ПОСЛЕ НИКОЛАЯ I ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВЫИГРАЛ ВОЙНУ?

Русские государственные деятели XIX века на удивление не любили выигрывать войны. Или не умели этого делать. В награду за войну 1812 года Россия получила... Царство Польское, ставшее «Чечнёй» XIX века. И это вместо, хотя бы, Ионических островов, бывших десятилетие под властью России, имевших единоверное население, и исключительно необходимых для утверждения России в Средиземном море. Ещё более выразительной была «награда» за кровь, пролитую русской армией в войне с Турцией 1877-1878 гг. После безусловной победы, по условиям Берлинского трактата, заключённого на Берлинском конгрессе, где «честным маклером» работал Бисмарк, Россия возвратила себе устье Дуная отданное после Крымской войны и приобрела Карс и Батум, впервые завоеванные ещё в ту же Крымскую войну. Зато не участвовавшая в войне и ненавидевшая Россию Австрия оккупировала Боснию и Герцеговину, а на престол Болгарии (за независимость которой вроде как и велась вся война) был посажен немецкий король из династии Баттенбергов (семейства совершенно скандального по происхождению, — оно возникло в результате морганатического брака принца Александра Гессенского, брата жены Александра II Марии Александровны, с дочерью польского сановника, Юлией Гауке). После такого итога войны Бисмарк вполне логично заметил, что «все Балканы не стоят костей одного померанского гренадера». Померанские гренадеры действительно не были нужны, поскольку по интересовавшим Германию счетам исправно платили гренадеры русские.

Последней войной России, не колониального характера, принёсшей серьёзные трофеи, была русско-персидская война, после которой, согласно Туркманчайскому миру 1828 г., были присоединены Ереван и Нахичевань. Следующей должна была стать война Крымская, и трофеи она сулила колоссальные, но и обернулась после смерти Николая I колоссальным поражением.

Теперь сравним это плачевное положение с результатами Второй Мировой, обеспеченными СССР именно сталинской дипломатией (факт, что именно Сталин несет ответственность за Тегеранский, Ялтинский и Потсдамский сговоры, а тем более за «Пакт Молотова–Риббентропа» не оспаривает, кажется, ни один даже самый яростный антисталинист).

К 1941 г., проведя лишь одну локальную операцию против Польши, и одну кровопролитную, но локальную, войну против Финляндии, не вступая в Мировую войну, СССР возвратил в состав государственной территории России Западную Белоруссию, Западную Украину, Прибалтику, Карельский перешеек, Северную Буковину, создал военную базу на полуострове Ханко, впервые с XIII в. прочно включил в состав России Галицию и Волынь (о возвращении Галиции Сталин мечтал ещё с советско-польской войны, и тот факт, что его план удара на Львов вместо бессмысленного похода на Варшаву, был отвергнут, стоил Советской России потери огромных территорий). Сталин прекрасно понимал, что, каков бы ни был исход Мировой войны (кроме тотального разгрома Германией СССР), на эти приобретенные им территории уже никто не покусится. Одним дипломатическим маневром Сталин свёл ещё не начавшуюся войну в пользу СССР.

После окончания войны Сталин добился передачи СССР округа Петсамо, разделил с Польшей Восточную Пруссию с Кенигсбергом, ставшим Калининградом (Сталин стремился создать сильную, независимую Польшу, «откормленную» за счёт Германии и развёрнутую против Запада, и вряд ли мог представить, что его преемники допустят новое превращение Польши в антироссийский форпост), изъял у Чехословакии населенное русинами Закарпатье, вернул России Курильские острова, половину Сахалина, а также контроль над КВЖД и Порт-Артуром. Вокруг западных границ СССР был создан кордон из сателлитов, куда вошёл и находившийся под советской оккупацией обломок Германии, ставший ГДР, хотя Сталин продолжал надеяться на то, что в центре Европы появится сильная нейтральная Германия. Не вполне удачным считал Сталин развитие событий лишь на южном направлении, где СССР не удалось получить опеку над Ливией, отнять у Турции Проливы, Западную Армению, а у Ирана — Иранский Азербайджан. Но, в целом полученные всего за 6 лет территориальные приращения СССР были впечатляющими. Почти всюду, где это имело смысл, СССР вернулся к границам Российской Империи 1904 г., а кое-где и перешагнул эти границы, реализовав старинные национально-имперские цели.

Короче говоря, полководец Сталин вернулся домой с трофеями. И народ, прежде всего — русский народ, не мог этого не оценить. С трофеями, как я уже сказал, русские солдаты не возвращались домой очень давно. С такими трофеями — никогда. Вообще, решение Сталина не препятствовать тому, чтобы «пошла страна лимония — сплошная чемодания» было одним из самых мудрых его стратегических решений. Чемодан был наглядным свидетельством ненапрасности, бессмысленности войны для простого солдата, психологической компенсацией за то, что Советская Армия не могла «посчитаться» с немцами по правилам кровной мести и вообще СССР не проводил по отношению к Германии

террористической политики (хотя, с точки зрения «византийской» логики такой террор мог бы найти оправдание хотя бы в ослаблении будущего врага). Более того, в расположении советских войск были бы немислимы надписи, подобные висевшим на оккупированной территории СССР: «Вода в колодце только для немецких солдат. За приближение — расстрел».

Вопреки распространяемым сплетням о стихийном грабеже и мародёрстве русских солдат, распределение трофеев было поставлено на организованные и вполне социалистические рельсы: «Как и многие офицеры, возвращавшиеся с войны, отец привёз трофеи — мотоцикл Цундап (Zundapp-K350), два велосипеда и ещё какую-то мелочь. В перестроечной печати иногда советских солдат пытались представить не освободителями, а грабителями, дерущимися из-за добычи, волокущими за собой домой полные машины отобранного имущества немецких граждан. Вполне допустимо, что отдельные случаи мародерства были, но отец рассказывал, что для того, чтобы привезти что-то с собой в Союз, необходим был достаточно безупречный послужной список. Трофейная техника выдавалась со специальных баз в строгом соответствии с имеющимися предписаниями». В такой форме распределение трофеев напоминало, скорее, выдачу наград за службу. И вряд ли кто из потомков ветеранов Войны усомнится в том, что награды были вполне заслужены.

Благодаря трофеям Победа приобрела материальное, вполне осязаемое измерение. Не только личное, в виде «чемодана», но и общесоюзное — в виде новоприсоединённых земель, а также немецких репараций. Вывезенное в счёт репараций промышленное оборудование сыграло в истории СССР двойственную роль. С одной стороны, «репарации» стали, по сути, второй индустриализацией, позволив советской промышленности наладить выпуск товаров народного потребления, многих из которых у нас раньше просто не было. Послевоенный «Москвич 401», ставший первым «народным автомобилем», впервые приобретшим простых граждан к радостям автовождения, производился на оборудовании «Опеля» и представлял собой копию немецкой модели «Опель-Кадет». СССР понадобилось бы не одно десятилетие для того, чтобы дойти в промышленном развитии до производства подобных товаров. История благосостояния всех развитых западных стран началась с масштабного ограбления колоний и соседей, а то и вообще собственного Юга, как США. Сталин предоставил СССР возможность совершить подобное «ограбление» на вполне законных основаниях, — в компенсацию за то, что было отнято и разрушено у нас. Другое дело, что, полагаясь на завезённое оборудование, СССР запустил многие необходимые отрасли и в чём-то подотстал, но это, опять же, вряд ли можно поставить в вину самому Сталину, а не его недостойным преемникам.

Русские воевали из века в век, если не из десятилетия в десятилетие. Однако крайне редко получали что-то существенное в обмен за понесенные потери. Чаще всего это были войны либо за выживание, либо за неверно просчитанные имперские интересы. Последние по настоящему крупные и исторически значимые территориальные приобретения война приносила вообще при Екатерине II. Со «времен Очаковских и покоренья Крыма» русские вообще не могли сказать, что получили хоть что-либо, хотя бы клочок земли от ведшихся ими больших войн (ну, если не считать таковыми завоевание Средней Азии или Кавказа). И способность Сталина обеспечить стране не просто «геополитические приобретения», но именно конкретные, осязаемые, трофеи, стала ещё одним обстоятельством, резко выделяющим Вторую Мировую из череды русских войн XIX–XX веков.

ЦАРЬ КОЛИЧЕСТВА И ЗНАМЕНА ВРЕМЕНИ. ПОЧЕМУ СТАЛИН ПОБЕДИЛ ГИТЛЕРА?

У французского философа-традиционалиста Рене Генона есть очень красивая мысль о царстве количества, о новой мировой эпохе, на протяжении которой мир постепенно овеществляется, материальные законы начинают превалировать над духовными, материальные, «физические» энергии, над духовными энергиями. Мир отяжеляется и уплотняется, становясь непроницаем для священного. Не совсем конечно, полная непроницаемость была бы гибелью мира, но возможность духовного воздействия на мир становится ограниченной. Материализация мира идёт параллельно с вытеснением из него истинной духовной Традиции, с приближением конца времен, с усилением действия того, что апостол Павел называл «тайной беззакония», «мистерией аномии».

Однако ошибочно видеть в материализации причину, или, напротив, следствие духовной деградации. Логичней видеть в материализации защитную реакцию мира на возрастание «беззакония», осуществляемое некими таинственными путями. Мир тяжелеет, становясь неподъёмным для сатанократической революции, слишком неповоротливым, чтобы перемещать его с помощью левитации, слишком «одномерным», чтобы подчиняться законам магии. Другими словами, не только сопротивление отступающей «Армии Апокалипсиса» сдерживает наступление антихриста. Ему сопротивляется и сама материализующаяся, утяжеляющаяся структура мира, становящегося менее проницаемым для подлинного антихристового духа, далекого, на самом деле, и от материализма, и от атеизма, замешанного скорее на отравленной мистике и извращении религиозного духа. Мир становится слишком «труден» для антихриста.

Русская Революция сокрушила тот мировой порядок, в котором Россия мыслила себя как Катехон, как вооружённая сила, удерживающая наступление «тайны беззакония». Дальнейшее развитие могло пойти по двум путям. Либо Россия станет на путь духовного революционаризма, станет подлинным «царством антихриста», каковым его считали многие в эмигрантском и катакомбном духовенстве, или, напротив, Россия «отвердеет», закапсулируется, «подморозится», не пропустив «дух тления» внутрь себя. Бывший семинарист Сталин сделал очень много для того, чтобы подлинное «беззаконие» в послереволюционной России не умножилось, а напротив — серьёзно уменьшилось. Страна надолго ушла с дорог капитализма, либерализма, левацкого революционаризма, упадочной теософии и оккультизма, на которых её одинаково ждала гибель. Отвердевшая Россия, освобождённая на какой-то период от разъедавшей её духовной двойственности, приобрела необычайную экономическую, военно-политическую и культурную (если иметь в виду светский аспект культуры) мощь. Мощь, которой мы имеем полное право гордиться.

Бессмысленно, конечно, рядить сталинскую империю в византийскую тогу, а самого марксиста, в чём-то всё-таки интернационалиста (несмотря на нескрываемый русский национализм и даже немного шовинизм) Сталина в одежды русских православных царей. Советская цивилизация не была, конечно, простым продолжением на новом витке православной русской цивилизации. Она была её «материализацией», «овеществлением», но овеществлением талантливым и полным. Сталин был Царём Количества, его гениальный во многих отношениях ум был заточен под учёт мельчайших материальных факторов и под оценку материальной действенности духовного. Именно эта способность правильно оценить духовное в его действенности привела его и к необычайно прочной фиксации положения РПЦ в послевоенные годы. На смену внутреннему и внешнему распаду и гонениям, пришли воссоединение униатов, восстановление целостности канонической территории СССР и забота Сталина о догматической чистоте в противовес новомодным модернизму и экуменизму. Сталинизм был, возможно, идеальной формой организации русского бытия в период «овеществления».

Эта вещественность, добротная плотность духовно обеднённой, но богосотворённой материи, и помогла Сталину одержать победу на Гитлером, всецело погружённым в оккультный мир призраков, падших духов, магических сил и иррациональных действий. Иррациональность и тёмная мистика давали Гитлеру преимущество, пока он действовал против духовно разжиженных стран Европы. Столкнувшись с союзом двух очень разных «материальных» цивилизаций — Советской и Американской, призрачный характер гитлеризма должен был обнажиться и разрушиться. В мире, где не осталось места политической силе, руково-

димой высшим духом, Сталин стал полюсом сопротивления материи, количества, против павшего духа и дурного, выморочного, «качества».

* * *

Итак, Сталин стал гением количества. Он концентрировал в себе бездну информации, единолично руководя не только фронтами, но и армиями, корпусами, дивизиями, даже полками. Он планировал талантливые военные операции, вроде знаменитых «Десяти сталинских ударов» Он разрабатывал вместе (а иногда и вместо) конструкторов лучшие образцы вооружений, из которых мощный тяжёлый танк был, в итоге, назван его именем. Он произносил речи, доклады, отдавал директивы и приказы, разъяснявшие на уровне глубочайшего политического и даже нравственного анализа события войны. Он стремился сохранить Советский Союз от перенапряжения, чреватого экономической и социальной катастрофой, и смог этого добиться, в то время как Германия довела себя до экономического краха. Он обеспечил максимально выгодные для Советского Союза результаты войны, причём часть из них — ещё до её начала. Выгода была получена не только страной в целом, страной как Державой, но и её гражданами. Всё это стоило нервов, боли и труда, и унесло в могилу отнюдь ещё не старого, особенно по кавказским меркам, человека. Если сделанное Сталиным не заслуживает хотя бы теперь, спустя шесть десятилетий после падения Берлина, благодарной памяти потомства — памяти, выраженной не только в кухонных разговорах, но в монументах, официальных формулах и полноценном историческом признании, — то ни один победитель не заслуживает такой памяти.

Если Сталин не имеет права на Победу, то, значит, триумфы прочих правителей и полководцев — краденные. Права на славу и почитание не имеют ни Александр Македонский, ни Ганнибал, ни Цезарь, ни Троян, ни Пётр Великий, ни Фридрих Великий, ни Суворов, ни Наполеон, никто из победителей позднейшего времени.

Сегодня России ещё не поздно что-то исправить. До торжеств, посвящённых 60летию Победы остались 2,5 месяца. За это время, проявив любимые Сталиным «большевистские темпы», вполне можно продумать и подготовить достойную программу восстановления доброго имени Главнокомандующего Победы. На худой конец — поставить ему в Москве памятник, вернуть портреты Сталина на их законное место хотя бы рядом с другими военачальниками. Это было бы более полезным приложением сил, чем бесплодная и унижительная «полемика» с марионеточной Латвией по поводу пенсионеров и воблы. Но если нашему «патриотическому» лишь на словах государству так и не хватит смелости на эту назревшую реабилитацию, то мы можем осуществить эту реабилитацию лично. Придя 9 мая 2005 г. к Вечному огню — у Неизвест-

ного солдата в Москве или в других городах, вложить в букет цветов — портрет Главнокомандующего. Того, кто долгие 4 года вёл солдат известных и неизвестных к великой, величайшей в истории нашего народа, Победе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об уровне информационной чёткости, которой добивался от всех Сталин, свидетельствует следующий эпизод, рассказанный начальником оперативного управления Генштаба генералом Штеменко:

«Как-то в одном из итоговых донесений за день, полученных с Воронежского фронта, было написано, что в результате успешной контратаки наших войск захвачено 100 орудий противника. Это донесение было принято по телеграфу начальником направления, перепечатано на машинке, заверено и, как положено, сразу представлено в Ставку. Утром И. В. Сталин по телефону спросил меня:

— Захвачены ли вместе с орудиями снаряды?

Я не знал. Он сказал:

— Поинтересуйтесь и доложите.

Срочно связался с начальником штаба фронта. Он тоже не знал и обещал немедленно выяснить. Часа через два Верховный Главнокомандующий позвонил и добавил:

— Если есть снаряды, то можно из захваченных фронтом орудий сформировать чуть ли не двадцать батарей. Так или нет?

Подтверждаю, что так. А он спрашивает:

— Не удалось выяснить, сколько снарядов?

— Пока нет,— отвечаю.

Он бросил трубку, явно, чувствую, недовольный.

Опять связался с начальником штаба фронта. На этот раз от него узнаю, что захвачено не 100, а всего 10 орудий, из них 6 разбитых и только 4 исправных; кто донёс и почему так произошло — штаб разбирается.

Скандал был налицо. До вечера звонка не было, а при очередном докладе в Кремле Верховный Главнокомандующий сам напомнил об этих злосчастных орудиях. Как и предполагали, была буря: нам пришлось выслушать в свой адрес и по поводу штабов вообще много разных весьма выразительных слов о безответственности, халатности в работе, ротозействе, головотяпстве, отсутствии контроля... В конце концов А. И. Антонову было приказано лично дело расследовать и о виновных в искажении фактов доложить.

Выяснилось, что в донесении Военного совета фронта было написано 10 орудий, а когда передавали по аппарату Бодо, то телеграфисты цифру исказили и передали 100. Алексей Иннокентьевич доложил об этом и сказал, что приняты строгие меры контроля с целью не допускать впредь таких ошибок. Виновных не назвал.

Сталин посопел трубкой, прошёлся вдоль стола с картами и сказал:

— Девчонок с телеграфа надо, конечно, предупредить, чтобы были внимательней... Но что с них возьмешь: они в содержании телеграмм не разбираются. А вот оператор, который принимал донесение, обязан был проверить подлинность цифры. Это же не две пушки, и не каждый день мы захватываем сразу такое количество орудий, а, пожалуй, первый раз с начала войны...

Он долго ещё говорил на эту тему, а затем спросил:

— А кто принимал донесение из операторов?

Я ответил, что у аппарата был сам начальник направления.

— Вот его и снять! Назначить на менее ответственную работу, и не в Генштабе...» (*Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. — М., 1989. С.439–440).

2. Не будем приводить хрестоматийных примеров из мемуаров В. Г. Грабина, автора лучшей пушки Второй Мировой — 76-мм ЗИСЗ, или авиаконструктора Яковлева. Приведем пример из мемуаров металлурга В. С. Емельянова, главного конструктора танковой брони. Причём по вопросу, с танками не связанному, по сути — об экзотической «мелочи», выявляющей уровень внимания Сталина к вопросам вооружений.

«На заводе создана броневая защита для лыжников. Лёгкий щиток из броневой стали закрепляется на лыжах. Когда лыжник попадёт в поле обстрела, то он может залечь, прикрепить щиток и передвигаться дальше ползком, толкая впереди себя закрепленную на лыжах броневую защиту...

Мы робко вошли. Положили лыжи, закрепили щиток и стали ждать... В руках у Ванникова [нарком вооружений] был автомат. Ровно в пять появился Сталин... подошёл к щитку..., опустил на колени и, обращаясь к Ванникову, произнёс:

— Дайте автомат.

Ванников подал автомат... Сталин лег на пол, просунул ствол автомата через щель броневого щитка и стал целиться. Он несколько раз менял положение передвигая щиток, вынимал ствол автомата из щели и снова просовывал его в щель. В кабинете стояла тишина. Только иногда раздавался лязг металла по металлу. Наконец Сталин поднялся, протянул автомат Ванникову и произнёс:

— Щель для стрельбы лучше сместить на двадцать миллиметров вправо. Вот здесь, — он указал на место на щитке, — следует укрепить полочку, чтобы обоймы с патронами можно было класть. А то стрелок протянет руку к патронташу за обоймой, плечо у него приподнимется, выйдет из броневой защиты и снайпер может пристрелить его.

Конструктор держал блокнот и тщательно все записывал. А Сталин продолжал делать замечания:

— В последнее время много ранений в пах. При таких ранениях часто атрофируются нижние конечности. Для того, чтобы избежать таких поражений, необходимо удлинить откылку у щитка так, чтобы защитить и эту часть тела.

К Сталину подошел [маршал] Кулик и произнёс:

— Надо обязать промышленность поставить армии... — и он назвал несуразное количество щитков.

Сталин взглянул на Кулика с каким-то пренебрежением и сказал:

— На заводах тоже большевики есть, они сделают столько, сколько сделать можно. Не думайте, что вы один беспокоитесь о вооружении нашей армии» (В. С. Емельянов На пороге войны. М., 1971. С.154–158).

3. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. — М., 1989. С.557–559.

Мариэтта ЧУДАКОВА

О ПОБЕДЕ, СЛАВЕ И ЧЕСТИ*

Сомнителен уже отсчёт дней, оставшихся до 9 мая, которые ведёт НТВ. Каждый день читаем на телеэкране двусмысленную надпись: «До Победы остается столько-то дней...». Многим слишком памятно: «столько-то дней до очередного исторического съезда партии, до конца третьего года пятилетки...». Этой реминисценцией пачкают — настаиваю на этом — День Победы.

Гораздо хуже безобидный на первый взгляд перенос — не до «60-летия Победы», а — «до Победы». По законам рекламы зрителям день за днем внушают (словцо «впаривают» здесь уместнее), что к этому дню мы опять кого-то должны победить. Кого же? А вот тех, кто мешает нам прийти к победе без пятнышка. Какого и на чем? Пока не сказано. Но при нашем тупом молчании очень скоро будет сказано. А именно — на белом парадном кителе генералиссимуса.

Хочу предупредить всех, что обеление Сталина — на очереди дня. Кто скажет сейчас, что я преувеличиваю, «сгущаю» — тот просто хочет, чтобы его оставили в покое. Так уже было. Никто не верил, что нам всучат сталинский гимн, когда я предлагала собрать подписи под протестным письмом в ноябре 2000 г.; уезжая на месяц, оставила это письмо серьёзным людям. Но собирать подписи пришлось по возвращении. За сутки без колебаний поставили своё имя самые достойные люди России — те, кто не хотел вставать (и не встанет) под сталинский гимн. «Известия» опубликовали письмо без проволочек. Утром того самого дня, когда президент выступил по ТВ, призывая умников не противиться волеизъявлению народному. Говорили тогда, что мы опоздали на сутки — мог бы, мол, ещё прислушаться. А так — никого, кроме Н.С. Михалкова, власть не услышала. Какой-то резон, надо признать, в этом есть. Когда вменяемые молчат — можно кивать на невменяемых, их всегда больше.

* Впервые опубликовано: Московские новости. 2005, 18 марта. № 11.

Сегодня мы вновь движемся в том же фарватере. Только власть гораздо больше готова к нужному результату, поскольку противящихся не слышно и не видно. Не опоздать бы нам и сейчас.

В апреле–мае 1940 г. в тюрьмах и лагерях СССР (включая тюрьмы присоединённых Западной Украины и Западной Белоруссии) было расстреляно 21 857 польских военнопленных. Эту цифру назвал в своём письме Хрущёву от 3 марта 1959 г. Шелепин, предлагая уничтожить все учётные дела, поскольку «какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации, со всеми нежелательными последствиями. Тем более что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия...» — имелась в виду фальшивка, приписывающая расстрелы гитлеровцам.

Новые люди, вставшие у власти спустя четверть века, с трудом психологически преодолевали гриф секретности над страшным делом. Преодолели только к 1992 г. — установили наконец доподлинно и решились огласить, что не мелкие сошки выносили решение о расстреле 20 с лишним тысяч, а по предложению Берии — руководство правящей партии.

4 июня 1995 г. в Катыни председатель Комитета катынских семей г. Щецина благодарил присутствующих представителей Российской Федерации «за смелость в раскрытии правды о преступлении...» Стали выходить тома документов. В Катыни воздвигли мемориал.

Сегодня, в ходе подготовки к Победе, дела обстоят так. Установлена гибель 1803 человек, из коих 22 идентифицированы. Куда делись 18–19 тысяч, о судьбе которых издано несколько толстенных томов на основе архивных документов, — Бог весть. Уголовное дело прекращено — «за отсутствием события преступления, поскольку факт геноцида польского народа не имел место...». А само постановление о его прекращении носит секретный характер. «Поэтому в настоящее время мы не можем огласить его, но когда-нибудь со временем, наверное, это будет сделано», — сказал журналистам главный военный прокурор. Действительно, куда торопиться?

Что ещё утешительно для поляков? «Было установлено, что содержание интернированных лиц соответствовало нормам и требованиям того времени», — подчеркнул прокурор. Спасибо Берии за нормальные условия перед расстрелом.

Всего в деле 183 тома. Из них 116 содержат сведения, составляющие государственную тайну. Поэтому полякам может быть передано только 67 томов. Мы свои секретки хранить умеем.

Гитлер и Сталин в 30-е гг. прошлого века очень помогли друг другу — самим фактом одновременности своего существования. Интеллигенты, а также и правительства либеральных стран метались, не зная, к кому из глав двух тоталитарных режимов податься, кто из них гаже. Метания

кончились только 22 июня 1941-го — что называется, силою вещей. В тот день два человека одновременно обрисовали коллизию с наибольшей выразительностью. Один — Уинстон Черчилль. Слова его, сказанные в этот день по радио, благодаря Сталину остались неизвестными нашим соотечественникам в те тяжелейшие дни — а могли послужить немалой моральной поддержкой. Теперь они известны, но стоят того, чтобы их повторить: «На протяжении последних двадцати пяти лет никто не был таким упорным противником коммунизма, как я. Но всё это бледнеет перед тем зрелищем, которое раскрывается перед нами теперь. Прошлое с его преступлениями и трагедиями отступает в сторону. Дело каждого русского, борющегося за свой дом, является делом свободных людей во всех уголках земного шара».

Короче и выразительнее, как и подобает поэту, сказал о том же Николай Глазков:

Господи! Вступися за Советы,
Охрани страну от высших рас,
Потому что все Твои заветы
Нарушает Гитлер чаще нас.

В этом смысле раскопанные под Катынью весной 1943 г. после поворотной победы под Сталинградом трупы расстрелянных до войны польских офицеров поставили в тупик всех — и поляков, которым при всём их счёте к Советской армии за 1939 год надо было готовиться к сражению с немцами, и союзников.

24 мая 1943 г. посол Великобритании при польском правительстве, направляя А. Идену пространный доклад о Катыни, в смятении пишет ему: «...На основании улик, которые у нас есть, трудно не обвинить русских. Это рождает, конечно, серьёзные проблемы, но никто не указал на то, что они не новы. Сколько тысяч своих граждан вырезал советский режим? Не думаю, чтобы кровь поляка более взывала к возмездию небо, чем кровь русского. Однако по необходимости мы приняли русских в качестве союзников. То, что зловеще в этом деле, так это далеко идущие политические последствия. Если вина русских будет доказана, то можем ли мы ожидать от поляков мирного сосуществования с русскими в будущем? Опасаюсь, что ответа на этот вопрос нет». На Нюрнбергском процессе Сталину опять повезло — дело с Катынью, всем давно очевидное, замяли — не вязалось с судом над фашистскими главарями за преступления против человечества.

...13 января 1991 г. в Вильнюс вошли танки, и я стала писать первый в жизни публицистический текст, позвонив предварительно Сергею Аверинцеву, Сергею Бочарову и Михаилу Гаспарову: «Я пишу открытое письмо о наших танках — подпишете?» — «Пиши!» — ответили коллеги.

Мы писали: «Поколения, к которым мы принадлежим, казалось бы, могли не считать себя ответственными за события 1940 года; тем не менее мы многие годы ощущали вину за оккупацию прибалтийских государств Советским Союзом. Оценка тогдашних событий, данная в последнее время, в какой-то мере освободила нас от груза этой вины». Писали об «отвратительном зрелище повторения прежних сценариев, уже не раз сыгранных на исторической сцене», о «разлагающем воздействии этой дурной бесконечности на сегодняшнее сознание — особенно молодежи» и заключали: «От всего этого веет мертвым духом безнадежности». Та безнадежность разрядилась в тот же год — в августе. Чем разрядится эта? К нам не хотят ехать 9 мая, а мы за это заявляем, что никакой оккупации не было — добровольно, видно, кинулись в эшелоны, идущие в Сибирь. Но историческая правда не может быть картой в дипломатических играх.

Я задаю вопрос всем, кто сейчас читает эти строки: почему мы отдаём в руки генералам, военным прокурорам нашу национальную и личную, так как мы часть нации, честь?

Или действительно — «Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя»? Если мои коллеги-литераторы объясняют уже с телеэкрана, что им советская цензура не мешала, только способствовала творчеству, а русскому человеку свобода вообще не к лицу, то действительно — тем, кому не нужна свобода, конечно, не дорога и честь. Но не все в России таковы.

Генералы «зачищают» перед юбилеем Победы память нации, мороча голову старикам-фронтовикам тем, что признание преступлений в Катюши, захвата Прибалтики и прочее будто бы умаляют их победу. На самом деле именно новое сокрытие преступлений сталинского времени позорит нас, победителей, перед миром, выставляя жалкими лгунами. Честь страны в том, чтобы все в своей истории назвать своими именами. Отделить своё настоящее от преступлений прошлого — и этим заречься от повторения. Те, кто стремится стереть эту границу всепокрывающей речевой «Это наша история!», — не хотят, по-видимому, зарекаться.

Сегодняшние манипуляции так называемых силовиков с событиями 1939–1940 гг. неминуемо ведут нас к тому, что Россия теряет выпавший ей исторический шанс стать правовой страной, в которой нет места лжи и произволу. Эти манипуляции свидетельствуют, что к Дню 60-летия Победы готовится частичная (а там, постепенно, и полная) реабилитация славного генералиссимуса и его приспешников. В 1966 г., в гораздо худшее время, учёные и люди искусства не дали этого сделать, поставив свои подписи под протестующим письмом.

Иначе, вопреки «Слову о полку...» добудем князю славу, а свою честь потеряем.

Я предлагаю заявить сегодня, пока не поздно:

«В преддверии юбилея Великой Победы мы не можем позволить манипулировать исторической правдой во имя каких бы то ни было целей. Новая ложь о старых преступлениях делает нас всех их соучастниками. Мы требуем рассекретить все дела по расстрелам польских граждан, произвольно объявленные содержащими государственные тайны. Мы протестуем против связывания круговой порукой нынешних граждан России с преступлениями советского государства.

Жертвы, понесённые Россией во Второй мировой войне, говорят сами за себя. Нам не к лицу размахивать ими и считаться славой с нашими союзниками в той войне».

Я прошу прислать в газету свою подпись под этим текстом всех, кто не хочет, чтобы трагический и светлый День Победы был запачкан грязными руками тех, кто не стыдится числить себя преемниками НКВД и КГБ СССР.

* * *

ЗА СТАЛИНА ПРОТИВ РОДИНЫ?*

Юбилей Победы застаёт нас в момент, когда смутное время в головах отнюдь не кончено. В столкновении мнений о завершившейся советской эпохе, особенно о «сталинском» её периоде, это особенно ясно. Очевидно до болезненности, что за все пятнадцать послесоветских лет мы так и не подвели главных итогов истории России XX в. То есть всё ещё не выполнили своего долга перед самими собой и перед всем миром.

Потому пафос, неизбежный при воспоминании о том, что мы спасли человечество от Гитлера, сливается с непрояснённой и недоговорённостью. И превращается во что-то уже вовсе нерациональное. Наше отношение к своей истории предстаёт в форме мало-вразумительных восклицаний.

Всё это очень хорошо видно в откликах на статью, которые приходят каждый день вот уж три недели. За ними встают целые пласты... хотелось бы сказать «общества», но последние годы меня точит мысль, что я не ощущаю сто с лишним миллионов взрослых, дееспособных своих соотечественников как общество. Утрачено — надеюсь, временно — нечто, что делает совокупность живущих в одной

* Впервые опубликовано в: Московские новости. 2005, 15 апреля. № 15.

стране людей — обществом. И это тоже отразилось в характере откликов.

Кто-то рад возможности публично разделить мысли автора — и поддержать своей подписью противостояние ползучей реабилитации Сталина. А она за истекшие три недели проползла довольно далеко! В посёлке Мирный не только заказан бюст Сталина, но готова и надпись «от благодарных потомков». В Красноярске, как уверяет нераскаявшийся большевик О. Шенин, тоже принято решение воздвигнуть памятник хозяину ИТЛ Енисейстроя, Енисейлага и всех других лагерей, десятилетиями обступавших едва ли не главный город Сибири.

И вот только что депутаты горсовета Орла предложили «восстановить справедливость» и вернуть памятники Сталину на прежнее место, а также и переименовать обратно улицы, носившие его имя.

Кто-то привычно злобствует, решая таким образом какие-то личные проблемы. Кто-то действительно затронут за живое, но не в силах отдать себе отчёт в том, что именно его так трогает. Ведь за полтора десятка лет в головах людей, не очень привыкших к самостоятельной аналитической работе, посеян настоящий хаос, путаница во взгляде на историю страны, а тем самым — на её настоящее и будущее.

Той стиснутости умов, которую с тяжёлым чувством видишь во многих письмах, есть очевидные причины.

Это в первую очередь намеренная невнятность позиции власти относительно советского времени.

Это курс на «деполитизацию», на развлекаловку в СМИ.

Это и широко распространившаяся уверенность в том, что честный публичный разговор вообще невозможен, что все, кто такой разговор заводит, «на самом деле» куплены, ангажированы и т. п. Они, видимо, действительно не понимают, что таких денег, на которые можно «купить», например, моих друзей и близких, не напечатано ни в какой стране и что неподкупных людей в России много. Мы же очень большая страна, и даже один процент — это почти полтора миллиона. Просто люди привыкли судить о собственной стране по телекартинке. А это ненадёжный источник.

Мы не просто не подвели итогов. Сегодня мы дальше от выполнения этой задачи, чем были не только 10–15 лет назад, но в определённом отношении и чем полвека назад.

Один из наших читателей пишет: «Сталинизм должен быть безоговорочно осуждён на всех уровнях. Это должно быть сделано и президентом 9 мая — открыто, однозначно и твёрдо!».

И когда «Неподписавшийся» отвечает ему: «А разве в 1956 году Хрущёв не сказал всё то, что Вы предлагаете? Мы что, мазохисты?» — то сам же и показывает, на сколько лет мы откатились. В эпоху до

доклада Хрущёва 1956 г.! Да, наверно, мы именно мазохисты, если полвека спустя устанавливаем памятники, которые в те годы были справедливо повсюду сняты. «...От благодарных потомков» безвинно расстрелянных перед войной, во время войны и после неё.

Мы стремительно теряем то, что уже было продумано, прочувствовано, проработано. Теряем то, что могло стать фундаментом для дальнейшего осмысления — и в лучшем случае топчемся на месте. Получается, что и в мыслительной работе над нашей историей мы так же отстаем, как во всём другом.

В конце 80-х и журналисты, и профессиональные историки упорно доводили — и довели — до широких слоев знание о преступлениях правящей партии и в первую очередь Сталина. Была в их работе и некая ущербность, недостаточность — в 1992 г. в одной из статей я говорила, что пять лет пошло на то, что меняли Сталина на Бухарина. Но хотя бы фигура Сталина прояснилась в своих злодейских очерзаниях!

В 1991 году Ельцин сдёрнул, как скатерть со стола, советскую власть — посыпалась партия с Лениным и Сталиным вместе, закрылись все райкомы-горкомы. Общество, к несчастью, не создало нужной атмосферы — и суд над КПСС ничего не дал. Но в начале 1990-х для многих было ясно, что принёс Октябрь России, как увёл он её с исторического пути в исторический тупик, где мы, скажем, в 60–70-е гг. тупо пребывали, бесцельно топчась на месте, когда цивилизованный мир стремительно шёл вперёд.

К середине 1990-х мы более или менее знали хотя бы векторы исторической жизни России в XX в. Сегодня такое впечатление, что мы в наших спорах начинаем с чистого листа. По отношению к политической истории России сейчас на дворе едва ли не 1953 год. Сталин недавно умер, ещё не отошли от смертельного страха.

С конца 2000 г., когда неизвестно по какой причине гимн свободной России — музыка Глинки — был заменён советским, откат от огромной насущной работы осмысления, проделанной за десятилетие, пошёл бурно.

Мнение сегодняшнего российского обывателя хорошо выражено в одном из писем.

«Наблюдатель» из Петербурга «просто-напросто», как он пишет, защищает «наше право быть самими собой, а не каяться на каждом шагу за поступки, аналоги которым легко сыскать в истории всех времён и народов. Каяться за то, о чём другие гордо молчат, представляется мне постыдным».

Что мы понимаем под словами «быть самим собой»? Это нередко — труднейший вопрос и для отдельного человека. Одним искусство быть самим собой даётся легко и неопасно для окружающих. Для других — совсем иначе: шёл по своему городу, хотелось быть самим

собой, увидел таджикскую семью, под крики «Россия для русских!» заколол девятилетнюю девочку. Отвёл душу. Как раз за это судят сейчас юных подонков в родном городе Наблюдателя.

Нам всем предстоит уже сегодня решить, что значит для России быть самой собой. Как мы планируем — не экономическое развитие (это дело правительства), а жизнь общества (это дело любого из нас)?

И есть ли у нас такие планы? Или мы превращаемся в совокупность физических лиц, ничем не связанных, кроме мифов?

Владимир (пояснивший, что сам когда-то был чекистом, «только технарём») хотел бы заметить автору статьи, «что для того, чтобы быть достойными гражданами России, а лучше патриотами (слово, которое я у неё не встретил), необязательно только рассказывать однобокие факты. Лучше воспитывать своих детей (желательно от трёх и более) в любви к своей Родине. И чтобы они, приезжая в другие страны, выглядели достойно...»

Да кто же говорит про «однобокие», Владимир? Наоборот — не хочу подставлять для обозрения наш неприглядный бок. Ложь всегда неприглядна. Ведь она видна всем, не скажешь — сюда не смотри, мы — лгуны, зато победили фашизм.

Я не путаю Сталина с фронтовиками. С моим отцом, который ушёл добровольцем, оставив четверых детей и беременную жену, прошёл рядовым в пехоте Сталинград и Курскую дугу и закончил свою войну на Эльбе старшиной. С моим старшим братом — ушёл по призыву в 1943-м, дважды жестоко ранен (пулю из бедра так и не смогли вынуть — с ней он жил и умер). С его ровесниками — из Сокольнического военкомата с ним ушли на войну 300 юношей, вернулись — трое.

...Я спрашивала отца — коммуниста, тогда ещё верившего в Сталина: «А когда в атаку шли — кричали “За Сталина!”?». Хорошо помню, как он ответил: «Нет, дочка, не слышал. Мат — помню, “ура!”... А это — нет».

Кто будет спорить с тем, что наши воины освободили мир от фашизма? Но позор нам, если мы забудем, что сделал Сталин из нашей победы. Всех западных соседей от Болгарии до Польши он превратил в сателлитов, в 1948–1952 гг. провёл там руками местных коммунистов показательные процессы, подобные нашим 30-х гг. А сбежавших из «социалистического лагеря» объявляли изменниками — за это тоже полагалась смерть. Может быть, это подзабыто «благодарными потомками»? Или ответ их прост — «А мне что за дело, что кого-то у Берлинской стены пристрелили? Мне и в нашем лагере хорошо было»?..

На одного из читателей произвёл впечатление газетный текст посла РФ в Великобритании Г. Карасина, и он приводит его. «Ангажи-

рованный пересмотр истории», как красиво выражается Г. Карасин, которым будто «пытаются заслонить» (советское, между прочим, мышление, господин посол! Вечно наши злокозненные «недрузи» всё «пытались» сделать нашим безгрешным властителем что-то плохое) «память тех, кто освобождал узников концлагерей и европейские столицы...».

Оказавшиеся сегодня в ходу формулы — «пересмотр итогов Второй мировой войны», «обеление фашизма» — это оживающая благодаря общественной апатии советская пропаганда. Никто «обелением» и «пересмотром» не занимается — кроме заядлых маргиналов, которые в любом демократическом обществе могут высказываться достаточно свободно на любые причудливые темы. Конечно, уличные шествия ветеранов Латвийского легиона не могут вызвать в России никаких иных эмоций, кроме тех, что вызывают сейчас. Но эмоциями ограничиваться нельзя. Необходимо реально представлять себе вещи и стремиться понять их суть — на то человеку дан разум. Латвия перед войной была оккупирована Советским Союзом (никак иначе это назвать нельзя). НКВД взялся за дело. Маленькая, довольно благополучная страна подверглась не только политическому насилию — тысячи её граждан (очень чувствительно для крохотного по сравнению с нами народа!) попали в советские тюрьмы и лагеря. Надо ли удивляться, что часть латышей пошла воевать против Красной армии? Сталин не только истреблял мнимых «врагов народа» в своей партии, армии, государстве — своим сговором с Гитлером он ещё создал реальных врагов в Прибалтике. На Украине он заставил часть крестьян встречать немецкие войска как избавителей от колхозов.

Всерьёз, ответственно, без инфантильной капризности и демагогии подводить итоги истории России XX в. — это и значит понимать: шествия легионеров нам глубоко неприятны — но факт советского захвата их страны и депортаций 1940 и 1949 гг. от этого не перестаёт быть фактом. И чем больше мы будем юлить и лукавить относительно этого факта — тем больше будем терять моральное право выразить свои эмоции по поводу того, что сотня старых людей с национальными знаменами отмечает памятную им дату (без участия членов правительства, что для нас немаловажно). А подведя честные итоги, мы могли бы обратиться и к латышской интеллигенции — с предложением поразмыслить над тем, как совмещается в национальной памяти справедливая борьба за независимость с союзнической ролью части латышей по отношению к Гитлеру — поработителю Европы. А пока — нам ли сегодня не знать, как сильна инерция национальной мифологии?..

...А тем, кто не встретил у меня слова «патриотизм», не стоит огорчаться. Любовь — дело интимное. Заверять с печатных страниц в своей любви к своей стране — всё равно что публично заявлять о своей любви к матери или к детям. Есть чувства, в которых не пытаются уверить, которые подразумеваются.

Страну свою любят не за её хорошую (специально причёсанную) историю, а за то, что это твоя страна. Наоборот — из любви к своей стране (а это во многом — атмосфера семьи) возникает интерес к её истории — правдивой, неприкрашенной. Нельзя патриотизма ради приукрашивать отечественную историю. Надо говорить впрямую о советской эпохе — как, скажем, об эпохе Ивана Грозного, о котором один Сталин говорил, что мало, мол, перебил бояр.

Давайте сами зададим себе один вопрос, не желая вместо ответа во что бы то ни стало друг друга унижить, а помня, что мы прежде всего — соотечественники. Вопрос такой — чего мы, собственно, хотим добиться, вопрошая, скажем, поляков и латышей относительно их подлинных или мнимых прегрешений перед СССР? И заявляя при этом — «Поняли теперь? Это не мы перед вами виноваты, а вы, вы перед нами!»?

Так чего мы хотим? Ответ, наверное, будет такой: «Хотим, чтоб нас уважали!»

Но слышали ли вы, чтобы кому-то, кроме дяди Евгения Онегина (под страхом, заметьте, лишиться немалого наследства), удалось кого-то заставить себя уважать? И главное, главное — зачем нам такое уважение? Неужто Россия уже не способна заслужить уважение совсем иного рода?..

Вместо того чтобы добиваться ясной правды о себе, наши люди только и вопрошают: «А они?..»

Что за несчастное свойство — только и заняты соринками, да пусть хоть и бревнами, но в чужом глазу!.. Ведь с какой стороны ни посмотри — не только неэтично, но нет никакого смысла скрывать правду о преступлениях ушедшей эпохи! Сами мы, что ли, из-за этой правды разлюбим свою страну? Кто разлюбит — тот давно уже разлюбил. Или за умолчание и ложь нас больше уважать будут другие страны? Ничего, кроме легкого (или тяжелого) презрения за это не получить.

Я пишу, в сущности, о чувстве чести, о достоинстве и самоуважении страны и её граждан. Сегодня эти чувства у нас разрушены. Но их надо непременно восстанавливать, воспитывать заново. Психология братка должна быть заменена сознанием гражданина.

РЕЗОНАНС

Потеря 27 миллионов жизней это не победа. Я никогда не смирюсь с тем, что «светлый и трагический день» называется «Победой», поскольку войны не Олимпийские игры, в войнах нет победителей.

Владимир

Думаем, что, пока чекисты у власти и проникают во все сферы нашей жизни, никакой правды, тем более о войне, они официально никогда не скажут. Да и надеяться на какие-либо положительные сдвиги в стране не приходится.

Проф., д. ф. м. н. Эрнест Суворов, к. ф. м. н. Вера Седых

В борьбе с фашизмом на польской земле погибли около 600 тысяч российских солдат и офицеров, а также около 10 тысяч воинов 1-й армии Войска Польского... В Польше тем не менее нет государственного праздника, посвящённого Дню Победы. В 60-ю годовщину страна будет тихо отмечать капитуляцию Германии.

Читатель

1. Преклонение перед Сталиным может быть корыстным и бескорыстным. Есть разница между заблуждением, частным мнением и эксплуатацией в разных неблагоприятных целях.

2. Реабилитация Сталина-палача недопустима, но и вырезание его из нашей истории и из Победы опасная глупость.

3. Отделение зёрен от плевел труднейшее занятие, если кому-то кажется, что это просто, то тот наивный человек.

4. Маризтта Чудакова не боец идеологического фронта, она высказала своё суждение, но государство и общество в целом не может рассуждать как частный человек.

Груша

Мне кажется, что мы упускаем из виду тот прискорбный факт, что наше население состоит из тех, кто сидел, и тех, кто сажал. Вертухаи и сейчас толкуются в центре сытой суеты. Сталинщина селекцией за 80 лет вывела особую породу людей, из-за которой нам сейчас стыдно быть русскими.

МР

Для нас, сейчас живущих: помимо тяжких преступлений Сталина до войны, во время войны и после войны после своего издыхания, он оставил в наследство несколько поколений несчастных зомбированных людей и несколько поколений безответственных руководителей, которые уже 60 лет консервируют жалкое, нищенское существование страны, воруя всё, что лежит плохо, и отнимая все, что лежит хорошо, разумеется, на благо народа. Какая страна вытерпит такое?

Юрий

Страна, не нашедшая в себе мужества покаяния, обречена на бесконечное топтание во лжи, а значит, приговорена и к тоталитаризму (кровь наших сограждан), и к связанной с ним внешней изоляции (бряцание оружием), и к возвратному поиску врагов (репрессии). И к нищете. Разве этого мы хотим для наших детей? Разве наши голоса попрежнему ничего не значат?

Горько задавать себе эти вопросы накануне майских дней 2005 года.

Татьяна Кузовлева

ПАМЯТНИК НАШЕМУ БЕЗУМСТВУ*

В преддверии Дня Победы в центре общественного внимания оказалась проблема возрождения культа личности Сталина и установки памятников ему во многих городах Российской Федерации. Характерно, что происходит это именно накануне праздника 9 мая.

Советская сталинская система требовала не жалеть солдат — недаром до сих пор историки спорят, 7–8 или 11–12 наших убитых приходится на одного убитого в армии противника. Так что есть что изучать — вместо того, чтоб обсуждать вопрос о памятниках Сталину.

Этот вопрос мы просто обязаны сделать необсуждаемым. Обращаюсь с этих страниц лично к губернатору Красноярского края:

Господин Хлопонин, проявите политическую волю — впишите в историю Сибири своё имя как имя человека, спасшего честь края.

Бесчестно ставить памятник на костях безвинно погибших в красноярских лагерях!

Неужели после смерти Виктора Астафьева некому воспрепятствовать установке памятника убийце?

За последние дни мне несколько раз пришлось говорить о том, что, на мой взгляд, должно быть в нашем обществе минимальным условием решения любых властей о памятниках крупным деятелям. Повторю это условие: памятник не должен быть навязан тем, кто совершенно иначе относится к данному историческому лицу, чем его почитатели.

Отсутствие памятника может удручать поклонников, но ведь это легко смягчить — никто не возбраняет им повесить портрет любимого вождя у себя в доме. Боюсь, что многими владеет злое желание — именно оскорбить тех, кто смотрит на Сталина иначе, чем они. Большинство голосов такое не решается. Тот, кто остался в меньшинстве, имеет не меньше прав ходить по родному городу спокойно. Памятник А. Д. Сахарову, например, не может оскорбить чувств и твердокаменных коммунистов. Памятник же Сталину — издевательство над памятью его жертв. А память у нас всё-таки не у всех отшибло.

...Увы, президент этого не понимает или не чувствует. В первых же фразах его послания Федеральному собранию — ключ ко многому из происходящего сегодня: «Прежде всего следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века...».

* Впервые опубликовано в: Московские новости. 2005, 29 апреля. № 17.

Мы, напротив того, думаем: давно уже следует признать, что крупнейшей катастрофой века было крушение России поздней осенью 1917 года — и от непризнания этого проистекает сегодня очень и очень многое, вплоть до позорной ресталинизации снизу при бесстрашии или попустительстве сверху.

Именно эта катастрофа определила все последующие — Советский Союз, воздвигнутый на неестественных основаниях, подточенный скрепы человеческого существования и много лет подпираемый и скрепляемый исключительно силой, просто не мог распасться безболезненно. Он мог только рухнуть — и это произошло ещё далеко не так драматично, как могло бы.

Отклики шли всё это время.

Рассудительная Груша (см. «МН» № 15), полагающая, что «реабилитация Сталина-палача недопустима», спешит добавить: «но и вырезание его из нашей истории и из Победы — опасная глупость». И опасается, что кто-то хочет «вытравить Сталина каленым железом из истории». Но это всё именно сталинская методология и его практика — вырезание, вытравление, выжигание... Исчезали люди, социальные группы («ликвидированы как класс»), имена, книги (их прятали в так называемый спецхран — Груша, наверное, слышала). Исчезнуть можно было и не попав в лагерь — М. Булгаков с конца 20-х на четверть века исчез из литературы.

Разве вырежешь такого из истории России? Вычитать подобное желание или найти стремление, как выражается Аноним, «низвести Победу» — у меня в статьях негде, можно только присочинить. Напротив, необходимо изучать и изучать дела Сталина, его роль в истории XX в. Хотя бы для того, чтобы человечество сумело не допустить повторения кошмара в духе Сталина и Гитлера. Сама же Груша к изучению, видимо, не склонна, полагается больше на простые народные средства: что до жертв, то время было такое, такие обстоятельства случились. Немеркнущие слова — так и Гитлер про свои обстоятельства считал. И права Анна, написавшая в интернете: «По масштабам злодеяний КП = СС. Эта формула выражает сущность обоих режимов».

Должно детально изучать и всё относящееся ко времени войны. Два фундаментальных обстоятельства хорошо известны: разгром военных кадров в конце 30-х гг. и полный провал сталинской внешнеполитической стратегии накануне войны. Следствия — катастрофа 1941 г., миллионы пленных в первые же месяцы. Трудно вообразить страну, менее готовую к войне, чем оказалась наша под его единоличным управлением. Пленные же загодя (ещё в 1929 г., когда СССР не подписал Женевскую конвенцию) были обречены советской властью, то есть прежде всего Сталиным, на голод и мучения (плен-

ным европейцам и американцам помогал Красный Крест — наши жевали ремни). Но и этого мало — все (или не все? Читая интернет, начинаю уже сомневаться) ведь знают, что пленные, освобождённые нашей армией и союзниками из немецких лагерей, так и не увидев своих семей, по велению Сталина сразу попадали в советские.

А дальше? Сталин внёс большой, видимо, решающий вклад в успешное продвижение немцев до Волги: весной 1942 г. он настоял, вопреки мнению командующих, на проведении ряда наступательных операций, в том числе под Харьковом — последовала новая катастрофа, и немцы оказываются на Северном Кавказе и под Сталинградом (об этом напоминал, откликаясь на мою первую статью, А. Горелик в «МН» № 12). Дальше, умерив своё прямое вмешательство в ход войны, он, сколько бы ни награждал маршалов и генералов, не забывал присваивать их лавры (и не зря — одурманил, как видим, головы надолго). Скажем, все успехи 1944 г. в официальной историографии и пропаганде именовались: «десять сталинских ударов».

Тяжело, не скрою, читать у Груши равнодушные к расстрелу тысяч — тысяч! — строки: «Катынь пущена для затравки». Но если «затравка», то «пущена» она не мной, а Главной военной прокуратурой. Зачем, почему обнаружила она вдруг «государственную тайну» в давно всем очевидном?.. Жду от своих читателей-сограждан единомыслия в том, чтобы напомнить президенту Путину — надо бы ему подумать над тем, куда втравливает его военная прокуратура. И сопоставить это к тому же с последними достижениями прокуратуры гражданской.

С Алексеем соглашусь полностью: «Все, кто имеет возможность, должны на фактах показывать новым поколениям ужасы и глупости “сталинских” времен, и делать это нужно непрерывно в течение десятилетий; может быть, тогда наше общество станет гражданским, а не тоталитарным и милитаристским».

...То, что всего этого делается недостаточно, знаменательным образом обнажилось три года назад в двух выставках, посвящённых 50-летию со дня смерти Сталина. О причудливости самих выставок (например, идиотическое — трудно выбрать более мягкий синоним — умиление устроителей и некоторых посетителей бытовой скромностью палача) говорить не будем — это особая тема. Но поразили — и многое прояснили — книги отзывов.

...Семидесятипятилетний Панкратов фиксирует свои чувства к Сталину: «Благодарен судьбе, что жил в его эпоху. P.S. В нашей семье были репрессированы 5 человек. Один — не вернулся, остальные прошли тернии Соловков (один отсидел 10 лет: 1927–1937), архангельские ссылки, получили образование, специальность и в конце

концов зажили счастливо». Он идёт на вторую выставку — и там оставляет также свою запись о скромном счастье своей семьи, присовокупляя деталь: «Когда И. В. Сталин умер, бабушка (1879 г. рожд.) сказала: “Лучше бы я умерла”».

Она, раскулаченная зажиточная крестьянка, в итоге всей жизни своих детей поняла: “Если бы не советская власть, ходили бы её дети (7 детей) в лаптях”. А так — (повторяет несчастный человек, не чувствующий несчастья своей жизни, удачно найденное им обобщение) — все получили образование — высшее, среднее, в конечном счёте все зажили счастливо».

Вот, собственно, и отгадка.

Вряд ли именно президент стимулирует ресталинизацию. Нет, яды ходят по организму самого общества. Путь к счастью через тюрьмы и лагеря представляется естественным. Миллионам убийств отыскивается непостижимое для разумного человека оправдание.

Сталин — это крайне эффективный консервант: он сохраняет в нашем народе самое худшее в его истории и в сознании людей.

Сталин — это наркотик.

Рост потребления наркотиков — что, разве он свидетельствует о том, что выявилось целебное действие наркотиков? Что надо пойти навстречу их потребителям? Как и рост потребления алкоголя — что, открылось новое питательное или лечебное свойство водки? Нет, если налицо рост — значит, надо бить тревогу, искать способы борьбы с этим явлением.

Честь — в том, чтобы быть честными (а не в том, чтобы беспрепятственно требовать этого от других). В том, чтобы не делать вида, что история страны непрерывна, не хуже, чем у иных-прочих, а в том, чтобы сказать полную правду о нашем трагическом XX в. И не без торжественности объявить — мы это осуждаем, сегодня мы — другие, Россия не будет больше ни пугалом, ни посмешищем для соседей по планете.

Мы никуда не двинемся, если не сделаем этого и не расскажем полную, не принаряженную правду о Ленине, Сталине и советском периоде истории. Лгать детям и вовсе непростительно.

Юрий КРУПНОВ

КТО ВЫИГРАЛ ВОЙНУ: НАРОД ИЛИ СТАЛИН?*

Одним из наиболее популярных вопросов в преддверии 60-летия Великой Победы стал следующий: кто выиграл войну?

Речь при этом идёт не о вкладе в Победу СССР–России — или США и Великобритании. Этого вопроса больше не существует после грандиозного празднества 60-летия высадки англо–американского десанта в Нормандии в июне прошлого, 2004 г. Слушая торжественные речи и здравицы всем должно было стать ясно: в войне победили англосаксы. К тем торжествам была даже выработана соответствующая формула «демократические государства освободили Европу от нацизма».

И именно это тиражируется в мировых СМИ, а не отдельные статьи или заявления отдельных объективных историков и политиков, которые, например, как журналист испанской «La Vanguardia» Рафаэль Пош расставляют все точки над «i»: «Многие считают, что это Джон Уэйн (John Wayne — главный голливудский киногерой времён Второй мировой войны, исполнявший роли солдат в картинах тех лет. — прим. пер.) и солдат Райан (Ryan) спасли Европу от фашизма, что это Англоамерика чуть ли не в одиночку освободила старый континент и что высадка в Нормандии стала переломным моментом в ходе войны. Но это было не так. Ни исход войны, ни победа над фашизмом не были решены там. Главными героями той войны были отнюдь не Джон Уэйн и не солдат Райан, а люди, носившие славянские фамилии и погибшие за страну, которая сегодня уже не существует. И истинно переломными моментами той войны стали битвы за Москву, Ленинград (Петербург), Сталинград (Волгоград) и Курск».

Однако это всего лишь, повторю, отдельные голоса, которые при этом публикуются в отдельных изданиях и не становятся предметами глобального тиражирования и тотального «продавливания» в сознание мирового населения.

* Впервые опубликовано: www.kroupnov.ru/5/250.1.shtml.

Точно так же, как не тиражируются моменты истины из переписки Сталина с Черчиллем, где британский премьер заявляет, в частности, в «Личном, секретном и строго доверительном послании от г-на Черчилля маршалу Сталину» за 27 сентября 1944 г. (т. е. через три месяца после открытия «второго фронта»): «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своём фронте несравненно большую часть сил противника».

Ну и уж точно очень ограниченное количество людей имеют возможность находиться в ходе тех же торжеств в Нормандии рядом с президентами США и России, когда, как рассказал потом на пресс-конференции В.В. Путин, «президент США в частном разговоре во время церемонии» сказал ему: «Если бы не Россия, ничего бы этого не было».

Но эта сторона вопроса «Кто выиграл войну?», связанная с вкладом СССР–России и союзников в разгром гитлеровской Германии, является сегодня не единственной.

В последние месяцы перед 60–летием Великой Победы в общественное сознание был заново мощно вброшен и стал активно разрабатываться другой смысл того же по форме вопроса: кто выиграл войну — Сталин или народ?

Образцово–показательно вгвоздил этот вопрос в головы российского обывателя ведущий профессионал в области войн на поражение сознания (так называемых концентриальных войн, от латинского *conscientia* — «сознание», «совесть») Владимир Познер в еженедельной передаче «Времена» за 3 апреля 2005 г. (1).

Заходом на постановку этого вопроса стала просьба к приглашённым экспертам высказать их отношение к ряду инициатив по установке памятников Сталину. Введя в оборот хорошо проработанную символическими пестицидами в хрущёвскую оттепель фигуру Сталина, Познер «в связи с этими событиями» вышел на главное: «Вот возникают вопросы: а благодаря кому победил в этой войне Советский Союз? Благодаря Сталину или, образно говоря, благодаря Василию Теркину, то есть русскому солдату? Благодаря мудрому руководству коммунистической партии или благодаря неслыханному героизму народа?..».

Правда, на этот раз у президента Академии российского телевидения вышел конфуз, поскольку приглашённый им на передачу другой президент — только Академии уже военных наук — генерал армии, фронтовик Махмут Ахметович Гареев сразу вскрыл решаемую Познером задачу и дал точную оценку его многомудрому вопрошанию: «Разговоры о том, что победил народ, а не руководство, не полководцы, такие разговоры несерьёзны, несостоятельны, потому

что ни один самый самоотверженный народ никакую победу не может одержать без руководства, без управления, без руля и ветрил».

Махмут Гареев абсолютно прав. Русские вместе со всеми народами СССР–России мало что стоят без мощнейшей государственности, которая имеет тысячелетнюю историю и которая всегда персонализирована в лидере, его выдающейся личности.

Это прекрасно понимал Гитлер. На совещании 16 июля 1941 г., на котором была окончательно выработана оккупационная политика по отношению к России, Гитлер, как вспоминает в своих мемуарах Вальтер Шелленберг со слов начальника Главного управления имперской безопасности Германии Рейнхарда Гейдриха, «настаивал на скорейшем создании хорошо спланированной системы информации — такой системы, которой мог бы позавидовать даже НКВД: надёжной, беспощадной и работающей круглосуточно, так, чтобы никто — никакой лидер, подобный Сталину, — не мог бы возвыситься, прикрываясь флагом подпольного движения, ни в какой части России. Такую личность, если она когда-либо появится, надлежит своевременно распознать и уничтожить. Он считает, что в своей массе русский народ не представляет никакой опасности. Он опасен только потому, что заключает в себе силу, позволяющую создать и развивать возможности, заложенные в характере таких личностей» (2).

Государственность есть форма существования народа в истории. Поэтому никакой такой отдельной победы народа без или тем более вопреки государственности и государства никогда не было и быть не может. А государственность при этом в России всегда, в конечном счёте, представлена в личности. Христианство на Руси было принято не абстрактным отдельным народом, якобы гуляющим — как та известная кошка — сам по себе, без государственности и лидера, — а князем Владимиром (Красное Солнышко). Мамаю разгромило на Куликовом поле не войско вообще, а дружина под руководством князя Дмитрия Донского. Казань взяли не отряды дворянского конного ополчения и стрельцов, а единое войско во главе с царём Иваном Грозным. И нацистскую Германию разгромил не обезглавленный некий «народ», а народ, армия и военачальники под руководством Верховного Главнокомандующего Иосифа Сталина.

Вообще, поддаваться соблазну отделить «хороший народ» от «плохого Сталина» — значит, продемонстрировать не только странные воззрения на устройство исторических организмов, но и совершить грубую методологическую ошибку. Дело в том, что признавать саму законность вопроса типа — кто, мол, победил в войне, Сталин или народ? — означает допускать правомерность существования в истории некоего отдельного, независимого от государства «народа».

Эта ошибка столь же чудовищная, как и та, что совершают иногда больные на голову «психологи», которые задают в школах млад-

шим школьникам в «тестах» вопрос: «Вы кого больше любите: маму или папу?».

Государственность, представленная в государстве и лидере, не может существовать отдельно от народа. Но и наоборот, народ не может существовать отдельно от государственности, поскольку государственность есть способ существования народа в истории. Разделять и разводить народ и государственность, народ и лидера является неправомерным и откровенно вредным — точно так же, как разделение в сознании ребёнка мамы и папы дядями и тётями со стороны.

Системной единицей любого анализа при ответе на вопрос, почему СССР–Россия выстоял и победил в той Великой войне, является единство народа и государства в лице его руководителя Иосифа Виссарионовича Сталина. Вот если бы мы проиграли, то тогда ещё можно было бы попробовать исследовать отдельно руководство страны и народ. Но победа в такой тяжелейшей, невиданной и фактически религиозной войне принципиально невозможна вопреки руководству и лидеру победившей страны.

Лучшим свидетельством единства Сталина и народа является ясное понимание и публичное признание самим Сталиным того факта, что в той войне «руководящей силой Советского Союза среди всех народов нашей страны» был русский народ — именно за него он и поднял свой знаменитый тост 24 мая 1945 г. на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии: «Товарищи, разрешите мне поднять ещё один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа...».

Подобные тосты рождает величие невиданной трагедии, в которой руководство страны и народ сумели стать и оставаться едиными. Мордоделами из Кремля подобное не выдумывается.

Более того, Сталин и оказался Сталиным, первым мировым политиком XX в., поскольку мыслил себя исключительно вместе с народом и функцией народа. Обратите внимание на это «Мы» в его «Обращении к народу» за 2 сентября 1945 г.: «Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжёлые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира» (3).

И более чем показательно совсем уже личное отождествление себя и народа из того же «Обращения»: «Но поражение русских войск в 1904 г. в период русско–японской войны оставило в сознании народа тяжёлые воспоминания. Оно легло на нашу страну чёрным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы,

люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции».

Вот он, корень Победы и единства Сталина и народа: «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня...».

К сожалению, отлуп, используя чрезвычайно подходящее здесь слово из лексикона деда Щукаря, который Махмут Ахметович Гареев дал Познеру, стал лишь одним из миллиона тиражируемых СМИ моментов последних перед юбилеем Победы месяцев.

Преобладающее же место в гигантских информационных потоках занимает мнение тех, кто считает, в отличие от М. А. Гареева, противопоставление «Сталина» и «народа» серьёзным и состоятельным.

Впрочем, вся эта интеллектуальная «бомба», связанная с отождествлением Сталина с Гитлером, коммунизма с нацизмом и, главное, с разведением «народа» и «тирана Сталина» давно и тщательно готовилась и ныне представлена в миллиардах страниц газет и монографий, в триллионах видеоклипов.

По существу у деградирующей страны с бездарными лидерами, начиная с Горбачёва, украдена, полностью переписана и экспроприрована история. И английский историк Кэтрин Меридэйл имеет все основания для того, чтобы заявить немецкой газете «Sueddeutsche Zeitung» в апреле этого года: «История России стала вотчиной американцев: они нанимают российских профессоров, которые не могут прожить на своё жалованье, чтобы те занимались исследованием архивов. Именно американская интерпретация будет доминировать в будущем образе российской истории. Это исключительно мирная экспроприация, лишаящая нацию собственной истории» (4).

Конечная цель этой геостратегической операции очевидна и предельно ясно сформулирована Збигневом Бжезинским, в прошлом советником президента США Картера по национальной безопасности, ныне попечителя Центра стратегических и международных исследований и автора многих книг, в которых описывается лидерство США и третьестепенное место России в мире: «России нужно было бы последовать примеру Германии и усвоить некоторые полезные уроки... Только после того, как Россия чётко и недвусмысленно откажется от своего имперского прошлого и своих представлений о себе как мировой державе, может состояться процесс её исторического искупления, через который Германия уже прошла», — отчеканил Бжезинский четыре года назад (5).

Отсюда каждому следует раз и навсегда сделать столь же ясный вывод: тот, кто играет в разведение «Сталина» и «народа» вместе с Бжезинским и всеми прочими «благожелателями», коим несть числа, превращают нашу Великую Победу в Великой войне в поражение России.

Кто же является местными друзьями Бжезинского?

Во-первых, это вчерашние работники советского агитпропа, враз перекарасившиеся и ставшие «независимыми» «мыслителями» и «журналистами». В преддверии Великого праздника они все, отряхивая нафталин, повылазили из того славного периода, когда «процесс пошёл» и вершиной мысли был коротичевский «Огонёк».

Это они в последний месяц перед шестидесятым Днём Победы устроили форменную вакханалию. Достаточно указать на киселёвские «Московские новости», которые перед самым юбилеем затеяли дискуссию на тему «В России возрождается культ Сталина». Показательны и господа типа обозревателя РИА «Новости» Юрия Богомолова, который, брызгая слюной, не считает зазорным сводить величие Победы и Всемирной Истории к идеологической пошлости вроде следующего пассажа: «На победное контрнаступление на демократию, либерализм и рынок, за Родину под водительством памятника Сталину и рассчитывают национал-патриоты». Отчего же, вероятно, сам поражаясь собственному остроумию, вопрошает Богомолов, «до сих пор не поставлено в Германии ни одного памятника камраду Гитлеру?» — ведь «за ним тоже есть кое-какие заслуги». И отвечает: «Дело в том, что Гитлер — это путь, и Сталин — путь. И обе дороги ведут в бездну бесчеловечности. И, кроме того, оба пути сегодня все ещё для человечества не исключены и не заказаны. А памятники — что Гитлеру, что Сталину, хоть апологетические, хоть саркастические — путеводные звёзды» (6).

И невдомёк большинству читателей, что это ленивое онтологическое отождествление Гитлера и Сталина с одновременным разотождествлением и разведением «народа» и «Сталина» на деле и означают победу над Великой Победой.

Вторую группу туземных друзей Бжезинского составляют представители нового российского сословия грантье — т. е. те, кто вынужден жить на американские и иные западные гранты.

Вероятно, к этой категории относится и главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Фёдор Лукьянов — поскольку его журнал «издается при участии американского журнала «Foreign Affairs» и, скорее всего, существует на деньги американских «исследовательских» центров.

В своей статье в «Известиях» за две недели до Дня Победы Лукьянов сетует на то, что мы, мол, «видя впереди мглу, инстинктивно оборачиваемся назад, стремясь зацепиться хоть за какие-то внушающие уверенность ориентиры», среди которых «безусловным ориентиром...», конечно, является Великая Отечественная». Но далее, отдав дежурную дань той Великой войне, Лукьянов произносит заветное: «Но если воспринимать эту войну не как подвиг народа, а как политический триумф Российского государства, то мы попадаем

в ловушку. Вот и приходится с пеной у рта доказывать, что Сталин действовал как должно, пакт 1939 года соответствовал международному праву, а Ялта принесла Восточной Европе демократию» (7).

То, почему представителям первых двух групп приходится повторять речёвки Бжезинского, в целом понятно.

Непонятны умонастроения третьей группы, в которую, в частности, входят такие разные, но, очевидно, резко отличные от «независимых журналистов» или грантье, люди как патриарх Алексей II или выдающийся учёный и методолог Ю. В. Громыко.

В предпасхальные и предпобедные дни этого года по телеканалам воспроизводятся (например, на канале «Культура» 29 апреля 2005 г.) выступления Патриарха Алексия, где он в своей ставшей уже обычной манере заявляет, например, об «искорёженных атеистическим режимом душах». Это всё продолжает традиционные для руководителя Московской Патриархии рассуждения о том, что ныне, мол, идёт «духовное возрождение народа», заполняется «тот духовный вакуум, который образовался в результате семидесятилетнего воспитания народа в духе безверия, отрицания духовных ценностей».

Вряд ли необходимо быть предстоятелем Русской православной церкви, чтобы заметить, что ставшие дежурными сентенции про «искорёженные души» советского периода и, наоборот, нынешнее «духовное возрождение» России неуместны — тем более, в канун юбилея Победы. Впрочем, можно задать и более неприятный вопрос: что же тогда победили вопреки вакууму и безверию, а сегодня — в период «духовного возрождения» — по всем геополитическим фронтам происходит поражение за поражением, да ещё и по нарастающей?

Впрочем, у ряда заметных деятелей РПЦ к 15-му году этого открытого ими «духовного возрождения» образовалась какая-то совсем странная форма корпоративной слепоты. Так, если послушать диакона Андрея Кураева, то войну выиграл и не Сталин, и даже не народ — а церковь (8).

И вообще, согласно Кураеву, то, что РПЦ выступила на стороне СССР и против Гитлера — её огромная историческая заслуга, судьбоносный выбор и даже своего рода блажь — ведь она вполне оправданно могла бы, по Кураеву, и на стороне немцев выступить: «Митрополит Сергей уже в июне 41-го года объявляет начавшуюся войну «священной». Сегодня это кажется очевидным. Но ведь легко было бы дать волю обидам. Самолёты-то немецкие были с крестами, и сбрасывали эти самолёты не только бомбы, но и листовки, гласившие, что новые крестоносцы пришли избавить русскую землю от комиссаров, от которых и вправду ведь пострадали церковные люди Руси...».

Это, напомним, ведущий и почти официальный идеолог РПЦ, а не Познер или Президент Латвии Вайра Вике-Фрайберга. Но, по Кураеву, так получается, что Сталин, народ, церковь — все порознь — и лишь эти трое вместе, поскольку, чувствуется, тяжело страдали от «оккупации»?..

Точно также непонятно, почему грубые методологические ошибки совершают даже предельно искушённые в методологии интеллектуалы, как, например, безусловный государствовед Ю.В. Громыко, зачем-то в замечательной статье про СНГ посчитавший необходимым между прочим доложить о том, что он с Бжезинским и Познером: «Войну выиграл народ, а не Сталин, чтобы ни говорили радетели церетелевских памятников. Поэтому Дух Великой Победы — это Дух единения народа» (9).

Про памятники Юрий Вячеславович, скорее всего, прав. Не в этой монументной активности сегодня задача. Но разделять и разводить народ и Сталина — не только безусловная ошибка, но и, главное, ещё большая суета.

...Всё это чужие песни — сегодня Бжезинского, а пятьдесят лет назад Хрущёва.

Разведение Сталина и народа началось со знаменитого доклада Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущёва Никиты Сергеевича XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 г.

В тот момент, чтобы окончательно утвердить собственную единоличную власть, Никита Сергеевич должен был сфабриковать собственную легитимность за счёт разоблачения «неслыханных злодеяний» и «культы личности» Сталина. И одним из ключевых моментов стало как раз разведение Сталина и народа: «Если взять многие наши романы, кинофильмы и исторические “исследования”, то в них совершенно неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне. Обычно рисуется такая схема. Сталин всё и вся предвидел. Советская Армия чуть ли не по заранее начертанным Сталиным стратегическим планам проводила тактику так называемой “активной обороны”, то есть ту тактику, которая, как известно, допустила немцев до Москвы и Сталинграда. Применив такую тактику, Советская Армия только-де благодаря гению Сталина перешла в наступление и разгромила врага. Всемирно-историческая победа, одержанная Вооружёнными Силами Советской страны, нашим героическим народом, приписывается в такого рода романах, кинофильмах и “исследованиях” всецело полководческому гению Сталина».

Заодно Хрущёв сумел развести со Сталиным и Жукова, который три года назад помог Хрущёву арестовать Берия и захватить для Хрущёва власть и который уже через полтора года после XX съезда

был снят с должности и уволен в отставку: «Видимо, сам Сталин выдумывал такие вещи, чтобы принизить роль и военные способности маршала Жукова. В этой связи сам Сталин очень усиленно популяризировал себя, как великого полководца, всеми способами внедрял в сознание людей ту версию, что все победы, одержанные советским народом в Великой Отечественной войне, являются результатом мужества, доблести, гения Сталина и никого больше. Как Кузьма Крючков — сразу на пику 7 человек поднимал. (Оживление в зале).».

Вывод Хрущёва был закономерен: «Не Сталин, а партия в целом, Советское правительство, наша героическая армия, её талантливые полководцы и доблестные воины, весь советский народ — вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне. (Бурные, продолжительные аплодисменты).».

По поводу бредовости разделения Верховного главнокомандующего и военачальников исчерпывающе высказался в своём недавнем интервью «Красной Звезде» выдающийся русский мыслитель и ветеран Войны А. А. Зиновьев: «Наши военачальники стали выдающимися полководцами и флотоводцами только потому, что они были при Сталине подобно тому, как Даву, Ней и Мюрат были великие маршалы при Наполеоне. Без Наполеона их бы не было...» (10).

Итак, кто же всё-таки победил: Сталин или народ?

Пока ведут с сухим счётом те, кто строит мировой порядок, в котором Россия не только не нужна, но и является опасной, и, значит — должна быть уничтожена и вычеркнута из истории вместе с русским народом.

Именно для этого последние полгода в очередной раз ради разделения народа со Сталиным и государственностью на обывателя вылили столько словесного елеса — лишь бы этот самый народ окончательно отказался от Сталина и государственности.

Точка зрения самого Сталина на этот вопрос не просто хорошо известна, но и документально представлена в его Приказе Верховного главнокомандующего по войскам Красной армии и Военно-морскому флоту 9 мая 1945 г. Юрий Левитан зачитал своим единственным голосом этот Приказ 60 лет назад для всей страны: «Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась». То есть, по И. В. Сталину, вёл войну и победоносно её завершил именно советский народ, частью которого он, Верховный главнокомандующий, и являлся и отделяться от которого никогда не мог даже и помыслить.

Проблема Сталина давно уже не в нём (11). Построенный им в абсолютном единстве с народом Союз Советских Социалистических Республик навсегда стал вершинным явлением российской тысяче-

летней истории. Проблема Сталина в нас, оказавшихся неспособными сохранить свою страну пятнадцать лет назад и оказывающихся неспособными в очередной раз сегодня сохранить остатки от той страны.

Тогда, 60 лет назад, согласно самому Сталину, победил народ — под руководством Сталина. А сегодня мы на грани исторического поражения.

Без Сталина. И без народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. <http://www.contr-tv.ru/vremena/1119/>
2. *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика: — М., 1991. С. 227.
3. «Правда», 3 сентября 1945.
4. <http://www.inosmi.ru/translation/219121.html>.
5. Die Zeit, №2, 2001.
6. <http://www.rian.ru/authors/20050427/39746901.html>.
7. <http://www.globalaffairs.ru/articles/3986.html>.
8. См., к примеру, его выступление по радио «Радонеж» за 29 марта 2005 г. — www.radonezh.ru/radio/archive/?ID=3238.
9. <http://mmk-mission.ru/rusleader/comments/20050424-sng.html>.
10. http://www.redstar.ru/2005/04/23_04/5_01.html.
11. <http://www.rosbalt.ru/2005/03/05/198876.html>.

Никита ДЕДКОВ

ЛОГИКА ОШИБОК*

Стремление заново переосмыслить историю Великой Отечественной понятно и естественно. Как-то незаметно канул в Лету обычай последними словами ругать советскую историю и тосковать по той безвозвратной, да и едва ли существовавшей когда-нибудь, эпохе, «когда была свободной Русь и три копейки стоил гусь». Рассеялся морок, в котором позади смутно рисовался сплошной 70-летний провал, беспросветная эпоха преступлений, ошибок и поражений, и оказалось, что в советском прошлом немало свершений, достойных, как минимум, уважения, а то и восхищения. И всё громче зазвучали голоса, взывающие к патриотизму граждан новой России, требующие возвращения исторической справедливости, очищения от лжи и наветов. И в первую очередь речь идёт о Великой Победе, едва было не забытой вместе с настоящими её творцами — ветеранами — в пылу мечтаний о баварском пиве.

Официальная «реабилитация» Победы состоялась: идут парады, окружаются (надолго ли?) заботой ветераны, произносятся речи, снимаются и демонстрируются по ТВ фильмы, пишутся статьи и книги. Одним словом, победой в Великой Отечественной войне опять гордятся на государственном уровне. И снова, как в подзабытые было брежневские времена, она становится не столько победой народа, сколько достижением государства, и снова всё громче и твёрже звучит имя Иосифа Сталина.

АРГУМЕНТЫ

У сторонников возвращения Сталину доброго имени — назовём это так, мягко — немало убедительных аргументов, которые, в конечном счёте, сводятся к четырём главным пунктам.

* Впервые опубликовано в журнале «Свободная мысль-XXI» (№ 6, 2005).

Во-первых, победа в Великой Отечественной войне была бы невозможна, если бы в 1920-е — 1930-е гг. не был создан необходимый экономический фундамент. Иными словами, без осуществления индустриализации и коллективизации Советский Союз физически не смог бы противостоять фашистской Германии. И таким образом, готовность СССР к войне (пусть и не полная, поскольку не хватило времени) целиком и полностью является заслугой И.В. Сталина. Что же касается жертв (и коллективизации, и политических репрессий), то они во многом были неизбежны, и в любом случае заслуги Сталина в предвоенный период перевешивают его ошибки.

Во-вторых, в годы войны Сталин был Верховным Главнокомандующим. По общему признанию — и сторонников своих, и противников — он сосредоточил в своих руках необъятную власть; в стране ничто не могло происходить помимо его воли — а раз так, то и победа была достигнута именно благодаря его мудрой и дальновидной политике.

В-третьих, после окончания Второй мировой войны СССР превратился в сверхдержаву, авторитет страны на международной арене был необычайно высок, была создана международная социалистическая система, и все это — благодаря Сталину, который даже в самые тяжёлые дни войны умел отстоять интересы СССР перед лицом партнеров по антигитлеровской коалиции, а потом в полной мере использовать результаты Победы на благо страны.

И, наконец, *в-четвёртых*, жизнь при Сталине для простых людей в СССР была много более справедливой и безопасной, чем сегодня.

Репрессии, говорите Вы? Культ личности? ГУЛАГ? Зажим демократии и тоталитарные методы управления? Как это всё мелко и ничтожно перед лицом свершений человека, обеспечившего победу в Великой войне, спасшего народ от физического уничтожения, поднявшего авторитет страны на недостижимую высоту и сделавшего жизнь её гражданина справедливой и безопасной! Ах, если бы всё было так просто...

«ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ТОВАРИЩИ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ...»

Простые и такие понятные аргументы защитников Сталина не исключают необходимости тщательно с ними разобраться — хотя бы для очистки совести, не без оснований вопрошающей: как же мы раньше могли так бессовестно заблуждаться и не замечать очевидного?

И начнём, пожалуй, тоже с очевидного — со справедливости общественного устройства и безопасной жизни простого человека

в эпоху Сталина. Всё правда — в сравнении с сегодняшним днем нашего общества, с его безумным разрывом между богатыми и бедными, массовой нищетой, с коррупцией, убийствами и грабежами, с чудовищными террористическими актами и прочими хорошо известными «прелестями» нашей жизни. Но, спросим себя: при чём здесь Сталин? В аргумент закралась маленькая неточность: для того чтобы выделить реальные заслуги этого человека, слово «была» следовало бы заменить на «стала»: «При Сталине, мол, жизнь *стала* справедливой и безопасной». Однако так почему-то не говорят.

Ошибка? Неудачная формулировка? Нет — всего-навсего сидящее глубоко в подсознании ощущение неточности фразы, в которой изменено единственное слово.

Справедливость требует признать, что основы советского общества были заложены не Сталиным — они были сформированы Октябрьской революцией и первыми годами советской власти в ходе попытки уничтожения буржуазного строя и перехода к обществу коммунистическому. И хотя Сталин, конечно же, имел самое непосредственное отношение к событиям тех лет, его влияние на социальную политику большевиков в первые годы не было значительным. А к тому времени, когда будущему вождю народов удалось сначала переиграть Троцкого, а потом одолеть Каменева с Зиновьевым и Бухарина с Рыковым, советское общество уже обрело достаточно стабильные формы; собственные заслуги Сталина следует исчислять с рубежа 1920-х — 1930-х гг. И определяться они должны не просто уровнем справедливости общественного устройства в годы его правления (этот уровень мог быть и нерастраченным наследством), а тем вектором развития, который он задал (то есть приращением или умалением наследства, которое при нём произошло).

К 1939 г. в городах проживало 32 процента населения СССР, а это означает, что сильнее всего на жизни людей отражались перемены, происходившие на селе. Общее имя их известно: коллективизация сельского хозяйства. Не будем вдаваться в дискуссии о её экономической и политической целесообразности: не о ней в данном контексте речь, а о справедливости. Не будем также акцентировать внимание на том, что в результате коллективизации жизнь человека на селе, мягко говоря, не улучшилась. И даже злосчастную судьбу раскулаченных, которых иные защитники Сталина огульно зачисляют в разряд врагов народа, ради «чистоты эксперимента» вынесем за скобки. А примем во внимание то обстоятельство, что согласно постановлению Совнаркома СССР от 19 сентября 1934 г. за № 2193 предприятия в паспортизированных местностях могли принимать на работу колхозников, ушедших «в отход» без зарегистрированного в правлении колхоза договора с хозорганами, «лишь при наличии

у этих колхозников паспортов, полученных по прежнему месту жительства, и справки правления колхоза о его согласии на отход колхозника». В переводе с бюрократического на русский это означало, что ни один колхозник, не имевший паспорта (а жители села в СССР стали получать паспорта только с 1974 года), не имел права покинуть «родной» колхоз и поехать на работу в город без согласия правления сельскохозяйственной артели. А если учесть, что по заведённому порядку дети колхозников по достижении 16 лет заносились в списки членов соответствующей сельхозартели без подачи заявления, автоматически, то станет ясно: в результате сталинских реформ две трети населения Советского Союза были серьёзно ущемлены в своих правах по сравнению с горожанами.

Прикрепление крестьян к земле — а как иначе можно назвать такое положение дел? — было, вероятно, единственным средством удержать их в колхозах и заставить работать за трудодни или, как выражались в те времена, «за палочки». Но эта экономическая целесообразность, вызванная к жизни политикой принудительной коллективизации, ни в коей мере не умаляет вопиющую несправедливость ущемления человеческих прав двух третей населения СССР.

А в городе в то же самое время происходил демонтаж уравнительной системы, созданной в 1920-х. Сегодня мало кто знает, что с 1920 г. действовало постановление ВЦИК, устанавливавшее единую фиксированную тарифную сетку зарплаты для всех коммунистов, включая партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных руководителей: *максимальный уровень их окладов не должен был превышать заработную плату высококвалифицированного рабочего*. Высокооплачиваемые коммунисты были обязаны отчислять определённую часть своей зарплаты в фонд взаимопомощи остро нуждающимся членам партии. Таким образом материальная привлекательность пребывания в рядах ВКП(б) существенно ограничивалась, создавалась заинтересованность руководства в росте общего уровня жизни в стране, тормозился процесс социального расслоения. А поскольку большинство руководящих должностей занимали именно коммунисты, партмаксимум в принципе не давал номенклатуре оторваться от народа. Однако Сталина такое положение не устраивало: *секретным* постановлением Политбюро от 8 февраля 1932 г. партмаксимум был ликвидирован.

Начался процесс отказа коммунистов (точнее, коммунистов сталинского образца) от коммунистических принципов. И не в одном партмаксимуме дело: бурно развивавшаяся в сталинские годы система пайков, закрытых распределителей, разного рода привилегий руководящих работников создавала условия для социального расслоения; уже к концу 1930-х разрыв в уровне жизни (если учитывать

не только размер заработной платы, но и обеспеченность жильем, одеждой и личным транспортом, качество питания, медицинское обслуживание и т. д.) между верхушкой номенклатуры и наименее обеспеченными слоями населения достиг величин, характерных для капиталистического общества. И оправданием такому расслоению не могут служить ни тот факт, что номенклатура при Сталине жила скромно (сравнивать надо не с днём сегодняшним, а с общим уровнем тогдашней жизни), ни то обстоятельство, что материальное благополучие было приложением к должности — теряя её, человек терял всё. В последнем видится не справедливость, а сугубая рациональность: осознавая свою зависимость от должности, чиновник тем усерднее служил... нет, не государству, не партии, а тому лицу, от которого зависело его продвижение по службе. Если ситуация в деревне заставляет вспомнить о крепостном праве, то положение номенклатуры — о другом явлении из той же феодальной эпохи: раздаче земельных владений (или «кормлений») во временное пользование в обмен на службу и преданность. Возможно, эта система и была эффективной, но справедливость её весьма сомнительна. (Более того, весьма сомнительна и дальновидность её создателя: как известно, на рубеже 1980–1990-х гг. советская власть оказалась под двойным ударом. С одной стороны, привилегии партийно-хозяйственной верхушки стали наиболее удобной, уязвимой мишенью для критики «снизу», а с другой — сама номенклатура спешила использовать возникший кризис для того, чтобы перевести свои временные, прилагающиеся к должностям преимущества, во вполне постоянную, отчуждаемую, передающуюся по наследству собственность... Эта мина замедленного действия в основание советского общества была заложена именно Сталиным.)

Итог известен: новое деление советского общества если не на классы, то на социальные слои, существенно различавшиеся по объёму прав и материальному положению. Что проку в пресловутой «полной ликвидации эксплуататорских классов» — энпманов, то есть переворивших новой власти предпринимателей, и кулаков, — которые изначально воспринимались в СССР как элементы чуждые и временные, если новая несправедливость общественного устройства, уже ни в коей мере не являвшаяся пережитком прошлого, утверждалась самой советской властью!

Добавим для полноты картины репрессии против народов — корейцев, немцев, карачаевцев, калмыков, балкарцев, чеченцев и ингушей, крымских татар, турок-месхетинцев, — которые не могли быть справедливыми хотя бы по той простой причине, что дети никак не могли нести ответственность за мнимые и реальные грехи своих

родителей, — и слово «справедливость» применительно к сталинской политике будет звучать просто издевательски.

Что же касается вопроса о безопасности жизни простого человека, то он также более чем спорен. Шансов стать жертвой бандита при Сталине у рядового гражданина СССР, возможно, было и меньше, чем в 1920-е гг. (хотя и это не факт: уж очень вольготно чувствовал себя воровской мир в 1930-х), но зато шансы на попадание в поле внимания «компетентных органов» возросли безмерно. «Лес рубят — щепки летят», — говорили тогда, и вот это самое уподобление жизни человеческой щепке, вылетающей из-под топора лесоруба, лучше всего характеризует сталинское отношение к ней.

НА ПУТИ К ВОЙНЕ

Странное совпадение, но и в аргумент, касающийся построения экономического фундамента Победы, тоже закрались неточности, а вернее — логические ошибки. Если воспроизвести логику этого аргумента в чистом виде, то она будет выглядеть так: для победы над Германией Советский Союз нуждался в мощной экономической базе — эта экономическая база была построена в 1920–1930-е гг. — следовательно, проводимая в те годы экономическая политика была единственно верной — и, таким образом, именно Сталину мы обязаны тем, что экономическая база была создана. Убедиться в том, что из первых двух абсолютно верных тезисов вовсе не следует третий, а из третьего — четвёртый, нетрудно: налицо логические скачки. Во-первых, результативность конкретной политики сама по себе не является доказательством её безальтернативности. А во-вторых, совершенно непонятно, почему проведение индустриализации было невозможно без Сталина, без культа его личности и без всех преступлений, совершённых им и от его имени?

Доводы сторонников коллективизации и индустриализации в сталинском исполнении просты: слишком короткие исторические сроки, отпущенные СССР на создание тяжёлой индустрии, и в том числе оборонной промышленности, не позволяли продолжить политику нэпа, которая, может быть, и дала бы нужные результаты, но слишком поздно, поскольку страна находилась во враждебном капиталистическом окружении и скорая война была неизбежна. К сожалению, и эти рассуждения логически непротиворечивы: допуская альтернативы в области экономических решений, они принимают дату начала войны за некую абсолютную данность — 22 июня 1941 г., ни днём раньше, ни днём позже.

Задумаемся. Представления о враждебном капиталистическом окружении молодого советского государства, подкреплённые сначала страшной реальностью Великой Отечественной, а затем опытом «холодной войны», настолько вошли в наше сознание, что воспринимаются некритически: так, мол, оно, к сожалению, и было. Однако, мысленно возвращаясь в 1930-е и пытаюсь оценить масштабы реальной военной угрозы Советскому Союзу со стороны капиталистического мира, мы с удивлением обнаруживаем, что она была предельно локализована.

Для стороннего наблюдателя этот факт совершенно очевиден: достаточно посмотреть, как вступали во Вторую мировую войну ведущие капиталистические страны.

К сентябрю 1939 г. армия Соединенных Штатов по размерам и боевой мощи занимала 17-е место в мире, а к моменту вторжения Германии во Францию располагала 5-ю укомплектованными дивизиями. И при этом Ф. Рузвельту пришлось преодолеть серьёзнейшее сопротивление сторонников изоляционизма, чтобы в 1940 г. добиться выделения конгрессом на военные нужды 9 миллиардов долларов — эта сумма превышала всё истраченное на американскую армию за 20 лет!

Англия в 1939-м также была совершенно не готова к ведению не только наступательной — оборонительной войны, и была вынуждена мучительно долго переводить экономику на военные рельсы, размещать заказы на вооружения в США, дожидаться прибытия подкреплений из доминионов. Единственной реальной её силой был Британский королевский флот, которого явно было недостаточно для создания угрозы безопасности СССР.

Франция в том же 1939-м возлагала все свои надежды на оборонительную линию Мажино и в силу неготовности к ведению боевых действий не могла решиться перейти в наступление даже в тот момент, когда наиболее боеспособные части вермахта были заняты в Польше.

Что же касается фашистской Италии, то боеспособность её вооружённых сил, проверенная в Эфиопии, во время гражданской войны в Испании и в начале Второй мировой, оказалась ниже всякой критики.

При этом мы ещё не учитываем то простое, вполне очевидное обстоятельство, что у СССР не было общей сухопутной границы ни с одним из перечисленных капиталистических грандов.

Да, но у Советского Союза было два боеспособных врага — Германия и Япония. Этого более чем достаточно; впрочем, и одной Германии хватит.

Так, да не совсем. В 1920-е Германия отнюдь не считалась врагом Советской России. Напротив, эти две страны — одна, ставшая

изгоем после социальной революции, а другая, сделанная козлом отпущения по итогам Первой мировой войны, — находились в прекрасных отношениях. Достаточно вспомнить, что немецкие танкисты и летчики тайно проходили обучение в СССР и сами обучали своих советских коллег, здесь же был размещен ряд германских военных заводов. Только приход Гитлера к власти сделал Германию и Советский Союз непримиримыми врагами. Война стала неизбежной с 1933 г., когда и индустриализация, и коллективизация шли уже полным ходом.

Но и это ещё не все. Мы явно принизили бы роль товарища Сталина и СССР в предвоенной истории, если бы забыли про Коминтерн, который под руководством «вождя народов» жёстко направлял политику зарубежных коммунистических партий и нацеливал их в первую очередь на борьбу с «социал-фашистами», с «активным фактором и проводником фашизации капиталистического государства», с «главным врагом рабочего движения» — словом, с социал-демократами. Так было и в Германии в начале 1930-х.

Гитлер пришёл к власти вполне законным путём, но его партия никогда не имела большинства голосов в рейхстаге. Наибольшим представительством среди всех партий НСДАП обладала, а вот большинством голосов, однозначно обеспечивающим право на формирование кабинета министров, — нет. Более того, объединённым силам родственных, в принципе, политических партий — коммунистов и социал-демократов — вполне по плечу была задача противостояния нацистам (впоследствии опыт Народных фронтов в других странах, в частности во Франции, доказал это вполне убедительно). Расклад сил в рейхстаге по итогам последних в догитлеровскую эпоху парламентских выборов 6 ноября 1932 г. хорошо известен: наибольшего успеха добились три партии — нацисты (196 мест), социал-демократы (121 место) и коммунисты (100 мест). Однако блоку социал-демократов и коммунистов в Германии не суждено было состояться.

Германская компартия, руководившаяся вполне сталинской ненавистью к «социал-фашистам», явно недооценила потенциал нацистов и даже косвенным образом способствовала его росту. Курс на социальную революцию, однозначная ориентация на опыт Советского Союза, непримиримость компартии по отношению к другим политическим силам, рост её влияния в рабочем классе пугали очень многих как среди обывателей, так и среди политической верхушки страны, в том числе в окружении престарелого президента Германии Гинденбурга, в конце концов назначившего Гитлера рейхсканцлером. И те, и другие видели спасение от коммунистов в лидере нацистов, глубоко несимпатичном для многих из них персонаже.

Для Советского Союза исторической неизбежности в приходе Гитлера к власти в Германии не было. Очень многое зависело от расстановки приоритетов при выработке политики Коминтерна. Можно было оставаться догматиками и следовать раз и навсегда выработанным курсом, а можно было и признать, что политическая целесообразность выше любых догм, что текущей задачей компартии может быть не только революция, но и поддержка такого вполне буржуазного правительства, которое, в частности, блокировало бы приход к власти совсем уж реакционных сил и не ставило бы своей целью уничтожение коммунистов.

Сталин фатальным образом недооценил угрозу фашизма, которая, между тем, для многих его оппонентов (естественно, «врагов народа», сознательно вводивших всех в заблуждение) была достаточно очевидной: «Но если Гитлер придёт к власти, если он разгромит затем авангард немецких рабочих, распылит и деморализует на годы пролетариат в целом, фашистское правительство окажется единственным правительством, способным на войну с СССР, — писал в декабре 1931 г. Л. Д. Троцкий. — ...Незачем, да и невозможно сейчас гадать, как закончился бы такого рода гигантский поединок. Но совершенно ясно, что если б война мировой буржуазии против советов открылась после прихода фашистов к власти в Германии, это означало бы для СССР страшную изоляцию и борьбу не на жизнь, а на смерть в самых тяжких и в самых опасных условиях» (1).

Требование жёсткого, неукоснительного следования догме было именно сталинским требованием, сталинским стилем руководства. Сам Сталин мог как угодно перетолковывать марксизм, поворачивая руль то вправо, то влево в зависимости от того, какие цели преследовал в данный конкретный момент времени. Но вот делать то же самое другим он не позволял никогда. Сталинская нетерпимость, сочетавшаяся с элементарным незнанием конкретной обстановки в других странах, не раз играла зловещую роль в истории зарубежных компартий. Германия не стала исключением. По жестокой иронии судьбы политика германских коммунистов во главе с Э. Тельманом объективно способствовала приходу к власти Гитлера и созданию реальной угрозы для существования СССР. События в истории иной раз сцепляются друг с другом самым причудливым образом: фашизма в Германии могло не быть, если бы в Советском Союзе не было сталинизма.

И тогда у СССР на ближайшую перспективу оставался бы единственный реальный потенциальный противник — Япония. Однако её военно-экономический потенциал был несопоставим с германским — для отражения этой угрозы, очевидно, не нужна была такая тотальная мобилизация ресурсов страны, какая потребовалась для Великой

Победы. Столкновения у озера Хасан и на реке Халхин-Гол доказали это со всей очевидностью. Иными словами, у Советского Союза был вполне достаточный запас исторического времени, для того, чтобы осуществить модернизацию «мирным путём», без превращения страны в военный лагерь, без жертв коллективизации и лихорадочного темпа первых пятилеток.

Это ведь только иллюзия, что никто в СССР, кроме Сталина и его сторонников, не осознавал необходимость индустриализации. Точнее говоря, это сознательно сконструированный миф.

Интересная история: после разгрома «правой оппозиции» многие видные троцкисты, ранее отличавшиеся непримиримостью и идейным упорством, решили вдруг пойти на сотрудничество со сталинским руководством ЦК, в 1930–1931 гг. вернулись в партию и даже получили достаточно видные посты — не политические, конечно, но экономические. Г. Л. Пятаков был назначен первым заместителем наркома тяжёлой промышленности СССР (и, кстати сказать, сделал на этом посту, по крайней мере, не меньше своего патрона, мало смыслившего в экономике Г. К. Орджоникидзе), Л. П. Серебряков стал начальником Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта при Совнаркомом СССР, а Е. А. Преображенский, некогда главный защитник экономической программы «левой оппозиции», теперь объяснял бывшим своим товарищам, что Сталин, разгромив «правых», наконец-то перешёл на правильные позиции в экономических вопросах. И Преображенский был по-своему во многом прав: это были их идеи (хотя, конечно, по-сталински переработанные), их политика, та самая, за которую несколько лет назад предавали анафеме, разоблачали и отправляли в ссылки.

Троцкисты оказались виновны потому, что Сталин, избавляясь от Троцкого, Каменева и Зиновьева решил завести дружбу с Бухариным и совершил вираж вправо; минула необходимость в поддержке «любимца партии» — и он круто повернул влево. В отличие от оппозиционеров — как левых, так и правых, — всерьёз озабоченных вопросами экономической политики (какими наивными выглядят сегодня их попытки доказать ошибочность тех или иных решений правительства!), Сталин решал вопросы куда более важные: он расчищал себе дорогу к единоличной власти. В период сердечного согласия с Бухариным предложения «левой оппозиции» официально оценивали как глубоко ошибочные (а как же иначе?), как «сверхиндустриализацию» — чтобы отличить от индустриализации правильной, сталинской. Пройдёт пара лет, и сравнительно со сталинскими планами первых пятилеток «сверхиндустриализация» по Преображенскому окажется «минималистской и поганенько капитулянтской» (2). Оно и понятно: ни один оппозиционер и вообразить себе не мог, какими средствами будут

осуществляться «социалистическое накопление» за счёт деревни и мобилизация рабочей силы на строительство индустрии. И так ли уж неправы те, кто представляет сталинскую индустриализацию как воплощение идей оппозиции — но запоздалое и варварски жестокое по отношению к народу?

Да, к концу 1930-х экономический фундамент, обеспечивший победу в Великой Отечественной войне, был построен. Но цена, уплаченная народом за это свершение, была неоправданно, невероятно высока. Даже в математике к решению одной задачи часто можно прийти разными путями, в жизни — тем более. Раскулачивание (а точнее — раскрестьянивание) и голод 1930 г., ликвидация остатков демократических свобод и массовые политические репрессии, карточная система и новое социальное неравенство, а также (в качестве побочного эффекта) сокращение исторического времени, отпущенного стране на мирное развитие, — все эти и многие другие «этапы большого пути» ни в коей мере не относились к числу обязательных и непременных условий модернизации. Это была всего лишь неизбежная расплата за удовольствие следовать курсом, указанным «великим кормчим».

ТАК КТО ЖЕ ПОБЕДИЛ В ВОЙНЕ?

В довоенном периоде всё сложно и запутанно, использование условного наклона применительно к историческому процессу всегда спорно, так, может быть, с ролью Верховного главнокомандующего не будет вопросов? Вряд ли. Мы снова — в третий уж раз — имеем дело с «неточностями». Нам говорят: в стране ничто не могло происходить вопреки воле Сталина, абсурдно думать, что победа была добыта ему вопреки — а следовательно, она добыта благодаря ему. Но альтернатива «вопреки — благодаря» — дурная, ненастоящая альтернатива. Между этими двумя вариантами — масса других возможных оценок, и в качестве одной из них представима, например, такая: *Великая Победа была одержана советским народом вопреки всем преступлениям и ошибкам Сталина.*

Несомненным преступлением, существенно повлиявшим на ход войны, было, например, уничтожение руководящих кадров РККА. Доводы, выдвигаемые в оправдание этого акта, смехотворны.

Так, бывший диссидент, а ныне один из самых пламенных защитников Сталина, А. Зиновьев полагает, что стёртые в лагерную пыль красные командиры — ветераны Гражданской войны, возможно, были не так уж и нужны. «Что значит “талантливые”? — рассуждает

писатель и философ. — Да, они участвовали в Гражданской войне. Но в ней и Будённый участвовал. И как полководец в Гражданской войне он проявил себя ничем не хуже Тухачевского. Можно было показать себя талантом в ту войну, и полным бездарем — в эту» (3). То, что командиры Первой конной, любимцы Сталина, дружно уцелевшие в годы репрессий, проявили себя на Великой Отечественной войне хуже некуда, ни для кого не секрет (что, заметим в скобках, не лучшим образом характеризует умение Верховного подбирать кадры). Однако совершенно непонятно, каким образом из неспособности полуграмотного кавалериста С.М. Буденного понять современную войну следует аналогичная неспособность М.Н. Тухачевского, сыгравшего выдающуюся роль в строительстве, реконструкции и перевооружении Красной Армии современной техникой, в развитии бронетанковых сил, инициатора создания воздушно-десантных войск и специализированных военных академий, активно поддерживавшего исследования в области разработки ракетного вооружения, радиолокации и средств связи... «Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах, — писал о нём Г.К. Жуков, видимо не столь компетентный в этих вопросах, как Зиновьев. — Он хорошо понимал роль различных видов наших вооружённых сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме... В Тухачевском чувствовался гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии» (4).

И ещё одно мнение «неспециалиста» — А.М. Василевского: «Что сказать о последствиях для армии тридцать седьмого — тридцать восьмого года? Вы говорите, что без тридцать седьмого года не было бы поражений сорок первого, а я скажу больше. Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел. Да что говорить, когда в тридцать девятом году мне пришлось быть в комиссии во время передачи Ленинградского военного округа от Хозина Мерецкову, был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, были поголовно арестованы» (5). Так что это: глупость или преступление?

Ещё один логический перл сталинских сторонников: в верхушке РККА, вероятно, существовал заговор, и хотя доказательств его не найдено, разгромив его, Сталин был прав. Или, как заявляет А. Зиновьев: «Если бы не было предвоенных репрессий в армии, мы войну проиграли бы. Причём вместо одного Власова мы имели бы десятки, да ещё покрупнее его» (6).

Во-первых, если доказательств не было найдено — а при той тщательности поисков, при тех возможностях НКВД и при той масштабности, с которой проводились аресты, это означает, что заговора не было вовсе, — никакие логические выверты, никакая политическая целесообразность не позволяют расценить физическое уничтожение тысяч командиров иначе, чем преступление.

Во-вторых, А. А. Власов, родившийся в 1901 г., принадлежал как раз к поколению людей, делавших головокружительную карьеру в конце 1930-х и занимавших места репрессированных, а вовсе не к той плеяде блестящих командиров Гражданской войны, на которую в 1937–1938 г. пришёлся основной сталинский удар. Эти люди сделали свой выбор в пользу Советской России в годы, когда победа большевиков не только была неочевидна — порой она казалась нереальной, и из сегодняшнего благополучного дня обвинять их в готовности предать дело всей своей жизни и перейти на сторону гитлеровской Германии можно, только преступив через все моральные принципы. Мертвые сраму ни имут — в отличие от живых.

Что же касается ошибок, допущенных «стратегическим гением» Сталина, то наиболее фатальные последствия имела явная неготовность Вооружённых сил к началу войны в июне 1941-го. И если о непосредственном влиянии Сталина на ход войны объективно судить трудно (как отделить его собственные решения от высочайше утвержденных предложений тех маршалов, генералов, управленцев, которые занимались своим непосредственным делом и понимали в войне и в управлении промышленностью много больше вождя?), то степень готовности страны к войне во многом предопределялась именно сталинскими решениями, ответственность за которые ему разделить не с кем.

Советско-германский пакт о ненападении в последние годы не раз становился объектом для критики преимущественно из-за секретных дополнительных протоколов, создававших условия для присоединения к СССР независимых государств Прибалтики, а также Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии. Однако ответ на эту критику всегда был один: пакт предоставил СССР необходимую отсрочку, которая позволила подготовиться к началу войны. Выглядит убедительно: пакт был подписан 23 августа 1939 г., нападение Германии на СССР имело место 22 июня 1941 г., и, следовательно, заключив пакт, Советский Союз получил почти двухлетнюю передышку.

Не будем, однако, торопиться с выводами и посмотрим, что же на самом деле получили стороны, подписавшие пакт? С одной стороны, Германия заручилась отказом СССР от нападения и имела в перспективе заключение торгового соглашения о поставках стратегического

сырья. С другой стороны, СССР получил аналогичный отказ Германии от нападения, ту же перспективу торгового соглашения (только о поставках промышленных товаров и, в первую очередь, станков), плюс — и это, пожалуй, самое важное — огромные территории вдоль западной границы, которые можно было получить с минимальными усилиями. (А ещё предстояла — была неизбежна — война Третьего рейха и «англо-французского империализма», в которой должны были, очевидно, истощаться силы обеих сторон). Вся грязную работу — войну, а тем самым и создание необходимых условий для территориальных приобретений СССР — брал на себя Гитлер. Неравноценность обмена, особенно с учётом военного преобладания Германии на момент подписания пакта, бросается в глаза, и нам не остается ничего иного, как признать достаточно очевидный факт: Гитлер покупал у Сталина отсрочку от военного столкновения, это ему она была нужна, как воздух, поскольку вторжение в Польшу был назначено, а в уме он уже держал будущую военную кампанию на западе. Единственным препятствием для него был пресловутый «кошмар коалиций» — страх, что Германия вновь, как и в 1914-м, окажется между двух фронтов.

Сталин не мог этого не понимать и, приобретая для СССР новые территории, вполне осознанно открывал Гитлеру путь к началу войны в Западной Европе.

У «вождя народов» были все основания полагать, что ему удалось-таки перехитрить Гитлера: Германия должна была увязнуть в войне на Западе, а Советский Союз — получить возможность в спокойной обстановке подготовиться к ведению боевых действий. На этой уверенности строились все расчёты, и ничто не должно было омрачить внезапно возникшую пылкую советско-германскую дружбу. Так, условия заключённого 11 февраля 1940 г. торгового соглашения можно объяснить только надеждами на длительность партнерских отношений. СССР брался обеспечить Третий рейх стратегически важным сырьём, насущно необходимым для войны: нефтью, хлопком, фосфатами, хромовой, железной, марганцевой рудой, платиной, лесом, пшеницей, другим зерном... Причём даже д-р К. Шнурре, заведующий восточноевропейской референтурой экономическо-политического отдела МИД Германии, непосредственно курировавший процесс подготовки соглашения, признавал: «Поставки сырья, требуемого нами, ввиду неудовлетворительной ситуации внутри России, могут быть выполнены лишь *за счёт собственного потребления русских* (курсив здесь и далее мой. — Н.Д.)» (7). Конечно, найдётся масса энтузиастов, желающих обратить наше внимание на то, что в обмен Советский Союз получал немецкие промышленные товары, оборудование и военные материалы, необходимые для

подготовки к войне, и, естественно, они будут по-своему правы... За одним исключением. «Соглашение, — писал в своём меморандуме д-р Шнурре, — охватывает период в 27 месяцев, причём советские поставки, которые должны быть сделаны в течение 18 месяцев, будут компенсированы германскими поставками, производимыми в течение 27 месяцев. Наиболее сложный пункт переписки от 28 сентября 1939 г., а именно то, что поставки советского сырья должны компенсироваться поставками германских промышленных товаров в течение *более длительного периода времени*, урегулирован, таким образом, в соответствии с нашими желаниями» (8). Таким образом, к 22 июня 1941 г. Советский Союз практически полностью выполнил свои обязательства по поставкам, а вот окончания поставок «необходимых» германских товаров предстояло ждать ещё почти год. Как тут не задуматься о том, что уже осенью 1939 г. немецкие переговорщики намечали — естественно, по инициативе «сверху» — окончание советских поставок на лето 1941-го. И как не поразиться недалекости другой стороны, за счёт сокращения собственного потребления обеспечившей вермахт, уже практически лишённый возможности осуществлять ширококомасштабные закупки стратегического сырья без посредничества своего восточного соседа, всем необходимым для ведения летней наступательной кампании на Восточном фронте.

А что же отсрочка войны? Та самая, которая должна служить оправданием всем сталинским просчетам?

Не будем обращать внимания на наивных людей, полагающих, что пакт Риббентропа–Молотова на протяжении двух лет каким-то мистическим образом удерживал от нападения Гитлера — того самого Гитлера, который твёрдо решил нарушить этот пакт ещё в декабре 1940-го (а если судить по условиям торгового соглашения, намеревался это сделать уже осенью 1939-го), отдав директиву о разработке плана «Барбаросса», и, как мы хорошо знаем, привёл свой замысел в исполнение. Призовём на помощь здравый смысл и попытаемся понять, когда и как могла Германия напасть на СССР в период с августа 1939-го до июня 1941 г.

Совершенно очевидно, что в 1939 г. у Гитлера не было физической возможности напасть на СССР. Во-первых, для этого надо было сначала, как минимум, разгромить Польшу, чтобы получить выход к границе СССР, а две подряд крупных военных кампании даже для Третьего рейха было многовато. А во-вторых, элементарное знание истории подсказывает: на Россию можно нападать только летом, когда весенняя распутица уже закончилась, а осеннее бездорожье и зимние холода ещё далеко. Это означает, что в силу причин непреодолимой силы на рассматриваемом нами отрезке времени для нападения на СССР был пригоден только июнь 1940-го.

Однако, повторим ещё раз, до этого всё равно надо было расправиться с Польшей, что автоматически вело к объявлению войны Германии со стороны Англии и Франции. Если уж они решились на сей отчаянный шаг после подписания советско-германского пакта, то при отсутствии такового сделали бы его наверняка: тыл Германии, который в реальности обеспечил сталинский Советский Союз, в этом случае выглядел бы весьма уязвимым. И выбор у Гитлера на 1940-й оставался бы небогатым: либо нападение на СССР при наличии открытого фронта на Западе, либо атака на Францию с необеспеченным тылом на Востоке. Впрочем, на самом деле выбора у него вообще бы не было: нападение на Францию было менее опасным. Во-первых, бедственное состояние, в котором находилась Красная Армия летом 1940-го, не позволяло ей нанести Германии удар в спину, и потому оставались немалые шансы, что СССР сохранит нейтралитет и позволит разгромить ненавистных англо-французских империалистов. А во-вторых, Гитлер не мог не понимать, что даже в случае успеха блицкрига на Востоке там пришлось бы содержать большие воинские контингенты — этого требовали бы огромные просторы СССР и растянутые коммуникации, — и таким образом новая военная кампания на Западе в 1941-м становилась бы проблематичной. Короче говоря, Гитлер напал на СССР в тот момент, когда это было ему выгодно, и никакой роли в определении этого срока советско-германский пакт не сыграл.

К сожалению, о готовности Красной Армии к нападению этого не скажешь. Западные границы были отодвинуты, и хорошо укрепленная «линия Сталина» оказалась в глубоком тылу, укрепления на старой границе, как это водится в России, успели разрушить, а вот с возведением новых вышла задержка. Многие военные понимали, что война с Германией неизбежна, но это не помешало придвинуть войска — и военные аэродромы — вплотную к западной границе, что, естественно, не было бы сделано, если бы к немецкому нападению готовились всерьёз. Результат известен: танковые клинья вермахта, пробивая оборону Красной Армии, сразу оказывались в глубоком тылу, значительная часть советской авиации была уничтожена на собственных аэродромах, танки последних модификаций, не имевшие подготовленных экипажей, но почему-то находившиеся в войсках у границы, оставались противнику или подрывались...

А чего стоил призыв «не поддаваться на провокации»: неужели кто-то всерьёз мог думать, что сбитый на границе самолет способен спровоцировать развязывание войны?! Даже Сталин обязан был понимать, что для нападения на другую страну необходимы заранее разработанный стратегический план и длительный подготовительный период, связанный со снаряжением, подготовкой и передвижением огромных масс войск. Зато негативные последствия призыва были

несомненны: вплоть до самого вторжения немцы спокойно вели разведку на приграничных территориях, а приведение войск в боевую готовность становилось актом гражданского мужества, — ситуация, вероятно, не имеющая аналогов во всемирной истории.

Известный факт: советский флот в первый день войны успешно отразил все атаки люфтваффе и не потерял ни одного корабля, ни одного самолета — благодаря тому, что по решению наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова «оперативная готовность № 1» была объявлена на флоте в 00 часов 00 минут 22 июня. Кузнецов хорошо знал, чем рисковал: в марте он уже получил выговор от Сталина за то, что моряки выполнили его приказ без предупреждения открывать огонь по иностранным самолетам-разведчикам, появившимся над базами флота, и теперь надежды отделаться выговором за ошибочное решение у него уже не было. Однако рассчитывать на то, что в армии, морально подавленной репрессиями, обрушившимися на её командиров, и дезориентированной заявлениями политического руководства о нерушимости советско-германской дружбы, найдется много людей подобного гражданского мужества, не приходилось...

Если Красная Армия в июне-июле 1941 г. не развалилась под ударами вермахта, а смогла оказать отчаянное сопротивление, то заслуга «вождя народов» в этом была минимальной. И если он не бежал из Москвы, что сегодня пытаются поставить ему в заслугу, то особого мужества для этого не требовалось: ему некуда было бежать (в случае поражения никакой Куйбышев не был бы надежным убежищем), вне СССР будущего для Сталина не было — ни одна страна не приняла бы такого беглеца. Стоит ли удивляться, что в страшном июле 1941-го прозвучали из его уст удивительные слова «братья и сёстры, друзья мои» — надеяться в этой критической ситуации он мог только на человеческую стойкость, и эта надежда оправдалась. Войну выиграл народ, оказавшийся способным пойти на такие жертвы, о которых до сих пор нельзя думать без душевного смятения, без ужаса и восхищения людьми — выжившими и недожившими. И с этой, человеческой точки зрения, точный ответ на вопрос о том, сколько на самом деле потерял Советский Союз — 20, 27 или 40 миллионов человек, — не имеет особого значения: масштаб потерь настолько велик, что выходит за пределы любого воображения. Победа, добытая такой ценой, не может быть подвигом государства — если государство, чтобы защитить себя, вынуждено жертвовать таким числом своих граждан, оно не внушает уважения — это подвиг народа.

АВТОРИТЕТ ГОСУДАРСТВА

Последний аргумент защитников Сталина, последний их оплот, надежда и опора — невероятный рост международного авторитета СССР после окончания войны. И возразить здесь вроде бы нечего: действительно, никогда Советский Союз не пользовался таким уважением в мире, как в послевоенный период.

Но и здесь заслуги Сталина не так уж очевидны. Послевоенный авторитет СССР имел два очевидных источника: восхищение подвигом советского народа в Великой Отечественной войне, к которому для многих прибавлялось преклонение перед российской революцией, — с одной стороны; и мощь Советского Союза, зримо проявлявшаяся в успехах в послевоенном переделе Европы, в достижениях в области создания ядерного оружия и в том активном противостоянии Востока и Запада, которое получило название «холодной войны», — с другой. Значение первого источника, к которому Сталин имел достаточно опосредованное отношение, постепенно убывало (а разоблачение культа личности немало способствовало его пересыханию), зато доля второго, напрямую связанного с особенностями сталинской внешней политики, год от году нарастала, определяя смещение акцентов в вызываемых СССР чувствах. Если сначала в них преобладало восхищение, то впоследствии всё большую роль стал играть страх.

И снова мы не можем обойти вопрос о цене, уплаченной народом за очередное сталинское достижение. «Железный занавес», гармонично дополненный «борьбой с космополитизмом», ограничил международные контакты, затормозил развитие науки, самым негативным образом сказался на общем уровне культуры, в немалой степени определяющемся верностью представлений о жизни других стран и народов. «Холодная война» породила необходимость всё нарастающих военных расходов, самым негативным образом сказавшихся на жизни простых советских людей, а за успехи в распространении социализма по всему миру приходилось платить им же. Что же получил народ взамен? Возможность гордиться достижениями своей страны, причём гордиться слепо, плохо представляя себе, чем и как живёт остальной мир... После падения «железного занавеса», как мы хорошо знаем, эта гордость у многих обернулась столь же невежественным презрением к своему прошлому и к своей стране.

Следует ясно и твёрдо осознать простую вещь: защитники Сталина, рассуждая о его заслугах, полностью игнорируют вопрос о цене,

уплаченной народом; величие государства волнует их несравнимо больше. Государственные интересы во всех случаях ставятся во главу угла, и оказывается, что не государство существует для того, чтобы хорошо жилось человеку, а наоборот — человек живет для процветания государства. Смещаются базовые представления, меняются и критерии оценки эффективности государства, которая определяется вовсе не по уровню жизни народа и не по способности защитить гражданина. Площадь занимаемой территории, да умение внушить страх соседям и собственным гражданам — вот что важнее всего. И здесь кроется коренная причина живучести сталинизма: физические размеры и физическая сила — это те наглядные аргументы, которые понятны и доступны любому, самому примитивному сознанию, они апеллируют далеко не к лучшим качествам человека.

Возникающие сегодня то здесь, то там споры об установке памятников Сталину, появление его портретов на юбилейных мероприятиях, выдержанные в нейтральных тонах или даже положительные упоминания вождя в речах официальных лиц — всё это явления отнюдь не случайные. Юбилей Великой Победы здесь только повод, а не причина. Апологетика Сталина становится актуальной, поскольку представления о самодостаточной ценности государства и гордость мощью государства российского все более зримо обретают черты государственной же политики. Для того чтобы избавиться от иллюзий, достаточно просто перечислить те задачи, которые реально, а не на уровне деклараций, решались и решаются В. В. Путиным: укрепление целостности государства, выстраивание «вертикали власти», борьба с терроризмом (международным), сокращение участия государства в решении социальных проблем... Сюда же можно отнести решаемые, но не проговариваемые на публичном уровне задачи снижения политического веса оппозиции и создания «партии власти». Все они, в конечном счёте, сводятся к одному: к усилению мощи государственной машины за счёт прав общества и гражданина. А национальной идеологией, судя по всему, снова становится гордость — историческими достижениями, размерами территории, наличием ядерного оружия и мощью армии. Ничего иного нынешнее государство предложить не способно.

Казалось бы, и шансов привить народу любовь к себе у государства, соответственно, тоже мало. Однако не всё так просто. А. Зиновьев изобрёл новый аргумент в защиту Сталина: «Оценивая действия сталинской власти, я ставил себя на место Сталина и спрашивал, как бы я поступил на его месте. И почти всегда признавался себе, что не мог бы поступить лучше» (9). Он не заметил, что данный мысленный эксперимент ни коим образом не подтверждает и не опровергает верность сталинских действий, он всего лишь харак-

теризует личность экспериментатора и во многом — то общество, в котором он живет. Преклонение перед могуществом Сталина и вера в то, что цель оправдывает средства, живут во многих из нас, каким бы делом мы ни занимались, какую бы роль в общественной жизни ни играли. Это проблема общего уровня культуры, и решена она может быть только средствами просвещения. Впрочем, ни направление государственной пропаганды, ни планы проведения образовательной реформы не сулят нам в этой области светлых перспектив...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бюллетень оппозиции. 1931. №25–26. С.7.
2. *Сталин И. В.* Сочинения. Т.12. С.349.
3. «Смерти я не боюсь». Великая Отечественная глазами Александра Зиновьева //Литературная газета. 2004. №42.
4. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т.1. — М., 1979. С.222.
5. *Симонов К.* Глазами человека моего поколения //Знамя. 1988. №5. С.81.
6. *Зиновьев А.* Моя эпоха //Свободная мысль-XXI. 2005. №5. С.15.
7. СССР–Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Т.2. — Вильнюс, 1989. С.15.
8. Там же. С. 37.
9. *Зиновьев А.* Моя эпоха... С. 14—15.

Борис СОКОЛОВ

МЕЖДУ НАУКОЙ И ПОЛИТИКОЙ: ЦЕНА ПОБЕДЫ И МИФЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ*

В российской историографии и обществе наиболее значимыми остаются следующие проблемы, связанные с Великой Отечественной и Второй мировой войной: размер потерь, понесённый Красной Армией и советским населением, сохранение или преодоление советских мифов войны и особенно болезненные для российского национального самосознания вопросы о том, что несла народам Европы Красная Армия и сталинская внешняя политика, и об оценке преступлений, совершенных красноармейцами в Германии и других странах Европы. Практически все они давно уже перестали быть проблемами науки. В чисто научном плане данные проблемы проблемами уже не являются, как я постараюсь показать, они уже достаточно давно решены в тех пределах точности, которые допускает сегодня наука. Но они остаются проблемами как российской внешней и внутренней политики, так и национального самосознания, травмированного распадом СССР и ищущего в героических мифах Великой Победы прибежища от сегодняшних невзгод.

ЦЕНА ВОЙНЫ — В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖИЗНЯХ

Вопрос о цене победы в Великой Отечественной войне до сих пор остается актуальным для миллионов россиян. Героическая история Великой Отечественной войны и сегодня остаётся сердцевиной мифа оправданности советской модернизации в сталинскую эпоху, которого до сих пор придерживаются большинство российских историков,

* Впервые опубликовано: Свободная мысль-XXI. 2005. № 5.

полагающих, что победа Советского Союза над Германией в Великой Отечественной войне доказала необходимость и эффективность предпринятой Сталиным модернизации, хотя методы этой модернизации, вылившиеся в массовые репрессии против широких слоёв населения, заслуживают осуждения. Но для целей такого вывода годится лишь сильно мифологизированная история войны, когда подлинные факты корректируются мифами. Российские генералы ещё в 1993 г. в книге «Гриф секретности снят» опубликовали устраивающую их, но совершенно фантастическую цифру безвозвратных потерь Красной Армии — 8668400 погибших на поле боя, умерших от ран, болезней, в плену, расстрелянных по приговорам трибуналов и умерших по иным причинам. С тех пор, выпуская второе издание книги в 2001 г. под названием «Россия и СССР в войнах XX века», генерал Г. Ф. Кривошеев со товарищи согласились добавить к этой цифре ещё 500 тыс. пропавших без вести из числа призванных в первые дни войны, но не успевших прибыть в свои части (откуда столь круглая цифра — неизвестно) (1).

Немецкие же потери погибшими на Восточном фронте российские генералы определяют в 3605 тыс. человек. Ещё 442 тыс. умерло в плену. Потери союзников Германии погибшими и пропавшими без вести (без пленных) определяются в 668 тыс. человек (ещё около 138 тыс. умерло в плену). В итоге получается всего 4273 тыс. погибших на поле боя от ранений и иных причин и 580 тыс. умерших в плену (2). Общее соотношение числа погибших по сравнению с Красной Армией оказывается вполне сносным — всего лишь 1,8:1, если брать число в 8668400 погибших, и 1,9:1, если добавить сюда 500 тыс. тех, кого авторы «Грифа секретности снят» так и не решились, куда отнести, к потерям армии или мирного населения.

Замечу, что немецкие потери российские военные преувеличивают, равно как и общее число мобилизованных в Германии — 21 млн. человек, дважды посчитав в этом числе численность вермахта в мирное время — 3,2 млн. человек. Общие же безвозвратные потери советского населения официально оцениваются в 26,6–27,0 млн. человек, из которых около 18 млн. падает на гражданское население (3).

Получается, что Красная Армия воевала совсем неплохо, учитывая внезапность немецкого нападения, а также то, что значительная часть красноармейцев умерла в плену. И Сталин, мол, был не такой уж плохой полководец.

Гипнозу официальных цифр поддаются и некоторые западные исследователи. Например, американец Макс Хастингс в книге «Армагеддон. Битва за Германию», ориентируясь на эти цифры, упрекает Эйзенхауэра и других союзных генералов, что они в последние

месяцы 44-го не наступали столь же решительно, как русские, стремясь минимизировать свои потери, и в результате затянули войну на полгода, что, дескать, привело к ещё большим потерям (4). Здесь не учитывается не только то, что плотность немецких войск на Западном фронте была в 2,5 раза больше, чем на Восточном, но, главное, во что в действительности обошлась русским решительность действий.

Реальные потери Красной Армии, к сожалению, были совсем другими. Дело в том, что учёт безвозвратных потерь в Красной Армии был поставлен из рук вон плохо. В приказе заместителя наркома обороны Е. А. Щаденко от 12 апреля 1942 г. говорилось: «Учёт личного состава, в особенности учёт потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях (так в документе. — Б. С.) получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учёта потерь. На персональном учёте состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учёта пропавших без вести и попавших в плен ещё более далеки от истины». И ещё 7 марта 1945 г. Сталин в приказе по наркомату обороны подчеркнул, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» вопросам персонального учёта безвозвратных потерь (5).

Наши подсчёты говорят, что в донесениях безвозвратные потери Красной Армии занижались примерно в три раза. Также и белорусский историк Л. Н. Бруева свидетельствует: «Сопоставив данные, привезённые поисковиками из Центрального архива Министерства обороны, со списками погибших Витебского райвоенкомата, мы пришли к выводу, что на территории района погибло не 42 тысячи, как в них числится, а более 120 тысяч бойцов» (6).

По этой причине прямой подсчёт безвозвратных потерь Красной Армии не представляется возможным. Установить их размер возможно только путём специальных оценок, так же как и общие безвозвратные потери всего населения Советского Союза, причём точность всех этих оценок заведомо невелика — плюс-минус несколько миллионов. Причём подсчёты надо по возможности произвести несколькими альтернативными, независимыми друг от друга способами, и если полученные при этом цифры будут близки, т. е. разница полученных цифр не будет превышать точности расчётов, можно с большой долей уверенности говорить, что цифра военных потерь СССР установлена в тех пределах точности, в каких это вообще возможно сделать.

Есть помесечная динамика советских потерь ранеными за всю войну (в процентах от среднемесячного уровня) (7). Кроме того, Д. А. Волкогонов опубликовал помесечную раскладку потерь Красной Армии за 1942 год (8). Ряд соображений привёл к выводу, что только в ноябре почти все безвозвратные потери относились к погибшим, а не к пленным. Тогда безвозвратные потери составили 413 тыс. человек, а число раненых — 83 процента от среднемесячного за войну. Исходя из этой пропорции, число убитых и погибших от иных причин (кроме пленных) красноармейцев за всё время войны, с июня 41-го по май 45-го, можно оценить в 22,4 млн. человек. По моей оценке, из 6,2 млн. советских военнослужащих, побывавших в немецком плену, погибло около 4 млн. человек. Таким образом, общие потери советских вооружённых сил можно оценить в 26,4 млн. человек погибшими. Общие потери вермахта погибшими на поле боя и умершими от иных причин, согласно моей оценки, составленной на данных, содержащихся в книге генерала Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии (в годы войны он как раз ведал учётом личного состава), составили около 3,2 млн. человек. Ещё около 0,8 млн. человек умерло в плену (9). Из них около полумиллиона не пережило плена на Востоке, где в общей сложности оказалось в плену около 3,15 млн. германских военнослужащих. На Западе из примерно 8 млн. пленных умерло около 300 тысяч (10). Число погибших на Востоке германских военнослужащих я оцениваю в 2,1 млн. человек, а с учётом умерших в плену — 2,6 млн. человек.

Отмечу, что данные Мюллера-Гиллебранда основаны на централизованном учете германских потерь вплоть до ноября 1944 года, и на оценке потерь за последние полгода, сделанной германским Генштабом. Иногда встречаются и более высокие цифры германских потерь, в 4,5–5 млн. человек, основанные на более высоком исчислении потерь в последние полгода войны. Мне они не кажутся достоверными. В последние полгода немецкие потери погибшими не могли быть выше, чем за предшествовавший год, поскольку в последние месяцы численность немецкой армии на фронте значительно сократилась, и основные потери она несла не убитыми, а пленными.

Цифра в 5,3 млн. безвозвратных потерь германских вооружённых сил кажется преувеличенной. Эта цифра была введена в оборот немецким исследователем Рюдигером Оверманнсом. Но на самом деле она представляет собой не собственно число погибших германских солдат и офицеров, а лишь максимально возможное значение этого числа. Исчисления Оверманса основаны на данных централизованной картотеки учёта погибших германских военнослужащих ФРГ. Здесь 3,1 млн. человек — это люди, бесспорно погибшие на фронте или умершие в плену. О них есть данные донесений или свидетель-

ства очевидцев. 2,2 млн. же — это число военнослужащих, о судьбе которых на момент поступления запроса в 50-е и 60-е гг. нельзя было достоверно установить, что они были живы (11). Однако часть этих военнослужащих, особенно из числа раненых и инвалидов, вполне могла умереть уже после войны от естественных причин, а другая могла быть не разыскана по причине смены места жительства, особенно если проживало в ГДР или Австрии, а также из-за эмиграции в другие страны. Можно допустить, что таких могло быть до половины из 2,2 млн. разысканных. В этом случае можно признать наиболее точной оценку генерала Б. Мюллера-Гиллебранда числа жертв германских вооружённых сил в 4 млн. человек.

Соотношение советских и германских потерь на Восточном фронте составляет, таким образом, примерно 10:1. Если учесть ещё потери союзников Германии и советских граждан, погибших на стороне вермахта, но не учтённых в немецких потерях (таких, по разным оценкам, было от 100 до 200 тысяч), то соотношение станет примерно 7,5:1.

Существуют и альтернативные методы подсчёта. Так, банк данных при Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе содержит персональные поимённые данные на 19 млн. военнослужащих, погибших или пропавших без вести в ходе войны. Сюда были включены не все погибшие, о чём свидетельствуют и неудачи десятков граждан, обратившихся в первые дни существования музея с запросами о судьбе своих без вести пропавших родных и близких. Практически невозможно поимённо установить всех погибших на войне, полвека спустя после её окончания. Примерно из 5 тыс. погибших советских военнослужащих, чьи останки были найдены поисковиками России в середине 90-х гг. и чью личность удалось установить, около 30% не числились в архивах министерства обороны и не попали поэтому в компьютерный банк данных (Сообщено мне С.Д. Митягиным). Если предположить, что 19 млн. попавших в этот банк составляют примерно 70% всех погибших и пропавших без вести, их общее число должно достигать 27,1 млн. человек. Из этого числа надо вычесть примерно 2 млн. выживших пленных и примерно 900 тыс. вернувшихся к своим окруженцев. Тогда общее количество погибших солдат и офицеров можно исчислить в 24,2 млн. Однако данный подсчёт сделан на основе тех 5 тыс. погибших, которых удалось идентифицировать по сохранившимся у них документам. Следовательно, у этих военнослужащих вероятность оказаться в списках министерства обороны выше, чем у среднестатистического убитого

Достаточно точно также можно оценить соотношение советских и немецких потерь по потерям офицеров, которые всегда считают

точнее, чем рядовых. Согласно данным, приведённым Мюллером-Гиллебрандом, сухопутная армия потеряла на Востоке с июня 41-го по ноябрь 44-го 65,2 тыс. офицеров погибшими и пропавшими без вести. Общие же безвозвратные потери вермахта составили за тот же период 2417 тыс. человек. Таким образом, на одного офицера приходится 36 рядовых и унтер-офицеров безвозвратных потерь. Доля офицеров в этих потерях составляет 2,7%. Безвозвратные потери офицеров советских сухопутных войск, согласно подсчётам, завершённым только в 1963 г., составили 973 тысячи. Если исключить из этой цифры сержантов и старшин, занимавших офицерские должности, а также потери 1945 г., то безвозвратные потери офицеров советских сухопутных сил за 1941–1944 г., за вычетом политического состава, в вермахте отсутствующего, а также лиц административного (интендантского) и юридического состава, у немцев представленного чиновниками, составят около 784 тысяч. Вот эти-то 784 тысячи и надо сопоставлять с 65,2 тысячами немецких потерь офицерами, приведённых у Мюллера-Гиллебранда. Получается соотношение 12:1 (12). Оно близко к соотношению потерь погибшими армий СССР и Германии, определённое другим методом. Если же принять официальную цифру советских потерь, то получится, что в сухопутных войсках Красной Армии на одного погибшего офицера приходилось всего 8 рядовых. Выходит, что у нас отделениями (обычная численность одного отделения — 9 человек) командовали офицеры. Или что в Красной Армии в атаку бросались целые батальоны и полки одних офицеров.

Доля офицеров в безвозвратных потерях двух сторон была примерно одинакова. Так, российский военный историк В.М. Сафир отмечает, что «по отдельным боевым донесениям сухопутных войск, приблизительный потерь офицерских потерь колеблется где-то в пределах 3,5–4,0%». Если взять, например, донесение о потерях 323-й стрелковой дивизии за 17–19 декабря 1941 г., там на 38 убитых командиров приходилось 458 солдат и сержантов, а на 19 командиров, пропавших без вести, — 1181 пропавший без вести сержант и солдат. Здесь доля командиров в безвозвратных потерях составляет 3,36%. Если же вычесть отсюда политработников, составлявших почти 10% офицерских потерь, и ещё 3% потерь административного и юридического состава, то доля офицеров в потерях сократится до 3% и будет очень немного отличаться от доли офицеров в немецких безвозвратных потерях (13).

Все эти вычисления доказывают только то, что немногие уцелевшие из тех фронтовиков, кому доводилось ходить в атаку, знают и так. Мы умели только заваливать врага трупами и победили лишь благодаря большой и безропотной массе необученных солдат,

покорно шедшей в самоубийственные атаки. Хорошо обученный солдат и офицер, способный размышлять, представлял для Сталина бóльшую опасность, чем гибель десятков миллионов необученных бойцов. Ведь именно профессиональная армия была бы способна на военный переворот, а не плохо обученное ополчение, каким и оставалась Красная Армия до конца войны.

Неслучайно по уровню боевой подготовки и управления Красная Армия в действительности значительно уступала вермахту как до войны, так и на протяжении всей войны. Ещё в 1943 году механики-водители советских танков перед тем как идти в бой, получали практику вождения в 3–5 раз меньшую, чем требовалось для того, чтобы уверенно водить танк (5–10 моточасов вместо 25) (14). Советские лётчики накануне войны имели до смешного малый налёт часов — от 4 до 15,5 часов за первые три месяца 1941 г. (15). В дальнейшем в лётном училище успевали налетать лишь 20–30 часов и освоить лишь взлёт и посадку, но не выполнение сложных маневров в воздухе. Пилоты же люфтваффе вплоть до начала 1944 г. только в училищах имели лётную подготовку в 450 часов. Затем из-за нехватки горючего она была уменьшена до 150 часов, но всё равно оставалась в несколько раз больше, чем у советских пилотов (16). Поэтому в последние полтора года войны люфтваффе использовали Восточный фронт как своеобразный учебный полигон. Сюда посылали молодых необстрелянных пилотов, чтобы они набрались боевого опыта в сравнительно спокойных условиях, перед тем, как вступить в схватку с англо-американской авиацией в небе над Германией. Это считалось гораздо более серьёзным испытанием (17).

Неудивительно, что в конце войны советские войска были порой не лучше подготовлены к войне, чем при её катастрофическом для них начале. Так, 4 апреля 1945 г. новоназначенный командующий 4-м Украинским фронтом А.И. Ерёменко записал в дневнике: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены к наступательным действиям, на 4-м Украинском фронте одновременно не занимались этим решающим успех дела вопросом» (18).

Что же касается общих советских потерь, то они значительно превышают официальные 27 млн. Дело в том, что население СССР к началу войны составляло не 194 млн. человек, как полагают многие демографы, а, согласно исчислению, проведенному ЦСУ в июне 41-го, должно было превышать 200 млн. человек. Но тогда успели провести лишь предварительное исчисление, а повторное сделали лишь по Молдавии и Хабаровскому краю. Оно дало цифры, на 4,6% больше первоначальных. С учётом этого население СССР в июне 41-го можно оценить в 209,3 млн. человек, а общую убыль населения вследствие войны от избыточной смертности, с учётом того, что к

началу 46-го его численность оценивалась в 167 млн. человек, а также показателей рождаемости последних военных лет, — в 43,3 млн. человек (общие потери Рейха оцениваются в 7 млн. погибших) (19). Таким образом, потери гражданского населения составили 16,9 млн. человеку. Подчеркну, что точность здесь не превышает плюс-минус 5 млн. человек, поэтому десятки миллионов в цифрах вполне условны и отражают лишь способы исчисления. Но точнее потери мы вряд ли когда посчитаем. И, замечу, потери Красной Армии в принципе подсчитаны точнее, чем потери мирного населения, поскольку последние оценены лишь одним способом. Если в дальнейшем общая убыль населения СССР будет оценена меньшей цифрой, то уменьшение произойдет прежде всего за счёт потерь мирных жителей.

ЖЕРТВЕННЫЕ МИФЫ И КРОВАВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Во время войны Сталину и находившимся под его контролем властным структурам необходимо было внушить бойцам и командирам, всему советскому народу, что их безоглядные жертвы — единственный путь к победе. Поэтому характерной чертой большинства мифов советской пропаганды стал содержащийся в них мотив жертвенности. В 1941–1945 гг. советская пропаганда делала упор на те подвиги, когда красноармейцы ценой своей жизни уничтожали врагов или обеспечивали успех своим товарищам. Таковы были мифы подвигов 28 гвардейцев-панфиловцев у разъезда Дубосеково в ноябре 41-го, 5 героев-краснофлотцев под Севастополем в том же ноябре 41-го, подвиг Александра Матросова, будто бы грудью закрывшего амбразуру вражеского ДЗОТа в феврале 43-го. Подавляющее большинство этих мифов не соответствуют действительности. Так, Зоя Космодемьянская выполняла бесчеловечный приказ Сталина об уничтожении деревень отрядами факельщиков, отданный 17 ноября 1941 г. за подписями Сталина и Шапошникова от имени Ставки Верховного Главнокомандования и называвшийся «О создании специальных команд по разрушению и сжиганию населённых пунктов в тылу немецко-фашистских войск». Сжигание же крестьянских изб обрекало на страдания и гибель прежде всего самих крестьян, а не немецких солдат.

А под разъездом Дубосеково сражалось не 28, а 120–140 героев-панфиловцев, из которых уцелело чуть более двух десятков бойцов.

И подбили не 18 танков, как гласила легенда, а всего 5–6. И сам миф родился для оправдания тяжёлого поражения, а не героического успеха, ибо оборонявшаяся рота была разгромлена немцами так быстро по вине командования полка, которое не учло, что направление, где оборонялась рота, было наиболее танкоопасным, и не выделило роте дополнительных противотанковых средств (20). Редактор «Красной Звезды» Давид И. Ортенберг откровенно объяснил в беседе со следователем в 1948 г.: «Вопрос о стойкости советских воинов в тот период приобрёл особое значение. Лозунг “Смерть или победа”, особенно в борьбе с вражескими танками, был решающим лозунгом. Подвиги панфиловцев и являлись образцом такой стойкости (она заключалась в том, что остатки 4-й роты в беспорядке отступили не после первой, а только после второй атаки, 3–4 часа спустя. — Б. С.). Исходя из этого, я предложил Кривицкому написать передовую статью о героизме панфиловцев, которая и была напечатана в газете 28 ноября 1941 г. Как сообщил корреспондент, в роте было 30 панфиловцев, причём двое из них пытались сдаться немцам в плен. Считая политически нецелесообразным показать сразу двух предателей, я оставил в передовой статье одного...» (21).

Что касается подвига пяти моряков-севастопольцев во главе с политруком Николаем Фильченковым, якобы подбивших до 10 немецких танков в бою под Севастополем 7 ноября 1941 г., причём под последние танки они бросались, как «камикадзе», обвязанные связками гранат, то этого боя, так ярко воспроизведённого фантазией писателя Андрея Платонова в рассказе «Одухотворённые люди», вообще не могло быть, поскольку в ноябре 41-го в Крыму немецкие и румынские войска вообще не имели танков или штурмовых орудий (22).

Жертвенные мифы призваны были оправдать в глазах красноармейцев огромные и зачастую напрасные жертвы, придать высший смысл, который, возможно нельзя постичь сиюминутно, на поле боя, но который должен быть ясен Верховному Главнокомандованию.

В то же время, существует немало свидетельств самоубийственных атак Красной Армии на неподавленную систему обороны как с советской, так и с немецкой стороны, в том числе и потрясшие Эйзенхауэра откровения Жукова о том, как он посылал пехоту разминировать минное поле собственными телами (23). Трудно усомниться в их достоверности. Но с мифами они не согласуются, поэтому и отвергаются сознанием большинства россиян, как историков и политиков, так и остальных граждан. И сегодня прежние мифы продолжают довлеть над российской историографией Великой Отечественной. Отказ от них требует коренного пересмотра взгляда на собственную историю, признание доли исторической ответственности собственного государ-

ства не только за победу в войне, но и за преступления, совершавшиеся им в тот же период. Но тогда сегодняшнее неприглядное положение, в котором оказалось большинство народа, лишится успокоительной прививки в виде мифа Великой победы.

КРАСНАЯ АРМИЯ: ОСВОБОДИТЕЛИ ИЛИ НАСИЛЬНИКИ?

Вопрос о преступлениях Красной Армии против немцев крайне болезнен как для российского, так и для немецкого национального самосознания. Последнее опасается увидеть в признании такого рода преступлений оправдание преступлений, совершенных СС и вермахтом. По оценке немецкого историка Иоахима Гофмана, в период оккупации Германии красноармейцы убили около 120 тыс. мирных немецких граждан (24). Существуют и более высокие оценки — до 400 тыс. убитых советскими войсками, причём сделанные российскими историками (25). Многие стороны Великой Отечественной войны против Германии, действительно, выходили за границы норм международного права, традиций и обычаев военных действий. Член Военного Совета 1-го Украинского фронта К.В. Крайнюков в донесении от 4 апреля 1945 г. признавал лишь «отдельные случаи произвола, особенно факты изнасилования женщин», которые «держат немцев в постоянном страхе и напряжении» (26). Там же утверждалось, что «отношение немецкого населения к Красной Армии на ранее занятой территории Германии остается враждебным. Они совершают диверсионные акты и помогают скрываться немецким солдатам, оставшимся в тылу войск фронта», хотя «внешне немцы покорны, аккуратно выполняют все поручения и высказывают удовлетворение установленным для них режимом». При этом «Военные советы фронта и армий ведут решительную борьбу против мародёрства и изнасилования немецких женщин».

Имелись и документы о том, что активисты нацистской партии будто бы склоняли соотечественников к самоубийству и даже умерщвляли их, чтобы потом свалить эти преступления на красноармейцев. Степень соответствия этих документов реальности внушает сомнение, тем более, что те, кто фигурирует в них в качестве свидетелей, были уже мертвы к моменту составления соответствующих документов (27). Замечу, что донесения непосредственно из войск, в частности, донесение политотдела 8-й гвардейской армии от 25 апреля 1945 г., свидетельствовали, что большинство немецкого

населения относится к Красной Армии вполне лояльно (28). Хотя были донесения и о враждебных проявлениях со стороны немецкого населения, в частности, обстрелы из окон домов. Правда, при этом не приводилось никаких доказательств, что обстрелы вели именно мирные жители, а не солдаты и офицеры вермахта и СС (29).

Косвенно массовые случаи военных преступлений Красной Армии признавала и директива Ставки от 20 апреля 1945 года об изменении отношения к немецкому населению. Там, в частности, говорилось: «Потребуйте изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне. В районах Германии к западу от линии устья реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров — немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать» (30).

После этого приказа, как свидетельствует, например, донесение политотдела 8-й гвардейской армии от 29 апреля 1945 г., «Военные коменданты отмечают, что в последние дни резко уменьшилось количество случаев баракольства, изнасилования женщин и других аморальных явлений со стороны военнослужащих. Регистрируется по 2–3 случая в каждом населенном пункте, в то время как раньше количество случаев аморальных явлений было намного больше» (31).

Военный Совет 1-го Белорусского фронта во исполнение директивы докладывал 2 мая: «Факты бесцельных и [необоснованных] расстрелов немцев, мародёрства и изнасилований немецких женщин значительно сократились, тем не менее даже и после издания директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта ряд таких случаев ещё зафиксирован. Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами всё ещё имеют место; не прекратилось ещё и баракольство, заключающееся в хождении наших военнослужащих по бросовым квартирам, собирании всяких вещей и предметов и т. д.» (32).

О масштабах изнасилований можно судить по тому факту, что ежегодно в период 1945–1948 гг. примерно два миллиона женщин делали нелегальные аборты. Только зимой 1946/47 г. советские власти, озабоченные распространением венерических заболеваний,

ввели серьезные наказания для своих солдат в Восточной Германии за братание с врагом. По мнению британского историка Энтони Бивора, в занятых Красной Армией районах Германии были изнасилованы едва ли не все женщины в возрасте от 10 до 80 лет, причём в равной мере насилию подвергались русские и польские женщины, освобождённые из лагерей. Думаю, что данные о числе изнасилованных на территории Германии женщин (по мнению Бивора, их могло быть до 15 млн.) значительно преувеличены (33). В то же время, до сих пор не опубликованы данные советских архивов о числе преступлений, совершенных красноармейцами в Европе, и нет уверенности, что такие данные вообще существуют.

В сводке Совинформбюро от 1 ноября 1944 г. утверждалось: «Грязные потоки лжи, распространяемые гитлеровцами, не запятнают чести доблестной Красной Армии. Безупречным и корректным поведением советские воины снискали всеобщее уважение в городах и сёлах Румынии, Польши, Болгарии, Северной Трансильвании, Югославии, Венгрии, Норвегии, Чехословакии. Эта правда о поведении советских бойцов и офицеров на занятой ими территории теперь всем известна. Никакими фальшивками немецким мошенникам не удастся исказить эту очевидную и бесспорную истину. Никто не поверит гитлеровским палачам Хатыни, Бабьего Яра, Майданека. Жители всех оккупированных немцами стран с радостью встречают Красную Армию, освобождающую их от немецко-фашистского рабства». В той же сводке утверждалось: «Ефрейтор 43-го пехотного полка 1-й восточно-прусской дивизии Пётр Фенбонг сообщил: «В середине октября гестаповцы начали снимать кинофильм о зверствах русских войск в Восточной Пруссии. Переодетые в русскую форму немцы бьют стёкла, ломают мебель, режут скот и поджигают дома. Всё это снимается на киноплёнке. Этот фильм скоро будет готов. Говорили, что Геббельс очень торопит и требует, чтобы фильм был выпущен на экран как можно быстрее». Немецкий обер-ефрейтор 8-й роты 1141-го полка 561-й пехотной дивизии Герберт Штоббе показал: «Я был свидетелем того, как всех, кто отказывался эвакуироваться из Восточной Пруссии, — а это были главным образом советские жители, угнанные из Ленинградской области, из Эстонии, Латвии и Литвы, — гестаповцы на месте расстреливали. Трупы убитых женщин и стариков фотографировали и снимали на киноплёнку». Так гитлеровцы фабрикуют фильм о «зверствах советских войск в Восточной Пруссии»». Но эти слова были очень далеки от действительности. К сожалению, давно известно, что оказавшиеся в советском плену немцы под диктовку следователей часто давали совершенно фантастические показания (или такие показания озвучивались от их имени). А в Восточной Пруссии символом советских зверств стала деревушка

Неммерсдорф, о которой немцы успели снять фильм. Здесь красноармейцы зверски убили десятки женщин и детей, не пощадив даже работавших тут же французских пленных.

Как справедливо утверждает публицист Максим Соколов, «ряд деяний держав-победительниц, немного отличавшихся от деяний Третьего рейха, был заранее выключен из рассмотрения. Террористические налеты англо-американской авиации на гражданские объекты Германии, не имевшие военного значения, зверства советских войск в Восточной Пруссии, колонны немецких беженцев, расстреливаемых советскими штурмовиками с бреющего полета, — указания на все эти ужасные факты не принимались во внимание по тому соображению, что в ином случае возобладал бы принцип взаимной амнистии, уничтожающей всякую ответственность за преступления против человечности.

Взаимная амнистия, извиняющая такие преступления, была бы, бесспорно, недопустима, однако в итоге получилось так, что преступления Третьего рейха вошли в приговор трибунала и легли вечным пятном на совесть Германии, породив у немецкого народа заслуживающий всяческого уважения комплекс вины, многие же деяния держав-победительниц оказались попросту яко не бывшими, что никак не способствовало должному осмыслению прошлого» (34). Известно, что советские войска творили убийства, изнасилования и грабежи не только в Германии, но и в Польше, Венгрии, Югославии... Милован Джилас свидетельствует, что осенью 44-го красноармейцы в Сербии изнасиловали 121 женщину, убив 111 из них, и было зафиксировано 1204 грабежа, в связи с чем югославская делегация ездил в Москву с жалобой, но не встретила понимания у Сталина (35).

Издателю своей книги Бивор заявил: «Если в прошлом я с легкой иронией воспринимал идею о том, что большинство мужчин являются потенциальными насильниками, то теперь был вынужден прийти к заключению, что, в отсутствие дисциплины в армии, большинство мужчин с оружием, ожесточившихся в результате двух или трёх лет войны, в самом деле становятся потенциальными насильниками» (36). Думаю, что природа жестокости Красной Армии в Европе (а судя по всему, эксцессы были и на Украине, и в Прибалтике, только о них меньше известно) заключалась в том, что солдаты и офицеры, сознавая, что для Сталина и командования они — только расходный материал, бесцельно и бездумно приносимый в жертву ради Победы, нуждались в категории людей, которые стояли ещё ниже их с точки зрения обреченности и незащитности. Такой категорией стали иностранцы — не только немцы, но и поляки, югославы, румыны, венгры, а также литовцы, латыши, эстонцы, западные украинцы. Изнасилование было средством унижить всех тех, кто воспринимался

врагами (а в предвоенном СССР пропаганда изображала врагами чуть ли не всех иностранцев, да и мощная антипольская пропаганда действовала и войну — Армию Крайову изображали пособниками немцев). Убийство часто служило средством сокрытия преступления и ещё одним средством выхода ненависти к окружающему миру тех, кому прежде удалось уцелеть в мясорубке. Но, справедливости ради, необходимо признать, что советские преступления в Германии и других европейских странах, сколь бы чудовищны они не были, не являлись непосредственным следствием государственной политики. Сталин не собирался уничтожать всех или даже большинства немцев, а только особо зловредных, тесно связанных с гитлеровским режимом и представлявшим «эксплуататорские классы». Кроме того, он не собирался лишать Германию и занятые в ходе войны страны государственности, предпочитая иметь там марионеточные режимы, тогда как Гитлер собирался полностью уничтожить евреев и цыган, уменьшить численность и депортировать ряд славянских народов и лишить государственности оккупированные страны. Впрочем, противники Германии ответили депортацией миллионов немцев, освобождая тем самым жизненное пространство для поляков, чехов, русских, румын и венгров.

Необходимо также учитывать, что в последнее время появились убедительные данные о том, что Сталин действительно собирался напасть на Германию летом 1941 г. На мартовском 1941 г. плане стратегического развертывания Красной Армии на Западе заместитель начальника Генштаба Н.Ф. Ватутин оставил резолюцию: «Наступление начать 12.6» (37). Однако к 12 июня не удалось закончить сосредоточение войск и запасов и, судя по ряду признаков, вторжение перенесли на июль (38). Ещё в октябре 1940 г. были предприняты первые шаги по формированию польской дивизии Красной Армии. 4 июня 1941 г. Политбюро приняло решение к 1 июля 1941 г. сформировать такую дивизию (39). Однако само по себе это не отменяет агрессивный характер плана «Барбаросса», поскольку Гитлер преследовал собственные захватнические цели и ожидал советского нападения только в 1942 г. И, разумеется, сталинские планы нападения на Германию не могут служить оправданием германского нападения на СССР, холокоста и других преступлений, совершенных во время оккупации. Как справедливо замечает Г.А. Бордюгов, дискуссия о преступлениях Красной Армии неизбежна, и она «нисколько не уменьшит высокую оценку героизма наших солдат. Она позволит приблизиться к пониманию природы войны, позволит ответить на вопрос, который перед смертью поставил Виктор Астафьев: “Русские выдержали испытание войной. Выдержат ли они испытания всей правдой о войне?”» (40).

ОККУПАЦИЯ ИЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ?

Дискуссия о том, насколько советско-германский пакт о ненападении способствовал началу Второй мировой войны, и являлся ли для народов Восточной Европы приход советских войск освобождением или новой оккупацией, продолжается. Президент Путин в интервью словацким СМИ прямо заявил: «Часто вспоминается, скажем, пакт Молотова–Риббентропа, в результате которого как бы произошёл сговор между Советской Россией, Советским Союзом и гитлеровской Германией и в последующем была аннексирована Прибалтика. Ну что можно сказать на этот счёт? На всё это нужно смотреть в контексте исторических событий. И я бы тогда попросил Вас вернуться к событиям сентября 1938 года, когда в Мюнхене были подписаны известные соглашения между нацистской Германией и западноевропейскими странами, которые позднее вошли в историю и называются часто «мюнхенским сговором»... С целью обеспечения своих интересов и своей безопасности на западных рубежах Советский Союз пошел на подписание этого пакта Молотова–Риббентропа с Германией» (41).

Однако сравнение Московского пакта с Мюнхенским соглашением не выдерживает исторической критики. Мюнхен был отнюдь не самым славным делом англо-французской дипломатии. Однако ни Чемберлен, ни Даладье никаких территорий приобрести не стремились, и искренне верили, что отдав Гитлеру последнюю крупную область, населённую почти исключительно немцами, удастся его умиротворить. Сталин же, заключая пакт с Гитлером, не только аннексировал значительную часть Восточной Европы, но и уже не сомневался, что в самое ближайшее время последует германское нападение на Польшу. Точно так же российская сторона до сих пор отказывается признать факт советской оккупации стран Балтии, восточной Польши, Бессарабии и Буковины. Хотя, опять же, с историко-правовой точки зрения, например, оккупация Красной Армией Литвы, Латвии и Эстонии ничем не отличается от германского аншлюса Австрии в 1938 г., когда сначала под давлением Германии к власти пришло прогерманское правительство, которое пригласило германские войска. А затем, уже в условиях оккупации, был проведён референдум, на котором подавляющее большинство австрийцев высказалось за аншлюс. В случае с СССР вся разница сводится к тому, что в странах Балтии были проведены не референдумы, а выборы просоветских парламентов, послушно оформивших аннексию своих стран.

Что же касается вступления Красной Армии в 1944–1945 гг. на территорию оккупированных Германией стран Восточной Европы, то здесь, как и в отношении самого немецкого народа, правомерна такая формула: советские солдаты несли на своих штыках и освобождение от германской оккупации, и новую оккупацию, также тяжело переживаемую оккупируемыми.

Сегодня необходимо подходить к истории Второй мировой войны только с точки зрения научной истины (в тех пределах, в которых её можно установить), тогда будет не обидно ни победителям, ни побеждённым. И исходить из одного основополагающего принципа: признание преступлений и неблагоприятных поступков одной стороны ни в коем случае не означает оправдания поступков и преступлений другой. Только такая позиция не позволит спекулировать на военных мифах как неонацистским партиям и организациям в ФРГ, так и неонацистским (вроде «бригад 88») и русско-советским националистическим силам в России. При этом стоит помнить, что коллективную ответственность должны нести не народы, а государства, являющиеся правопреемниками режимов, запятнавших себя военными преступлениями и преступлениями против человечности. Только таким и может быть подлинно научный подход, к сожалению, не хватает большинству наших историков и политиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гриф секретности снят: Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993. С. 128–129. Во втором издании этой книги цифры остались прежними (Россия и СССР в войнах XX века. — М.: Олма-Пресс, 2001. С.236).

2. Гриф секретности снят. С.393.

3. Колоссальный недоучёт потерь в книге «Гриф секретности снят» доказывает только один пример. По данным этой книги, 5 июля 1943 г., к началу Курской битвы, войска Центрального фронта насчитывали 738 тыс. человек и в ходе оборонительной фазы сражения с 5 до 11 июля понесли потери (санитарные и безвозвратные) в 33897 человек. Согласно всем законам математики, к началу наступления 12 июля войска фронта должны были иметь в своём составе 704 тыс. человек, однако авторы книги «Гриф секретности снят» свидетельствуют, что 12 июля Центральный фронт насчитывал всего 645300 человек, причём за неделю оборонительных боев его состав практически не изменился: добавилась одна отдельная танковая бригада и убыли две стрелковые бригады, что в итоге могло уменьшить численность войск фронта не более чем на 5–7 тыс. человек. Численность войск оказалась почти на 60 тыс. меньше, чем должна бы быть, исходя из официальных данных о потерях (Гриф секретности снят. С.188–189).

4. См.: Рецензия J. Sheehan на: *Max Hastings. Armageddon. The Battle for Germany, 1944–1945.* New York Times, 27.12. 2004.

5. Военно-исторический журнал. 1992. №9. С.28–31.
6. *Бруева Л.Н.* «Пока не похоронен последний солдат». Рукопись (http://kraj.vitebsk.net/_bru_09).
7. *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина, 2-е изд. — М., 1979. С.188.
8. *Волкоготовов Д.А.* Мы победили вопреки бесчеловечной системе //Известия. 1993. 8 мая. С.5.
9. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Пер. с нем. Т. 3. — М., 1976. С.323–344; Итоги второй мировой войны. Пер. с нем. — М., 1957. С.597.
10. *Эрлихман В.В.* Потери народонаселения в XX веке. — М.: Русская панорама, 2004. С.134–135; *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) //Военно-исторический журнал. 1990. №9. С.46; Итоги Второй мировой войны. С.597.
11. *Overmanns R.* Deutsche militaerische Verluste im Zweiten Weltkrieg. 3 Aufl. — Muenchen: R. Oldenbourg Verlag, 2004. S.192–200.
12. Подсчёт по: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т.3. С.354–409; *Шабаетов А.А.* Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне //Военно-исторический архив. Вып.3. — М., 1998. С.173–189; Россия и СССР в войнах XX века. — М.: Олма-Пресс, 2001. С.430–436.
13. *Сафир В.М.* Генерал армии Гареев не приемлет факты... //Военно-исторический архив. Вып.10 (25). — М., 2001. С.102–103; Скрытая правда войны: 1941 год. — М.: 1992. С.222; Гриф секретности снят. С.316–317.
14. *Мельников С.И.* Маршал Рыбалко. 2-е изд. — Киев: Политиздат Украины, 1984. С.50–51.
15. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т.1. М.: Воениздат, 1961. С.476.
16. *Славин Станислав Н.* Секретное оружие Третьего Рейха. — М.: Вече, 1999. С.40–41.
17. *Murray W.* Luftwaffe: Strategy for Defeat, 1933–1945. — L., 1988. P.371.
18. *Еременко Андрей И.* Военный дневник //ВИЖ, 1994, №7. С.20.
19. *Кожурин В.С.* О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны //Военно-исторический журнал. 1991. №2. С.23–26; *Поляков Л.Е.* Цена войны. — М., 1985. С.87; *Брук С.И.* Население мира: Этнодемографический справочник. — М., 1981. С.198; Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. — М., 1989. С.100; Страна Советов за 50 лет: Сборник статистических материалов. — М., 1967. С.257. Подробнее см: *Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой. — М.: Вече, 2001. С.241–247.
20. *Катусев А.Ф.* Чужая слава //Военно-исторический журнал, 1990, №9. С.71–75; *Петров Н., Эдельман О.* Новое о советских героях //Новый мир, 1997, №6. С.145–148.
21. *Петров Н., Эдельман О.* Указ. соч. С. 148.
22. *Переслегин Б.* Комментарии //Манштейн Э. фон. Утерянные победы. Пер. с нем. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С.307.
23. *Lucas J.* War on the Eastern Front; the German Soldier in Russia. — L., 1991. P.31–36; *Eisenhower D.* Crusade in Europe. — N.Y., 1977. P.465–468. Подмосковье. 1994. №25. С.5; Комсомольская правда, 1993, 24 июня. С.3; 1995, 27 декабря. С.3; Звезда. 1990. №3. С.140–141.
24. См.: *Гогун А.* Другая война 1941–1945 годов //Русская мысль. — Париж, №4399, 7 марта 2002. Это — в целом критическая рецензия на: *Hoffman J.* Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. — Muenchen, 2000, но её автор соглашается с приводимой Хофманом цифрой.

25. Эрлихман В.В. Потери населения в XX веке. С.42.
26. Русский архив. Великая Отечественная. Битва за Берлин. Т.15. — М.: Тера, 1995. Документ № 149.
27. Там же. Документы № 148, 149.
28. Там же. Документы № 155, 158.
29. Там же. Документ № 160.
30. Там же. Документ № 153.
31. Там же. Документ № 159.
32. Там же. Документ № 165.
33. The Daily Telegraph, 24.01.2002; Бивор Э. Падение Берлина. Пер. с англ. — М., 2004. С.524–546. В.В. Эрлихман снижает число изнасилованных до 2 млн. (Потери народонаселения в XX веке. С.42).
34. Соколов М. Отсчёт «часа нуля» идёт с Нюрнберга //Коммерсантъ-Daily, №214, 18 ноября 1995.
35. Джилас М. Лицо тоталитаризма. — М., 1992. С.67 и след.
36. The Daily Telegraph, 24.01.2002.
37. Гареев Махмут А. Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? //Война и политика, 1939–1941. — М.: Наука, 1999. С.274.
38. В начале июня 1941 г. к границам стали перемещаться главные силы Красной Армии, дислоцированные на Западе. А с середины месяца туда же двинулись и 32 дивизии резерва приграничных округов. К 1 июля они должны были занять позиции на расстоянии от 20 до 80 километров от государственной границы (Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны //ВИЖ, 1992, №2. С.14–15). В первой половине мая всем военным округам были направлены директивы Генштаба с требованием, подготовить к концу месяца детально разработанные планы прикрытия границы. Позднее других, 2 июня 1941 г., такой план представил Прибалтийский округ. Во всех округах войскам ставились сугубо оборонительные задачи. Только для Киевского округа предусматривалось: «При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий округа быть готовым, по указанию Главного Командования, к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесению боевых действий на его территорию и захвату выгодных рубежей» (Война и политика, 1939–1941. С.291. Планы прикрытия западных приграничных округов опубликованы: ВИЖ, 1996, №№2–6). Эти планы, в отличие от «Соображений по плану стратегического развёртывания» с планом упреждающего удара, составлялись в нескольких экземплярах и хранились как в Генштабе, так и в штабах округов. К ним имел доступ гораздо более широкий круг лиц. Подготовленные же в единственном экземпляре «Соображения» вплоть до начала войны хранились лично у Сталина.
39. См. публикацию посвящённых этому вопросу документов: Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. //Новая и новейшая история, 1993, №2. С.60–62. Заголовок не отражает содержания, поскольку один из документов относится к 1940 г.
40. Бордюгов Г.А. Преступления против гражданского населения: Вермахт и Красная Армия //Бордюгов Г.А. Чрезвычайный век российской истории: Четыре фрагмента. — СПб., 2004. С.134.
41. Российская газета, 22 февраля 2005 г.

Сергей ТОКАРЕВ

ПОСЛЕДНИЙ МИФ ИМПЕРИИ (О МАРШАЛЕ ЖУКОВЕ)*

Высшее воинское звание — Маршал Советского Союза — присваивалось 41 раз. По-разному сложилась судьба его носителей, в боях они не погибали, но пятеро были расстреляны. И только одному из них — Георгию Жукову — был посвящен приказ Верховного главнокомандующего, в котором всему личному составу Вооружённых сил объявлялось, что маршал — лжец и хвастун. В преддверии 60-й годовщины Парада Победы, которым в 1945-м командовал Жуков, попробуем разобраться, кем он был на самом деле.

...Непосредственный начальник — будущий подчиненный и Маршал СССР Рокоссовский так аттестует Жукова: «К штабной и преподавательской работе не способен, так как органически их ненавидит». Рокоссовский вспоминает: «В целях оздоровления обстановки мы были вынуждены выдвинуть его на высшую должность».

Так Жуков в 1930 г. становится помощником главного кавалериста страны Буденного. В 1939-м Жуков — уже командир армейской группы на реке Халхин-Гол, где идут бои с японской армией. Там он в первый (но далеко не последний) раз отличается расстрелами подчинённых. За два месяца только старшим офицерам вынесено 18 смертных приговоров.

...Крупнейшее в истории танковое сражение — не Курская дуга, как принято считать, а бой в районе Дубно и Ровно. Июнь 1941 г., 3,5 тыс. советских танков — против 699 немецких. Уже начальник Генштаба Жуков координирует действия двух фронтов. Разгром! Комиссар Вашугин застрелился сразу, командующий фронтом Кирпоснос — позже (в затылок, двумя пулями). Жуков улетел в Москву.

Зима. Жуков спасает Москву от наступления врага, который уже официально перешёл к обороне. По приказу Жукова в Подмоскovie жгли («чтобы враг не согрелся») любое жильё. Тогда же начальники

* Впервые опубликовано: Московские новости. 2005, 7 июня. №23.

московских отделений милиции получили от Жукова право расстреливать без всяких формальностей «хулиганов и паникёров».

В стратегической неудаче наступлений Советской армии в конце 1941-го — начале 1942 г. (Крым, Харьков, Ржев, Вязьма, Демянск, Тихвин) принято винить Ставку и лично Сталина. Но беда Ставки была в том, что к концу 1941 г. войска завалили её реляциями об уничтожении огромного количества живой силы и техники врага. Сообщения шли через главного штабиста Жукова: на бумаге германской армии почти уже не было. Отсюда и планы дойти до Риги в ходе Ржевско-Вяземского наступления, и надежды закончить войну в 1942 г. Пришлось — до конца войны! — перейти к оценке деятельности войск не по количеству разгромленных войск противника, а по занятым высоткам и населенным пунктам — показателям малосущественным, но поддающимся проверке. А Жукова — навечно освободить от штабной работы. И присвоить ему звание маршала...

В начале 1944-го Жуков координирует действия двух фронтов по уничтожению уже блокированной немецкой группировки в Корсунь-Шевченковском котле. Но объявленный было «Сталинград на Днепре» не состоялся — немцы прорвались. Жуков сообщает о сотнях прорвавшихся врагов, точное же число — 35 тысяч. В приказе об отзыве в Москву не справившегося с задачей Жукова Сталин сообщает, что в Москве обстановка под Корсунью была известна лучше, чем знал её Жуков на месте событий.

Конец войны. Жуков, командующий фронтом, наступает на окруженный Берлин. Не Павел Грачев, а именно Жуков первым в военной истории бросил в бой на городских улицах танки. Две танковые армии погибли в развалинах, жертвы среди фронтовиков превысили тяжелейшие потери начала войны, но город взят! Сотни тысяч похоронок пришли после победы. Смысла в штурме Берлина (кроме взятия к Первомаю) не было. Разве что Жукову стать главой советской военной администрации в Германии?

Окружение маршала после войны награды получает исправно. Орден Отечественной войны I степени, вручавшийся за подвиги на поле боя, получает певица Лидия Русланова. Позднее у неё конфисковали полотна 132 выдающихся художников, шкатулку с бриллиантами и много других ценностей.

А сам великий полководец Жуков кроме драгоценностей, мехов, километров тканей вывез огромную библиотеку старогерманских книг. С короны германской императрицы содрано золото для отделки стека для дочери маршала. Рапортовали о задержании 7 вагонов с мебелью, принадлежавшей Жукову.

Войска стремительно разлагались, терпеть такое руководство страны уже не могло. Сели помощники Жукова, получила срок люби-

мая народом певица Русланова, намечался арест и самого маршала, но вступились коллеги, боявшиеся новой чистки в армии. Они публично обличали хамство, вороватость, дикую жестокость, военную безграмотность Жукова, но изменником и заговорщиком его признать отказались.

Следует назначение на специально придуманный пост главкома Сухопутных войск, затем — Одесса, командующий округом. Снова почти бесконтрольная власть. Трудно с жильем для офицеров? — по приказу Жукова военные захватывают временно пустующее жилье, уплотняют жителей заселенных квартир. Растёт преступность? — войска начинают бороться с уголовным миром сами: облавы, зачистки... Возмущены все, от секретарей обкома до обывателей. И маршала переводят в Свердловск.

Умирает Сталин. И Жуков, сказавший и написавший тысячи слов о Великом Сталине, публично именует его «рыжей б...дьей». Разоблачая соучастников преступлений Сталина, маршал, по приказам которого расстреляны сотни людей, заявляет, что никогда не санкционировал аресты подчиненных — хотя известно, что арест командира РККА всегда санкционировался его начальником.

И вот Жуков — министр обороны, один из лидеров сверхдержавы. Власть почти безграничная. Верховный суд одного за другим освобождает и реабилитирует дорогих маршалу людей. Но изъятых ценностей им не возвращают. Ответ генпрокурора Руденко жалобщику Телегину — удивительный. Суть в том, что генерал Телегин — честный гражданин и поэтому реабилитирован, но эшелон трофеев украл, и поэтому возвращён он (эшелон) быть не может. За изъятую шкатулку с бриллиантами певица Русланова получает от государства компенсацию — 100 тыс. рублей (стоимость 12 машин «Победа»).

Когда было решено снять Жукова со всех постов, маршалы, спасшие его от сталинского гнева, не встали на его защиту — слишком хорошо они его знали. Понимали, какую власть могли мы получить.

Лев ГУДКОВ

«ПАМЯТЬ» О ВОЙНЕ И МАССОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЯН*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ушедший XX век, «век масс» или «век тоталитарных режимов и движений», принципиально изменил постановку вопроса о возможностях понимания прошлого и роли самого прошлого. Если ещё на рубеже XIX–XX вв. сама идея «понимания» мыслилась главным образом как герменевтическая проблема — как интерпретация одним индивидом письменно зафиксированных текстов другого индивида, то во второй половине XX в., после катастрофических событий двух мировых войн, масштабных социальных трансформаций, массовых репрессий, в проблеме обнаружились совершенно иные плоскости рассмотрения. Во-первых, резко увеличилось число и многообразие самих источников свидетельств о прошлом, во-вторых, изменился тип социально-культурной репродукции. В домодерные, дототалитарные эпохи задачи постижения и объяснения актов и состояний людей в прошлом решались силами примерно одного культурного слоя или сословия, владеющего «всем» объемом исторической традиции, а сами средства толкования не выходили за рамки опыта и круга представлений класса людей, соответствующим образом образованных. После 1945 г. вопрос о типах, адекватности и границах «понимания» утратил свою прежде неразрывную связь с неповторимостью личностным характером понимания, воспоминания и сопереживания. Во многих работах, начиная с послевоенных экзистенциалистов и кончая уже современными постмодернистами, выдвинут тезис о невозпроизводимости опыта тех, кто «пережил Освенцим», будь то нацистские лагеря уничтожения или сталинский ГУЛАГ. Сам факт

* Впервые опубликовано: Неприкосновенный запас. № 40-41 (2005).

травматического молчания или неспособности выживших передать тем, кто не был с ними, или другому поколению все, что они чувствовали и думали, интерпретировался философами или интеллектуалами как свидетельство запредельности, невыразимости, невозможности для человечества «свидетельств» о том, что было с теми, кто оказался в таких ситуациях. Утверждалось, что речь должна идти о полной и принципиальной неадекватности повседневного языка и форм мышления для такого описания и понимания другими. Этическая абсолютизация этого момента невоспроизводимости, герметичности предельных состояний закрыла для анализа другие возможные стороны рассмотрения этой проблемы, например, явной неэффективности модели индивидуалистического, персоналистического, непосредственно личного акта понимания как «психического вживания» или «проникновения» в сознание прошедших предельные испытания людей.

Сама модель «трагического осознания и понимания» девальвируется тем фактом, что события этого рода касались и захватывали миллионы людей, что смерть или жизнь в условиях будничной смерти тривиализировались, индивидуальность, уникальность личности обесценивалась, обесмысливалась самим обстоятельством массового обезличенного исчезновения, низведения умирающего «рафинированного» сознания к уровню тех, кто вёл в социальном или интеллектуальном плане полурастительное существование. Массовая смерть последних была столь же чудовищно-рутинной и поточно-арифметической, что и смерть высокообразованных индивидов. Банальность массового зла требовала принципиально других средств изучения коллективной или массовой памяти, другой этической или метафизической позиции, которых историки ранее не требовали и требовать не могли. Отсюда встаёт важнейший вопрос: в какой мере может быть осмыслен, усвоен и передан опыт тех людей, которые пережили трагические катаклизмы этого столетия? Что вообще остается (если остается) в памяти о массовых событиях, захвативших и перевернувших жизнь одновременно массы людей, таких, как войны, революции, репрессии, коллективизация, масштабные трансформации социального порядка и тому подобное?

Совершенно очевидно, что фиксируемая «история» XX в. принципиально отличается и от средневековых хроник, и от «Всеобщих историй», которые писались в XIX в., хотя бы только потому, что, во-первых, изменились, дифференцировались и многократно расширились те группы, которые брали на себя задачу сохранения и воспроизводства «прошлого», а во-вторых, изменилась сама техника удержания и сохранения прошлого — это уже не только архивы, музеи, галереи батальной или исторической живописи, не только многотом-

ные обзоры событий или мемуары и семейные документы высших или образованных сословий. Сегодня здесь на равных с профессиональными историками действуют и архивы кинохроники, и средства массовых коммуникаций, и беллетристика, и школа, и армия, политическая демагогия, национальные ритуалы, символическая и идеологическая топонимика и многое другое. Поэтому, когда в публичных дискуссиях заходит речь об исторической «памяти», сохранившихся воспоминаниях ещё живущих людей или их первой передаче другому поколению, а также — воспроизводстве рассказов о рассказах о том, как это «было», необходимо чётко осознавать, с каким «прошлым» мы имеем дело, кто его держатель, как оно организовано и структурировано, какими средствами оно выражается. В особенности это относится к таким символическим событиям, как «война» (когда в России или в СССР говорят «война», то имеют в виду только одну войну, «войну» с определённым артиклем: Великую Отечественную войну, как её называли в СССР и как сегодня её называют в официальных контекстах в России, или Вторую мировую войну, если при этом учитывается и международный план дискурса).

Кроме того, необходимо проводить принципиальное различие между индивидуальными, частными воспоминаниями о прошедшей войне (соответственно, ясно видеть мотивы, побуждающие людей к частной передаче пережитого, и особенности самих ситуаций воспоминания) и коллективными — групповыми или институциональными — представлениями о ней. И те, и другие не представляют собой объективации реально происходившего (что-то вроде ещё не снятого документального «фильма» о действительных событиях). Работа памяти — это не только процесс селекции событий и их деталей, но и их определённая конструкция (сюжетная или оценочная), производимая в соответствии с явной или латентной схемой их интерпретации. Вопрос о значимости или ценности воспоминаний заключается в том, кто предлагает эту схему: сам вспоминающий или — что гораздо чаще — его непосредственные или отвлечённые партнёры; кто выступает адресатом воспоминаний. Иначе говоря, для исследователя, тем более социолога культуры, встаёт задача выявить коммуникативную структуру воспоминаний, или, если быть ещё более точным, представить воспоминание как социальное взаимодействие, в котором вспоминающий неявно обращается к значимому Другому (даже если этот Другой не более чем обобщенный, диффузный образ «молодого поколения», нравственного «суда истории», «публики», «общества», обладающего лишь одним социально-антропологическим качеством — это проекция рассказчика, но существующего в модусе идеального понимания, то есть слушателя, знающего «концы и начала»).

Процесс «вспоминания» — это всегда интерпретации, выстраиваемые в более или менее явной полемике, дополнениях или иллюстрациях общепринятых риторических изложений содержания или смысла соответствующих событий. Для социолога как методологически, так и содержательно очень важно отметить признаки этой схемы, ориентацию на неё у разных акторов в качестве коллективной или институциональной нормы «истории», «исторического события». Без этого, без раскрытия семантики значимости этой схемы невозможен переход к пониманию памяти как социального взаимодействия. Если индивидуальные воспоминания выстраиваются как цепочки биографических или семейных обстоятельств, то они привязаны к плану частной истории с её ключевыми ценностями и масштабами оценок. Коллективные же представления конституируются некоторыми ценностями всего сообщества и воспроизводятся другими средствами, нежели рассказы частных лиц. Как правило, они лишены следов своего происхождения, производства, воспринимаясь как сами собой разумеющиеся мнения, возникшие «неизвестно когда», поскольку массовое или корпоративное сознание не просто не озабочено проблематикой генезиса этих представлений, а, напротив, всячески защищается от возможной их рационализации, вытесняет следы их идеологического производства, табуирует их священный статус в качестве символов коллективной идентичности. Поэтому коллективные представления нельзя рассматривать как сумму индивидуальных воспоминаний и конкретных деталей происшедшего, это всегда совершенно иначе выстроенные «реконструкции» исторических процессов и событий, функция которых связана либо с ритуалами коллективной (национальной, групповой) солидарности, либо с изложением коллективных мифов, идеологием, предназначенных легитимировать те или иные социальные институты или политические действия. Поэтому социолог, исследующий массовую «память», вынужден, вслед за Морисом Хальбваксом, постоянно спрашивать себя и других: какой институт, какая группа или социальная среда удерживает в своей памяти это «прошлое», каким образом оно удерживается (воспроизводится), какие при этом используются образно-символические и технические средства? Или, иначе говоря, каковы «социальные рамки коллективной памяти»?

В данной статье рассматривается характер коллективной «памяти о войне» или роль представлений о войне в системе национальной идентичности нынешних россиян (1).

ДВОЕМЫСЛИЕ И ПАМЯТЬ

Первое, что приходится отметить, — это то, что массовое, то есть неспециализированное, «общее» или «низовое» сознание лишено «памяти». Общественное мнение не удерживает опыт отдельных людей, он не сохраняется, не передается, не откладывается. Всё пережитое частным человеком, прежде всего — нерефлексивное страдание, уходит в никуда, если только оно не подверглось институциональной или специализированной проработке, если оно не пушено на другие каналы культурного воспроизводства, соответственно, если частные мнения не санкционированы какой-то инстанцией, имеющей ранг надындивидуального образования. Поэтому сегодня мы можем говорить не столько о памяти, сколько о воспроизводстве «памяти»: людей, которые пережили войну, осталось не более 6–7%, это главным образом пожилые и малообразованные женщины, у которых в массе своей нет ни средств, ни возможностей, а главное — нет мотивов, стремления к передаче подобного опыта.

Массовое отношение к войне практически не отличается от восприятия её как традиционно стихийных, почти библейских бедствий — глада, мора, потопов или землетрясений, причины которых были малопонятны, а последствия — ужасны (2). В таких аморфных и крайне неопределенных категориях, удерживающих лишь самое общее ценностное отношение к произошедшему, к тем уже далёким годам, сохраняется необработанный и неосмысленный массовый опыт войны. Люди считают «отечественную войну» (если исходить из частоты различных определений той войны, даваемых респондентами в наших опросах) прежде всего «великой», затем — «кровавой», «трагической», «ужасной», гораздо реже её называют «героической», «долгой» и ещё реже — «подлой».

Практически выпал, вытеснен из коллективной памяти (массового сознания) пласт переживаний будничной, беспросветной войны и послевоенного существования, подневольной работы, хронического голода и нищеты, принудительной скученности жизни (3). Они рассеялись так же, как память об искалеченных инвалидах (или, как их называли в послевоенное время, — «самоварах», человеческих обрубках на колесиках, бывших непременным атрибутом уличной суеты ещё в первой половине 1950-х гг.). Эта жизнь оказалась тягостной и ненужной, как лишними были инвалиды в послевоенной жизни, брошенные на «произвол судьбы» (их стеснялись, от них отворачивались, с неприятным чувством вины и «безобразия жизни», их

прятали, чтобы, не дай бог, они не попали в парадные официальные картинки мирной жизни). От всего этого в общественной памяти остался лишь подсознательный страх, часто выражающийся как страх новой войны, мировой или гражданской, определивший собой дальний горизонт массовых оценок качества жизни, вялое сопротивление попыткам героизации всего, что выходит за рамки военной тематики, пассивность терпения — короче, все то, что в советское время выливалось в привычный вздох: «лишь бы не было войны». Но в качестве «коллективного бессознательного» эти компоненты массового сознания никуда уже не исчезают, хотя их значимость постепенно снижается.

Но как раз по отношению к этому диффузному состоянию памяти полным контрастом является предельно структурированное социальное отношение к войне, воплощенное и закрепленное в главном символе, интегрирующем нацию: Победе в войне, победе в Великой Отечественной войне. Это самое значительное событие в истории России, как считают её жители, опорный образ национального сознания. Ни одно из других событий с этим не может быть сопоставлено. В списке важнейших событий, которые определили судьбу страны в XX в., победу в ВОВ в среднем называли 78% опрошенных. Причём значимость Победы за последние годы, особенно с приходом Путина, только выросла. Если в 1996 году на вопрос: «Что у вас лично вызывает наибольшую гордость в нашей истории?» — так отвечали 44% опрошенных (самая большая группа ответов), то в 2003 г. таких было уже 87%. Больше сегодня гордиться нечем — распад СССР и неудача реформ в постсоветское время, заметное ослабление массовых надежд и исчезновение перестроечных иллюзий стали содержанием травматического опыта национальной несостоятельности.

Идёт взаимосвязанный процесс: по мере эрозии и ослабления прежних предметов гордости советских людей — революции, строительства нового общества, становления «нового человека», показательных достижений советской индустриализации, военной мощи сверхдержавы и связанных с ней науки и техники (4) — растёт символический вес Победы. На её фоне быстро девальвируется как имперское культурное наследие (включая и «святую» русскую литературу), так и идеологические символы социализма (сохраняющиеся сегодня лишь у старших поколений в виде ностальгии по идеализированному прошлому). Эрозия захватывает все составляющие позитивного коллективного единства «мы». Актуализировав все комплексы ущемленности и неполноценности девальвацией, Победа торчит сегодня как каменный столб в пустыне, оставшийся после выветривания скалы. Она стягивает к себе все важнейшие линии интерпретаций настоящего, задает им масштаб оценок и риторические средства выражения.

Напомню лишь о нескольких вещах. Самая недавняя телевизионная картинка: плакаты на казённом митинге солидарности с Путиным (проходившем на Васильевском спуске Красной площади после Беслана): «Выстояли в 1945-м, выстоим и теперь» (5). Несколько более давние кадры — 1996 г.: федеральные войска с огромным трудом взяли дудаевский дворец (бывшее здание обкома в Грозном), над ним развевается флаг России (аллюзия на знамя Победы над рейхстагом в 1945 г.). Можно также сослаться на кажущиеся анекдотическими гневные рассуждения Жириновского о мотивах неправильного судейства на зимней олимпиаде в Солт-Лейк-Сити (допинговый скандал 2002 г.) — «это месть России за победу в Отечественной войне» (6) и тому подобное. Но шутовство Жириновского, как всегда, абсолютно точно отмечает болевые точки массового сознания — остаточные радикалы закрытого, параноидального мобилизационного милитаристского общества, в котором власть поддерживает ненависть своих граждан к внутренним и внешним врагам, культивирует образ врага и страх перед ним, делающие необходимой саму власть (7).

В первые послевоенные годы (конец 1940-х — начало 1950-х) ещё наблюдался резкий разрыв между некодифицированным массовым, слишком свежим непосредственным и личным опытом войны, военного времени в целом (в котором было так мало картинно-героического — на первом плане была повседневная жизнь, голод, эвакуация, военная «работа») и официально-парадной, мобилизационной версией военных событий (8). Но спустя уже 15 лет — с начавшимся замещением социальных позиций неволевавшим поколением (рождения конца 1920-х — начала 1930-х гг.) — стал заметным интенсивный процесс матрицирования массовых представлений о войне. Отмеченный началом официального, демонстративного почитания «ветеранов», появлением «лирической» тональности в описаниях войны (в первую очередь, в воспоминаниях) и различных государственных ритуалах, этот процесс соединял стереотипизацию коллективного опыта (выработку «обобщающих» клише и речевых формул, нормативно принятого, «высокого», официального языка коллективных высказываний о военных событиях, подхваченного публицистикой и закрепленного в поэтике официальной истории, масскоммуникативной риторике, массовой культуры) с соответствующими государственно-историческими понятиями о державной истории, национальной культуре, моральными оценками частной жизни и представлениями о пределах её автономности (9). Разгружая их от аффективной радикальности фронтового восприятия, послевоенные интерпретаторы тем самым рутинизировали военный опыт, ввели его в общий горизонт представлений закрытого, военно-бюрократического общества. Именно в эти годы начинают выходить тома официальной многотом-

ной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945» (первый том — в 1960 г.), появляются мемуары советских маршалов (10), быстро превращающиеся в предмет острого читательского дефицита (вплоть до 1980-х гг.). Именно эти процессы стереотипизации дали огромному числу людей свой язык «высоких коллективных чувств», язык лирической государственности, который намертво закрепился впоследствии, уже к середине 1970-х гг., и на котором только и могут сегодня говорить о войне большинство россиян.

Отношение большей части нынешних жителей России к войне обусловлено всем характером советской культуры: оно — продукт пропаганды, функционирования СМК, школьного образования, общегосударственных ритуалов, огосударственного искусства, прежде всего — кино и литературы, но также и тиражируемой в иллюстрируемых тонких журналах изпродукции членов Союза художников, транслируемых по радио военных песен и прочего. Это означает, что представления, переживания, знания целого поколения были идеологически обработаны и упакованы профессиональными интерпретаторами (партийными работниками, литераторами, режиссерами, редакторами, историками, комментаторами), риторически оформлены, и только затем соответствующие конфигурации значений, получившие официальную санкцию авторитетных органов, приобрели статус самой реальности, «общезначимости», «безусловности», подчиняющей личный опыт отдельных людей. Сами по себе гибель людей в таких масштабах, которые не могли быть охвачены отдельным индивидуальным восприятием, разрушение социальных связей, самого уклада повседневной жизни, как это было во время войны, «автоматически» не становятся фактором, меняющим структуру массового сознания. Как и любой иной, этот «частный», индивидуальный опыт — опыт людей на войне и во время войны, даже пусть их огромного множества, не будучи специально обработанным, не воспроизводится и не составляет культурного или социального факта. Только получив соответствующее институциональное оформление и закрепление, став технически репродуцируемым, будучи вписанным или хотя бы соотнесенным с коллективными рамками событий прошлого и настоящего, опыт военного времени становится исторической «памятью» общества или отдельных групп и участников войны. Без этих механизмов (и направленной политики СМИ) специального поддержания и организации «памяти», ритуалов и инсценировок, разыгрывания военной тематики прошлое, даже столь значимое, быстро рассыпается и исчезает. Именно поэтому даже сегодня военная тематика (события Второй мировой войны), представленная в старых советских фильмах, ежедневно демонстрирующихся по основным каналам ТВ, или специальных передачах, посвящённых войне

и армии, составляет 6–8% всего эфирного времени. Её объем резко увеличивается в периоды юбилейных меморационных мероприятий, связанных с теми или иными памятные датами войны — боями под Москвой, Сталинградской битвой, освобождением Ленинграда, Курской битвой, майскими праздниками и тому подобным.

ВОЙНА КАК СИМВОЛ

Таким образом, всякий раз, когда упоминается «Победа», речь идёт о символе, который выступает для подавляющего большинства опрошенных, для общества в целом, важнейшим элементом коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилom, задающим определённую оптику оценки прошедшего и отчасти — понимания настоящего и будущего. Победа 1945 г. — не просто центральный смысловой узел советской истории, начавшейся Октябрьской революцией и завершённой распадом СССР; фактически это единственная позитивная опорная точка национального самосознания постсоветского общества. Победа не только венчает, но как бы очищает и оправдывает войну, одновременно «закрывая» от рационализации её негативную, обратную сторону, табуируя тему войны, а вместе с ней закрывая и саму возможность объяснения причин и хода войны, анализа действий руководства, природы государственного режима, подчинившего подготовке к войне все сферы общественного существования.

Триумф победителей маскирует двусмысленность самого символа. Победа в войне легитимирует советский тоталитарный режим в целом, бесконтрольную власть как таковую, задним числом, ретроспективно оправдывая «издержки» советской истории, форсированной военно-промышленной модернизации — репрессии, голод, нищете, массовую гибель людей после коллективизации, создавая безальтернативную версию прошлого, единственно возможные и значимые рамки интерпретации истории. Поэтому никакой другой связной и систематически выработанной версии истории, а соответственно, воспроизводимой всеми социализационными институтами, сегодня нет. Сегодня нет той элиты, которая могла бы предложить другую, столь же систематическую точку зрения на события войны, вообще — другие оценки, другие моральные позиции в отношении прошлого.

Не случайно по мере роста символической силы Победы в войне восстанавливается авторитет товарища Сталина (и как главнокомандующего в этой войне, и как вождя народа). Сталин не просто возвращается, меняется (в сравнении с перестроечным временем)

характер его роли. Чем выше статус событий «войны», телеологически организованных как цепочки событий, ведущих к предзаданной Победе, тем сильнее уходит память о сталинских репрессиях (значимость их для российской истории за последние 12 лет, по мнению опрошенных, упала с 29% до менее 1%; напротив, позитивные оценки роли Сталина с 1998 г. к 2003 г. выросли с 19% до 53%; на вопрос: «Если бы Сталин был жив и избирался на пост президента России, вы проголосовали бы за него или нет?» — 26–27% жителей России сегодня ответили: да, проголосовали бы) (11).

День Победы не стал днем поминовения, печальной памяти о погибших, человеческих страданиях и материальных разрушениях. Это именно день победы, торжества советской армии над гитлеровской Германией. При этом интенциональный смысл победы у россиян обращен исключительно к себе, он значим лишь в структурах российского самоопределения. Сегодня практически не осталось тех, кто испытывал бы ненависть к тем странами, которые были врагами: Германии или тем более — Италии, Японии, Румынии. Негативизм этого рода сохранялся ещё не так давно только в старших поколениях, на периферии общества. Сегодня антиамериканские настроения выражены гораздо сильнее, чем, например, антигерманские, которые характерны для 8–10% населения (главным образом — пожилых людей). Половина россиян готова даже на то, чтобы поставить в стране памятник павшим с обеих сторон во Второй мировой войне (хотя опять-таки эта готовность в годы путинского правления несколько ослабла, снизившись с 57% до 50%, напротив, отрицательное отношение к подобной идее лишь усилилось — с 26% в 1991 г. до 35% в 2003 г.).

Свой триумф россияне не готовы разделять с кем бы то ни было ещё в мире. 67% респондентов (2003 г.) полагают, что СССР мог бы победить в этой войне и без помощи союзников. Более того, по мере роста собственно русского национализма и временного отдаления от тех лет война постепенно стала укладываться в традиционные рамки русского «миссионерства» и «соперничества с Западом». Параллели между событиями новейшей и древней истории («СССР, разгромив фашизм, защитил европейские народы от угрозы уничтожения», как в своё время «Русь, разгромив татаро-монгольские орды, стала щитом для Европы») оказываются общим местом как в националистической риторике позднего советского времени, так и в постсоветское время. Дополнительный тон такому пониманию придает идея, что русские победили противника, перед которым не устоял никто из самых развитых и богатых, благополучных, «цивилизованных» народов Европы.

И одновременно с этим полностью вытеснены из массового сознания ряд неприятных фактов, а именно: 1) агрессивная природа

советского режима, коммунистический милитаризм и экспансионизм, ставшие причиной исключения СССР из Лиги Наций после нападения на Финляндию, 2) Вторая мировая война началась совместными действиями против Польши партнеров и (до поры до времени) союзников — гитлеровской Германии и Советского Союза, 3) цена войны, человеческая, социальная, экономическая, метафизическая; 4) ответственность руководства страны за развязывание войны и её ход, последствия войны для других стран и тому подобное.

ВОЙНА И ТАБУ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Структурообразующей для коллективной памяти ролью Победу в войне наделила многолетняя работа официальных социальных институтов в СССР — школы, армии, СМИ, системы пропаганды и идеологического воспитания. По существу, сегодня мы имеем дело с более или менее выраженной сталинской версией войны и всей истории советского времени, а значит — всей истории XX века. Такая интерпретация войны создана сталинским Генштабом и агитпропом ЦК КПСС.

За контроль над интерпретацией войны шла острейшая конкуренция между различными группами идеологов, не прекратившаяся по настоящее время (и сегодня различные политические партии — от партии власти (12) до её оппонентов — коммунистов, патриотов, популистов и других претендуют на монопольное владение наследием войны, стремясь протянуть от победы свою собственную линию легитимации). Любые варианты и нюансы изложения, оценки трактовки войны появлялись исключительно внутри самой бюрократии (образованного слоя) в качестве реакции на официальную позицию. Любые её версии, уже существующие или возможные в будущем, являются лишь их дополнением, критикой, опровержением, пародированием и не могут быть ничем иным. В этом смысле сам факт выработки новой или уточняющей интерпретации, появление оригинальной перспективы рассмотрения войны и победы можно рассматривать как сигнал сбоя или дефекта в механизмах социальной и культурной репродукции советской системы, и напротив, реставрацию базовой версии войны, доминанты национальной истории — как восстановление и консервацию оснований советского режима и советского общества.

Доминантная конструкция войны или интерпретация военных событий представлена в киноэпопее «Освобождение», созданной в брежневское время Юрием Озеровым и Юрием Бондаревым (13). Все

прочие версии носили лишь характер жанровых разработок этой темы — от комедий или авантюрно-приключенческих боевиков до высоких образцов трагедии с характерной для них экзистенциалистской или этической тональностью изложения (14), выступали в качестве дополнения или аранжировки темы героического самопожертвования, испытания на верность, на подлинность человеческих ценностей и отношений («Проверка на дорогах» Алексея Германа), но не предлагали никакой иной версии понимания войны, кроме господствующей.

На протяжении долгого времени всё, что связано с войной (а мы говорим главным образом об одной Войне, войне с именем собственным — Отечественной), подверглось в СССР сильнейшей сакрализации, блокировавшей любые попытки рационализации прошлого. Любая версия, расходящаяся с версией военно-государственного руководства, любой анализ военных событий и последствий войны, отклоняющийся от общепринятого, долгое время воспринимались (и в значительной степени воспринимаются сегодня) как покушение на святыни, как оскорбление памяти павших, как кощунство по отношению к самым высоким национальным ценностям. В результате вместо моральной, интеллектуальной, политической или какой-то иной работы по рационализации негативного, травматического опыта происходило его «рубцевание». Каждая попытка переоценки войны в целом или отдельных её моментов подавлялась советскими властями со всей возможной оперативностью и жесткостью. Частный, индивидуальный опыт (и соответственно, значимость его ценностей) загонялся в сферу «коллективного бессознательного», культурно не отмеченного, не рефлексированного. Речь идёт не столько о возникновении психологической защиты от необходимости рационализации, сколько о сохранении определённого «курса ценностей» — соотношения частного и тотально-коллективного, государственного (или, словами Булата Окуджавы: «... нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим»). Моральное чувство людей, защищавшихся не просто от агрессии, а от такого врага, который, как считалось и официально утверждалось, вёл войну на национальное и этническое уничтожение народов СССР, не просто усиливает торжество победителя. Представление людей о себе как жертве агрессии придало им непоколебимую уверенность в своей правоте и человеческом превосходстве, закреплённом Победой в этой войне. Рутинизацией этой уверенности стало и внеморальное, социально примитивное, архаическое, почти племенное деление на «наших и ненаших» как основа социальной солидарности, готовность к оправданию (но не поддержке!) любой агрессивной или репрессивной государственной политики в отношении других стран или территорий, противостоящих СССР или России (вторжение в Венгрию и Чехословакию в 1956 и 1968 гг.,

в Афганистан в 1979 г.). В самое последнее время это же можно наблюдать на примерах воинственной риторики в отношении Грузии, стран Балтии и тому подобном (вспомним фильм «Наши» Александра Невзорова и тому подобное). Последствия этого мы можем во множестве случаев наблюдать сегодня в отношении к Чечне, в «Брате», «Брате-2», «Войне» и тому подобной продукции Балабанова и необозримого множества других арт-эпигонов. Право на насилие воспринимается как сила правого. Произвол становится легитимирующим принципом социальности, как это можно видеть и в деле «ЮКОСа» или Гусинского, в событиях вокруг «Норд-Оста» или Беслана. Разумеется, я лишь схематически указываю эту линию развития — деморализацию войны, но она реально существует и в повседневности, и в общественном дискурсе.

ВОЙНА КАК КУЛЬТУРА

Война стала для России суррогатом «культуры» — смысловым полем, где отыгрываются важнейшие темы и сюжеты современности. Речь идёт о том, что война даёт модели для ценностного выражения основных конфликтов и драматических моделей взаимодействия. Война превращается в поле образцов для ритуалов групповой и национальной солидарности, испытания, проверки людей на подлинность, как это было с фильмами Германа или Тарковского.

В таких условиях высшие социальные или общенациональные ценности могут артикулироваться только в экстраординарной модальности: взвинченной, экзальтированной ситуации (подвига, самопожертвования, спасения, миссии, прорыва в новую реальность и отречения от обыденности, повседневности, от «нормальной жизни»). Экстраординарность — модус и условие воспроизводства данных ценностей и соответственно данного сообщества. Напротив, повседневность не просто культурно не санкционирована и идеологически не обеспечена (15), но долгое время третировалась как низкое, разлагающее или даже враждебное начало («мещанство», «обывательщина» и прочее — универсальные жупелы всех идеологических кампаний советского времени). Разумеется, от «чрезвычайщины», возведенной в социально-политический культ, было недалеко до оправдания нескончаемого массового террора.

Державная интерпретация победы 1945 г. стала не просто оправданием советского режима в прошлом и на будущее. Она долгое время позволяла властям эксплуатировать свой антифашизм в качестве своеобразной антитезы западному капитализму и либера-

лизму («советская демократия»). Символика победы долгое время заслоняла и «искупала издержки» режима хронической мобилизацией, обосновывая необходимость громадной армии (ставшей образцом для других социально-политических институтов), возникновения и поддержания «социалистического лагеря», милитаризованной государственной экономики, неистовой гонки ракетно-ядерных вооружений под призывами к «мирному соревнованию» с Западом.

Табуированность и нерационализированность понимания и отношения к войне ведут к тому, что непобедная, негосударственная сторона войны, вся её тяжесть, человеческий страх ушли в своего рода «подсознание» общества («слепое пятно» его официальной памяти). Символика победы включена в конструкции державного сознания, обеспечивающие приоритет всех «государственных интересов» и массовую «готовность» пассивно перетерпеть лихолетье, актуализируя ресурсы опыта крайнего существования. Она апеллирует к возможности повторения «военных» ситуаций, локальных или глобальных, одинаково неподконтрольных частному, домашне-семейному миру, не управляемых его средствами. Таким образом, два этих общих плана войны связаны с двумя планами национально-го состояния: государственно-патриотического энтузиазма — мобилизации (соответственно, мотивации «готовности исполнить требования партии и правительства в качестве внутренней потребности каждого», как призывала советская пропаганда) и желания «покоя», ценности стабильного существования, а при его отсутствии — хронической коллективной астении, усталости, страха потерять относительное благополучие частной жизни. Понятно, что первому состоянию соответствует всеобщая убежденность в том, что «русские свой национальный характер и душевные качества полнее всего проявляют в периоды переломов, в годы испытаний и войн», в чрезвычайных обстоятельствах катастроф и бедствий (ситуации «подвига», «массового героизма» на фронте и в труде), а не в «спокойные и благополучные времена». Это убеждение разделяет абсолютное большинство россиян (77% опрошенных), иначе говоря, оно стало нормой символической самоидентичности.

Трезвое понимание значительным числом опрошенных (почти половиной респондентов — 45%) того обстоятельства, что война велась «числом, а не умением», что победа достигнута огромным количеством жертв и потерь среди военных и гражданского населения, что её условием, среди прочего, являлась крайне низкая ценность простой человеческой жизни, — все это мало влияет на массовые оценки действий властей. Представление о неизбежности массовых потерь и как бы даже «само собой разумеющейся» необходимости миллионов жертв входит в качестве составной части

в общий семантический комплекс национального подвига и общего героизма. Характерно, что подобные «нормы» представлений о потерях переносятся и на войска союзников и даже немецкую армию (16). Массовое сознание россиян просто не в состоянии вообразить себе войны, в которой военачальники могли бы ставить своей целью любыми средствами сохранить жизнь своих подчинённых (17).

Моральная, интеллектуальная, политическая неспособность российского общества осмыслить травматические обстоятельства, связанные с развязыванием войны и способом её ведения, безжалостностью по отношению и к мирному населению и к армии, обернулась спустя 13 лет после краха коммунизма тем, что значительная часть населения уже в путинской России постепенно стала возвращаться к официальной точке зрения на причины войны и цену победы, возрождая мифы о неизбежности войны, «внезапности» гитлеровской агрессии (удельный вес подобных ответов возрос более чем в полтора раза — с 21% до 38%) и тому подобное. В 2001 г. почти половина опрошенных (47%) считала, что в конце 1930-х гг. избежать войны было невозможно, не согласны с ними были 35% (материалы уже приводившегося выше опроса) (18). Подобная смутность и противоречивость массового сознания для нас здесь очень важна. Это не выражение раскола общества на «партии» с чёткими позициями и ясными убеждениями, а симптоматика «нечистой совести» и какой-то непроявленной то ли вины, то ли внутренней неудовлетворенности общепринятым отношением к проблематике войны. Приведем ещё два примера, раскрывающих характер этого национального «подсознания»: 68% опрошенных полагают, что мы «не знаем всей правды о Великой Отечественной войне», и 58% считают, что версию о «внезапности» нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. придумали для того, чтобы «скрыть политические просчёты Сталина», которые стали причиной явной неподготовленности страны к войне. Подобные мнимые несогласованности в общественном мнении представляют собой выражение пассивности и покорности по отношению к официозу при одновременном глубоком недоверии к нему. Это означает, что в обществе нет той авторитетной в моральном или интеллектуальном, пусть даже — в социальном, плане группы или инстанции, позиция которой могла бы быть принятой большинством населения. Поэтому чем сложнее вопросы, относящиеся к пониманию войны или воспоминанию о войне, например тема ответственности руководства страны, тем путаннее и неяснее становятся реакции общественного мнения. Так, чуть больше половины россиян (52%) знают о дискуссиях вокруг секретных протоколов к пакту «Молотова–Риббентропа», предусматривающих раздел Польши, раздел сфер влияния в Европе (хотя соотношение считающих, что это фальшивка и что они были на

самом деле, составляет 1:4). При этом лишь чуть больше половины из «знающих» об этих протоколах полагают, что «это соглашение развязало руки Гитлеру в его планах Второй мировой войны» (54%), в то время как остальные склонны винить в этом Великобританию и Францию, согласившихся на «мюнхенский сговор». Более того, сегодня готовы одобрить сам Пакт «Молотова–Риббентропа» даже большее число опрошенных, чем вообще знают, в чём состоит его существо (40% всех опрошенных против 23%; в данном случае действует мощная инерция старой советской версии о советско-германском договоре как вынужденном шаге Сталина, стремившегося выиграть время для подготовки страны к войне).

ЛЕГИТИМАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ ВОЙНЫ

Война и её жертвы сакрализовали в глазах российского общества не только армию как один из центральных, опорных социальных институтов, несущую конструкцию всего советского и постсоветского режима власти, но и сам принцип «вертикальной» конституции общества, мобилизационной, командно-иерархической модели социального порядка, не признающего автономности и самоценности частного существования, групповых интересов, не зависящих от всего «целого». Российское общество миновало период критической переоценки своего прошлого, в том числе — и военного, оставив в стороне дискуссии о «цене» победы, оценку предвоенной и послевоенной политики. Сегодня память о войне и победе включается главным образом механизмами консервации социального целого, удерживающими общество от усложнения, функциональной дифференциации. Воспоминания о войне нужны в первую очередь для легитимации централизованного и репрессивного социального порядка, они встраиваются в общий порядок посттоталитарной традиционализации культуры в обществе, не справившемся с вызовами вестернизации и модернизации, общества, не выдержавшего напряжения начавшихся социальных изменений. Российская власть поэтому вынуждена постоянно возвращаться к тем травматическим обстоятельствам своего прошлого, которые воспроизводят ключевые моменты национальной мобилизации. Непрожитая война оборачивается рецидивами государственной агрессии — чеченской войной и реставрацией репрессивного режима.

В заключение можно сказать, что «память» о войне как о целой эпохе, годах, с которыми связано множество частных или коллективных событий, сегодня сохраняется в России только в тех или иных

манifestациях государственных институтов или связанных с властью социальных групп, претендующих на общественное или политическое влияние, выступающих в качестве идеологов или исполнителей государственного заказа.

Предстоящие пышные государственные празднества 60-летия Победы не станут поводом для рационализации российским обществом своего прошлого и настоящего. Объявленная программа торжественных мероприятий превратится в череду рутинных демонстраций приверженности к символам былого величия державы, символам, теряющим свою силу и значимость. Правильнее было бы сказать, что это будет принудительная имитация коллективной солидарности с властью, не имеющей ничего за душой, кроме казенного полицейского патриотизма и политического цинизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В основе статьи лежат материалы ежемесячных общенациональных репрезентативных опросов населения России, которые проводятся с 1991 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), с 2003 г. — Аналитическим центром Юрия Левады. Объем выборки, если не указано иначе, составляет 1600 человек (взрослого населения).

2. В мае 2001 г. на вопрос: «Знаем ли мы правду об Отечественной войне?» — 68% опрошенных ответили — «думаю, что нет» (25% — «думаю, да», и 7% затруднились сказать что-то определённое).

3. Нежелание вспоминать о войне было довольно характерной реакцией фронтовиков до середины 1960-х гг. Ср. недавние воспоминания академика Александра Яковлева (последние книги, а также интервью с ним на Радио «Свобода» Владимира Тольца в передаче «Документы прошлого» от 13 февраля 2004 г.). Дело не только в типичном проявлении «посттравматического синдрома», но и в отсутствии адекватных для выражения военного опыта речевых и риторических средств. Только после появления в конце 1950-х — начале 1960-х гг. военной прозы (например, романов Константина Симонова и других), в том числе — и «лейтенантской прозы» (Виктора Астафьева, Григория Бакланова, Юрия Бондарева, Константина Воробьева), военных и просто батальных фильмов (начиная с «Летят журавли» и экранизации симоновской дилогии), снятия запрета на песни военного времени и их реабилитации, появления генеральских мемуаров и тому подобного начал постепенно вырабатываться соответствующий язык «фронтовых чувств».

4. Их символическим выражением были советские успехи в космосе, в особенности — первый космический полет Юрия Гагарина.

5. Запись автора; трансляция репортажей с митинга шли по Первому каналу и «России» почти в каждой новостной передаче 7 и 8 сентября 2004 г.

6. Из телевизионного комментария Владимира Жириновского, данного им 22 февраля 2002 г. после скандального обсуждения на заседании Госдумы ситуации на зимних Олимпийских играх 2002 г. (запись автора). Об атмосфере

вокруг этих игр см., например, NEWSRU. com от 22.02.2002 (<http://newsru.com/arch/22feb2002/index.html>), а также комментарии Ильи Мильштейна: *Мильштейн И.* Ура, мы ломим, гнутся янки //www.zeka.ru/olympics/articles.ura (18.2.2002).

7. Ещё один важный момент в отношении к «Отечественной войне 1941–1945 годов»: это единственная война из тех, что вели Российская империя, СССР и Россия на протяжении XX в., которая сегодня российским обществом признаётся как «справедливая». Согласно данным январского опроса (2005 г.), соотношение мнений респондентов о справедливости и несправедливости той или иной войны выглядит следующим образом: война с Японией в 1904–1905 гг. — 0,9 (34%:36%), Первая мировая война — 0,9; Гражданская война 1918–1922 гг. — 0,7; война с Финляндией в 1939–1940 гг. — 0,5; Афганская война (1979–1989) — 0,2%, Первая чеченская война (1994–1996) — 0,2; Вторая чеченская война, начавшаяся в 1999 г. — 0,3 (19% считают её «справедливой» и 68% — «несправедливой») и только ВОВ даёт абсолютное преобладание мнений о её справедливости — 4,9 (79% против 16%).

8. Критика официальной, «лакировочной» версии войны первоначально касалась только лишь художественной трактовки войны. Наиболее резкой здесь была, конечно, критика таких фильмов, как «Падение Берлина» Михаила Чиаурели (1950), или ироническое отношение к «Сталинградской битве» Владимира Петрова (1949), «Подвигу разведчика» Бориса Барнета (1947) и прочим. Именно в противопоставлении этой версии развивалась более поздняя линия «психологического» или «реалистического» кино («Летят журавли» Михаила Калатозова (1957), «Баллада о солдате» Григория Чухрая (1959), экранизация симоновских романов Александром Столпером («Живые и мертвые», (1964)). Однако критика собственно военной официальной истории, поправляемой под каждого нового лидера страны, маршала обороны или даже, как пишет военный историк генерал армии Гареев, «начальника ГлавПУРа», стала возможной лишь в годы горбачёвской перестройки. См.: *Гареев М.А.* Об изучении Великой Отечественной войны //Новая и новейшая история. 1992. № 1.

В отношении к фронтовикам и участникам военных действий у сталинского руководства сохранялась характерная двойственность и противоречивость: с одной стороны, риторика Победы над фашизмом стала важнейшей идеологической составляющей легитимации режима. С другой, власти опасались фронтовиков, учитывая впечатление, которое произвела на победителей повседневная жизнь в завоеванных странах, их надежды на роспуск колхозов, ослабление репрессий и тому подобное. Уже через два года были урезаны или отменены различного рода льготы фронтовикам, в том числе и наградные деньги за ордена и медали; день 9 мая, день Победы, стал обычным рабочим днем вплоть до прихода к власти Брежнева, сделавшего его праздничным выходным днем, сравнимым по торжествам с Первым мая. Собственно, именно Брежнев, стремясь заручиться поддержкой армии и КГБ после верхушечного переворота и устранения Никиты Хрущёва, начал новую пропагандистскую кампанию сакрализации войны, консервации режима, включавшую реабилитацию Сталина, но прикрытую официальным культом ветеранов войны, в первую очередь — маршалов, генералитета. Напомним, что до этого субъективная или «лирическая» тональность в отображении войны воспринимались как мещанство, деидеологизация, утрата бдительности, партийной принципиальности и классового чутья.

9. Можно в этой связи вспомнить впечатляющий успех фильмов Марлена Хуциева «Застава Ильича» («Мне двадцать лет») и «Июльский дождь», их парадигматическую роль для интеллигентского сознания в 1960-х гг.

10. Особенно важными в этом ряду оказались искромсанные и многократно отредактированные «Воспоминания» Георгия Жукова (1969), которому, как впослед-

ствии и другим мемуаристам из числа военачальников, вписывали целые страницы о роли партийных работников и тому подобном. Интересно, что даже сегодня на русских «патриотических» сайтах, где Жукова называют «символом Победы советского народа», его воспоминания квалифицируются как «неоднозначные» и «часто используемые в антисоветской пропаганде» — см., например, www.patriotica.ru/authors/zhukov_.html.

11. На вопрос (январь 2005 г.): «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы к 60-летию Победы был установлен памятник Сталину?» — ответы распределились следующим образом — 29% респондентов сказали «положительно», 37% — «отрицательно» и 28% отнеслись к этой идее безразлично.

12. Можно ограничиться лишь самыми недавними примерами: один из лидеров правящей «Единой России», бывший министр внутренних дел, а ныне спикер Госдумы Борис Грызлов, защищающий нынешнюю политику полицейского укрепления «вертикали власти», 21 декабря 2004 г., возложив цветы к памятнику Сталину на Красной площади, призвал пересмотреть историческую оценку Сталина, указывая на то, что «перегибы» в его деятельности не должны закрывать для нас «незаурядность» личности этого человека, который как «лидер страны многое сделал для Победы в Великой Отечественной войне», человека, «который пользовался уважением и у союзников». То, что постеснялся открыто сказать Грызлов, а именно: что России, как раньше, в самые тяжёлые и трудные времена, нужен авторитарный диктатор, договорили его критики и оппоненты, обвинявшие его (как и других членов путинского правительства) в ограблении пенсионеров и ветеранов войны. Секретарь ЦК ВКП(б) Александр Куваев, назвав Сталина «выдающимся государственным деятелем», «политиком, которого сегодня не хватает России», заявил, что «сегодня Россия в плачевном состоянии», а потому ей «нужен новый Сталин» (<http://12-04.olo.ru/news/politics52445.html>).

13. В 1970–1972 г. вышло пять фильмов: «Огненная дуга», «Прорыв», «Направление главного удара», «Битва за Берлин» и «Последний штурм». Характерно, что схема военной эпопеи выстроена именно как история победы, тоталитарного триумфа. Первые, наиболее драматические годы войны, тем более — предыстория войны или её социальные, моральные и человеческие коллизии в этой преимущественно батальной панораме, выстроенной с точки зрения верховного командования, отсутствуют.

14. Среди множества образцов этого рода назову лишь «Иваново детство» Андрея Тарковского (1962), повести Константина Воробьева «Убиты под Москвой» (1963) или Василия Быкова (например, «Мертвым не больно» (1966), «Круглянский мост» (1969), «Сотников» (1970))

15. Это обстоятельство меняло значимость и ценность других плоскостей существования, выражавшихся в языке неколлективных, некультивируемых значений. Если «война» (как тематическое разнообразие) стала «культурой», то повседневность, частность существования создавала ей негативный противовес, практически культурно не оформленный ни в литературе, ни в искусстве (в советское время повседневность впервые стала находить свой язык, может быть, только начиная с повестей Юрия Трифонова — «Обмен» (1969), «Предварительные итоги» (1970), «Другая жизнь» (1975)).

16. Сравнивая цифры потерь, которые называли респонденты в ходе различного рода опросов, с официальными данными о потерях, мы можем говорить о том, что размер людских потерь во Второй мировой войне опрошенные заметно завышали во всех случаях: советские, и так чудовищные, — в среднем на 21%, германские — вдвое, но более всего — потери США (в 30 раз).

17. Об этом совсем недавно ещё раз говорил Александр Яковлев в упомянутом выше интервью.

18. На вопрос, почему миллионы солдат Красной армии оказались в плену во время Великой Отечественной войны, совершенно равное число опрошенных (по 58%, сумма ответов больше 100%, так как респондент мог назвать несколько вариантов ответа) соглашалось с тем, что это было связано с «внезапностью нападения Германией на СССР» и с «просчётами командования Красной армии». Характерно, что третьестепенными оказываются как старые, людоедские версии объяснения такого числа пленных, которые идут ещё от Сталина («из-за трусости и предательства»), так и чисто антисоветские предположения («из-за надежд населения на то, что Гитлер принесет людям освобождение от советской власти») — и те, и другие оказываются значимыми скорее для маргинальных групп (их назвали, соответственно, 8 и 5% опрошенных). Точно так же массовое сознание не в состоянии остановиться ни на какой позиции и в отношении к вопросу, почему в первые месяцы войны Красная армия терпела сокрушительные поражения: 41% объясняет это традиционным: «Красная армия была ошеломлена внезапностью нападения», но почти столько же — 40% — тем, что «руководство Красной армии было обескровлено сталинскими чистками конца 30-х годов», 37% соглашаются с тем, что СССР не успел подготовиться к войне, а 32% — с тем, что Красная армия была значительно хуже обучена и вооружена, чем немецкие войска, несмотря на все хвастливые декларации конца 1930-х годов о том, что «мы будем бить врага на его территории», и тому подобное (опрос в январе 2005 г.).

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВ
ГЕННАДИЙ БОРДЮГОВ

ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ: ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И ВЛАСТЬ*

Стоило бы написать целую историю
различных пространств
(которая в то же время была бы историей
различных видов власти)...

Мишель Фуко

Сейчас, накануне 60-летия Победы, практически каждый шаг власти делается с оглядкой на предстоящий юбилей. С какими-то решениями торопятся, дабы они громче «прозвучали» в преддверии 9 мая. Иные, непопулярные, напротив, откладываются «на потом». Идеология в очередной раз подстраивается под дух 45-го, чтобы на волне действительно всенародного праздника представить режим в выгодном свете и придать ему — как неизбежному центру торжеств — дополнительный импульс общественного внимания. И желательно наиболее позитивного.

Как и власть, память является феноменом пространственным, нуждающимся для своего описания в соотнесении с характеристиками протяжённости, местоположения, локальности, ландшафтных измерений. Определения обоих пространств исполнены образностью и аналогиями, обеспечивающими адекватность понимания их смыслового наполнения.

Пространство власти — своеобразная сфера, где принимаются управленческие решения и осуществляется непосредственное руководство страной. Это специфическая область взаимодействия как отдельных личностей, так и целых корпоративных групп или

* Впервые опубликовано в журнале «Политический класс». 2005, № 4.

системных институтов; некий ареал, в пределах которого справедливо утверждение: «Власть вершится здесь».

Производное от пространства власти *пространство памяти* представляет собой адресную, фокусированную актуализацию прошлого для нужд настоящего.словно луч прожектора, память выхватывает из тьмы минувшего сокрытые там объекты, которые часто смотрятся искажёнными. Трёхмерность становится условной, а отображаемая тень кажется как бы составной частью их самих. Властвует тот, кто направляет свет. Память же о прошлом так же отлична от самого прошлого, как и естественный вид освещаемых объектов — от тех очертаний, какие видятся стоящему позади прожектора.

Способ, каким властвующий субъект преподносит прошлое, локализуя или, напротив, увеличивая зону освещения, регулируя яркость «прожектора», а также направленность и интенсивность его лучей, можно назвать *проектом памяти*. Любая власть проектирует не только настоящее и будущее, но и прошлое. Точнее, конечно, не само по себе прошлое, но его интерпретации и восприятие.

Проект памяти расчленяет прошлое на две части — актуализируемую (то есть «освещаемую») и игнорируемую (как правило, преднамеренно). В свою очередь, актуализируемая часть также неоднородна. В ней можно выделить два отличающихся друг от друга начала, которые следует обозначить *культурным героем памяти* и *субъектом памяти*.

Культурный герой памяти — это некий образ, отдельная персона или несколько личностей (а то и целая большая группа людей, выделенных из остальной массы по какому-то признаку), наконец, определённая идея или тенденция, которые преподносятся тем или иным проектом памяти в качестве главного творца «высвечиваемого» прошлого.

Однако при таком «высвечивании» под лучами волей-неволей оказываются не только подобные культурные герои, но и другие сопряжённые с ними субъекты памяти, которые, однако, не вписываются в сценарий реализуемого властью проекта. Отсюда — очевидное стремление «осветителя» минимизировать роль и значение этих субъектов.

В результате на «высвеченном» участке прошлого разворачивается противостояние между культурными героями и субъектами памяти. Первые должны отрабатывать свой исключительный статус, вторым же просто приходится отстаивать собственное право на историческое существование. Данное противостояние невозможно скрыть — ведь оно происходит под лучами, направленными на культурных героев, но попадающими одновременно (и неизбежно) и на субъекты памяти.

Противостояние между культурными героями и субъектами свойственно любому проекту памяти, то есть виртуальной реконструкции прошлого. Именно поэтому в исторической действительности подобной конкуренции могло вовсе и не быть. Правда, для проекта памяти это обстоятельство не играет никакой роли. Наблюдая за схваткой культурных героев и субъектов, мы созерцаем отнюдь не картины прошлого, но лишь отражённую в реалиях минувшего конъюнктуру настоящего.

Не «высвеченная» властью территория прошлого — это *зона антипамяти*; бесполезная или нежелательная для «проектировщика» область, в которую он норовит переместить негодные ему субъекты, чтобы те не мешали «правильному» восприятию действий культурного героя.

Такова принципиальная модель пространства памяти. Анализ взаимодействий пространств власти и памяти позволяет представить динамическую картину политического процесса. Интерпретации минувшего — существенные компоненты легитимации режимов. Поэтому восприятия Победы в Великой Отечественной — пожалуй, наверное, как никакого другого события нашего недавнего прошлого — зависят не только от столкновений парадно-официозной и подлинно-народной памяти о ней, а также от смен преобладавших умонастроений, но и от способов управления ими.

1945: Подчинение памяти

Чем явственнее ощущалось приближение Победы, тем сильнее пережитое в военное лихолетье заполняло сознание и вытесняло в нём всё случайное, мимолётное, прежние удачи и обиды. Страшные жертвы и разрушения, шок от массовых убийств, террора, эксплуатации, учинённых гитлеровцами, и в то же время героическое народное сопротивление, повседневный подвиг в тылу, на «домашнем фронте», уникальная координация усилий и воли отдельных людей в целостное, общее для всех состояние не шли ни в какое сравнение с испытанным в довоенное время. Победа несла огромный энергетический заряд. Компенсацией горя и потерь становилось понимание того, что перенесённое в годы войны вдохнуло необыкновенный оптимизм и веру в то, что всё изменится к лучшему. На это работал и громадный международный авторитет, который приобрела страна в годы войны.

Между тем политической элите надо было разобраться с теми «ловушками» памяти, в которые она невольно попадала с выдвинутыми во время войны новыми политическими установками, сыграв-

шими роль своеобразных скрепов общества. Среди них — активизация патриотических чувств, пересмотр роли Церкви, роспуск Коминтерна, снятие «табу» на многие формы хозяйствования и другие. В частности, кампания по превозношению русской культуры, доказательству её самобытности вела к неприемлемому «славянофильству». Подчёркивание в годы войны преемственности между старой, дореволюционной, и советской Россией запутывало вопрос об идеологической целостности её истории: некоторые учёные требовали оправдать «колониально-захватническую политику» царизма, представить в качестве «реакционных» крестьянские восстания под руководством Разина и Пугачёва, движение декабристов; оппоненты этой точки зрения объявлялись последователями «норманистов». Усиление имперских настроений — естественная реакция на подобные споры.

Освобождение оккупированных территорий порой порождало неожиданные вопросы. Например, почему после изгнания с них немцев русские земли переименовываются в «украинские», почему используется термин «российский народ» вместо «русского» с его делением на великорусов, малорусов и белорусов?

Идеологический маятник зашёл здесь довольно далеко. Назвав русский народ «руководящей силой в великом Советском Союзе», Сталин фактически провозгласил новую стратегию в этнополитической сфере. До сих пор такая характеристика прилагалась лишь к партии и рабочему классу, но никак не этносу. Был выставлен «пробный камень» в предстоящей масштабной идейно-политической игре, облакаемой в форму не только славословий и выпадов, но и культуртрегерских инвектив. Вождя, по всей видимости, не отпускали тревоги, связанные с возможными неблагоприятными для режима новыми приливами чувств этнической самооценности нерусских народов, памяти о ней. Национальное никак не желало соединиться с интернациональным в его великорусско-советском обличье. Поэтому следовало, согласно сталинской диалектике, ликвидировать одну из двух противостоящих сторон, привести национально-культурную сферу к общему, великорусскому, знаменателю.

Пройдёт совсем немного времени, и разыгрывание великорусской идеи в небывалых доселе масштабах захлестнёт общество, культуру и науку. Однако до этого наметилась тенденция минимизации уклонов в сторону национально-государственной идеологии, которые открыто проявились и отчётливо запомнились в период войны.

Победа объективно усилила потенциал консенсуса, а не конфликта в обществе. Но иной взгляд на ситуацию мог вызреть у поколения новейших «декабристов», запомнивших в заграничных

походах 44–45-го другую, нежели в советской стране, жизнь. Это поколение надо было поставить на место. На любые раздумья по поводу причин и цены Победы спешно накладывался пластырь большевистской догматики. Тезисы о «непреоборимой силе социалистического строя», «организующей и руководящей идее», «вдохновляющей и решающей роли партии» многие десятилетия сопровождали годовщины Победы.

В официальной пропаганде быстро стиралось различие между двумя этапами войны, нигде нельзя было найти намёков на то, что в 1941 было много случаев предательства, бездарности, трусости. Запрет накладывался на темы коллаборационизма и депортации. Даже естественное, с точки зрения победителей, стремление понять побеждённого врага — уже не как людоеда-фашиста, изверга, тупого гунна, а как человека — подлежало жёсткой цензуре.

Управление памятью, формирование лика Победы исключительно со сталинским профилем (не случайно с 1946 по 1950 г. 9 мая газета «Правда» выходила с большим портретом Сталина), естественно, было невозможно без совершенствования механизма отслеживания настроений и мыслей людей. Под контроль попадали слухи, реплики, обмолвки — всё то, что обычно называется гласом народа. В этой же плоскости работали многочисленные партийные пропагандистские группы, составлявшие многостраничные перечни вопросов, которые задавались в самых разных аудиториях. Своеобразным каналом информации являлась перлюстрация частной переписки. Внимательно изучались анонимные письма, поступающие в редакции газет. Избирательно проводилось подслушивание элитных групп населения. Специфическим источником фиксации настроений являлись даже специальные отчёты, составляемые на основе услышанных продавцами магазинов разговоров в очередях. Прибавим ко всему этому доносы, поступающие в большом количестве в самые различные инстанции. Всё это выстраивалось во всевозможные, часто дублировавшие друг друга цепочки прохождения информации на самый верх, где и определялась судьба «носителей крамолы».

Этих усилий оказалось достаточно для того, чтобы сформированная в годы войны общая воля фронта и тыла разбилась на тысячу мелких, индивидуальных и частных волей. «Опьянённые победой, зазнавшиеся, — размышлял о причинах авторитета режима после войны писатель-фронтовик Фёдор Абрамов, — мы решили, что наша система идеальная... и не только не стали улучшать её, а, наоборот, стали ещё больше догматизировать».

Подчинение войсковым командирам было заменено на повинование тем, кого до Победы Сталин держал в тени. Национальные паруса были сняты, как будто их и не было. Новая идеологическая

кампания теперь приобрела агрессивные формы под видом так называемой борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. Режим тотальной манипуляции, освящённый нравственным авторитетом Победы, таким образом, получил передышку. Но противоречия, созданные игрой на свободе и национализме, игнорирование внутренней логики этих великих основополагающих начал любого общества делали данную передышку кратковременной. Власть, повидимому, тогда и сама не осознавала, что к утаиваемому и плохо освещённому памяти возвращается постоянно. «Страдания памяти» возникают не столько от пережитого ужаса, сколько от невозможности его объяснить.

Примечателен призыв Сталина (в одной из речей перед избирателями Сталинского округа Москвы) подвергнуть победителей критике и проверке, нужными для дела и для самих победителей, дабы они не зазнавались и оставались скромными. Причастность к Победе не давала права на какой-то исключительный статус. Данная установка транслировалась на все «этажи» советского общества. Причём «наверху» спрос с «победителей» был гораздо жёстче, чем «внизу». Адресные репрессии в отношении армейской верхушки должны были наглядно продемонстрировать, кто здесь подлинный Хозяин и творец Победы.

Таким образом, до 1953 г. в восприятии Победы существовала парадоксальная ситуация. Её официальное декларативное прославление шло бок о бок с официозной же — но не заявленной открыто, подразумеваемой и обрамляемой прозрачными намёками — девальвацией. Подчинение памяти осуществлялось прямолинейными и незатейливыми методами. В период с окончания войны и до смерти вождя режим лишь примерялся к возможному очередному переходу в новое качество. Да и сама Великая Отечественная ещё продолжала восприниматься в контексте текущего момента. К тому же никаких двусмысленностей (типа причастности к революционному ареопагу лиц, объявленных позднее «врагами народа») у недавней Победы не было. Поэтому вплоть до ухода Сталина так и не сложилось какого-либо содержательного проекта памяти. Любой подобный проект построен на определённой игре с прошлым. Но пока такой игры не требовалось. Всё было достаточно «прозрачно». Пространство памяти оказалось «законсервированным» до наступления новой политической конъюнктуры.

1955: ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ

Десятилетие Победы стало не просто первым юбилеем, но и первым опытом целенаправленного переформатирования пространства памяти под новые идеологические потребности. На повестке дня стояла задача масштабной дискредитации Сталина и, следовательно, связанной с его именем мифологии. Глубинные различия между довоенными и послевоенными образами вождя, его стилистикой и проектным видением перспектив развития как самой власти, так и руководимого ею общества, делали 1945 г. фактически системообразующим каркасом сталинизма. Поэтому десакрализация Сталина неминуемо должна была означать и десакрализацию Победы, несмотря на то, что сам он и инициировал эту десакрализацию.

Уже 9 мая 1953 г., спустя два месяца после его смерти, слова «День Победы», «Победа» не появились в газетных «шапках» и были упомянуты лишь в традиционном приказе министра обороны. Юбилейный же май 1955 г., когда до XX съезда оставалось менее года, стал как бы генеральной репетицией подготавливаемого поворота — обличения Сталина при сохранении в неизблемости сотворённой им идеократической системы властвования.

В данной ситуации память о войне и одержанной в ней Победе, память, устойчиво ассоциировавшаяся с образом Сталина, должна была подвергнуться своеобразной стерилизации. Пространство памяти необходимо было локализовать на таких сюжетах, которые бы замыкались на покойного вождя лишь опосредованно, или же вовсе не имели к нему никакого отношения.

С этой точки зрения режиссура первого юбилея выглядела оптимальной. Главным ритуальным действием празднования стало состоявшееся 8 мая торжественное заседание советской партийно-государственной верхушки в Большом театре. На этом заседании впервые после смерти Сталина были расставлены новые акценты в официальной трактовке Победы.

Во-первых, обращает на себя внимание выбор докладчика для основного выступления. Им стал не кто-то из первых лиц (пожелавших, видимо, заранее дистанцироваться от события, устойчиво связанного в общественном сознании с именем Сталина), а всего лишь один из военных функционеров — первый заместитель министра обороны и главком Сухопутных войск Иван Конев. Фигура эта,

безусловно, известная, была всё-таки не настолько встроена в сталинскую мифологию Победы, как тогдашний министр обороны Георгий Жуков. К тому же выставление в качестве докладчика второго, а не первого лица в служебной иерархии военного ведомства как бы изначально занижало статус и самого доклада.

Более того, сам текст доклада Конева совершенно нетипичен для той победной риторики, которая будет сопровождать празднование 9 мая вплоть до наших дней. Первый заместитель министра обороны говорил исключительно о военных аспектах Великой Отечественной и одержанной в ней Победы. Таким образом, как корпоративная принадлежность самого докладчика, так и зачитанный им текст в известной степени локализовали пространство памяти именно на военной — хотя и значимой, но всё-таки прикладной по своему содержанию — стороне праздника.

Во-вторых, в контексте подобной локализации очень естественно прозвучала и локализация роли самого генералиссимуса. Конев назвал Сталина исключительно председателем Государственного комитета обороны и Верховным Главнокомандующим (низведение вождя до конкретной командно-управленческой должности звучало в унисон с общей установкой на инструментальную милитаризацию Победы), который-де «был назначен» на этот пост «решением Центрального Комитета и Советского правительства». Имя Сталина прозвучало в докладе лишь один единственный раз, и то после подчёркивания заслуг как действующих руководителей (Хрущёва, Булганина, Ворошилова, Кагановича), так и уже скончавшихся к тому времени (Жданова и Щербакова). Названный «комплект» фигур соответствовал сложившемуся на тот момент балансу группировок, влияний и наследников определённых кланов и тенденций. А главное — являлся коллективным вождём, выдвигавшимся на место бывшего вождя, предуготованного на ритуальное заклинание на грядущем партийном форуме.

Примечательна ещё одна локализация пространства памяти на событии, вообще никоим образом с Победой не связанном. 7 мая 1955 г., то есть накануне вышеупомянутого заседания, также в Большом театре состоялось торжественное мероприятие, посвящённое 200-летию Московского университета. МГУ был награждён орденом Трудового Красного Знамени, и в тот же день на Ленинских горах, близ недавно отстроенного Главного здания университета, произошло событие, по своему жанру вообще несвойственное стилистике советской жизни, — приуроченный к юбилею корпоративный митинг студенческой молодёжи. Пресса уделила празднованию университетского юбилея колоссальное внимание, сопоставимое по своему масштабу с освещением мероприятий 9 мая.

Таким образом, совершенно различные действия в Большом театре шли одно за другим. Данный факт не мог не ослабить знаковой насыщенности собственно победных торжеств. Размах же народного соучастия в обоих мероприятиях оказался просто несопоставимым. В отличие от массового митинга на Ленинских горах, то есть события, сконцентрировавшего значительное количество людей в определённом месте, гуляния на День Победы в московских парках имели локальный и рассеянный характер, чем также резко контрастировали с молодёжно-студенческим праздником 7 мая. Если же ещё принять во внимание, что в День Победы военного парада на Красной площади не было, так как в соответствии с устоявшейся на то время традицией он был проведён 1 мая, то «размазанность» праздничного настроения на события и даты, непрямые к Победе, буквально впечатляет. Не остаётся никакого сомнения в некоей изначально предзаданной и инсценированной диффамации первого рубежа знакового для страны исторического события. Властью было сделано всё для того, чтобы десятилетний юбилей «сталинской» Победы остался как бы незамеченным. Вождь, ещё совсем недавно предназначавшийся на роль единственного культурного героя (будь проект памяти всё-таки запущен при его жизни), оказался ныне субъектом, который новая власть торопилась «сбросить» в зону антипамяти. Однако именно в силу данного обстоятельства, а также в результате суетливых попыток советского руководства «выдавить» опостылевший образ Сталина из любых памятных ассоциаций с Победой вождь всё же присутствовал в ауре юбилея — хотя бы даже в качестве определённой фигуры умолчания.

1965: ПРОРЫВ В ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНИ

С октября 1964-го номинально началась другая эпоха, но фактически ещё несколько лет осмысливалось, переваривалось то, что ей досталось «в наследство» от «субъективизма-волюнтаризма»...

На различного рода совещаниях, прошедших буквально накануне двадцатилетия Победы, новым секретарём ЦК по вопросам идеологии Петром Демичевым, сменившим в качестве «руководителя» данного направления главного консультанта Хрущёва Леонида Ильичёва, были сделаны знаковые заявления: «Мы навязчиво говорим о культе Сталина. Решение XX съезда было правильное. Но нельзя сваливать всё на мёртвого Сталина»; «“Один день Ивана Денисовича” Солженицына — это патология».

После смещения Хрущёва кампания против Солженицына стала набирать силу — на закрытых собраниях и инструктажах слушателям объявляли, что он изменил Родине, был в плену, служил полицаем. А вскоре после юбилея будет запрещён его роман «В круге первом» и одновременно арестованы Юлий Даниэль и Андрей Синявский. Многие тогда прояснила фраза, произнесённая начальником ГлавПУРа генералом Алексеем Епишевым: «Там в “Новом мире” говорят, подавай им чёрный хлеб правды, а на кой чёрт она нам нужна, если она невыгодна».

В конце апреля 1965-го на рассмотрение ЦК КПСС были внесены специальные тезисы к 20-летию Победы, подготовленные в Институте марксизма-ленинизма под руководством Петра Поспелова. В этих тезисах содержались положения, которые можно было оценивать как косвенную реабилитацию Сталина. Неизвестно, как протекало в Президиуме ЦК обсуждение этих документов. Во всяком случае, если судить по результатам, то при обсуждении вопроса о Сталине возобладали умеренная точка зрения. Тезисы Поспелова не были приняты, и в печати вообще не появилось никаких официальных тезисов ко дню Победы.

К юбилею также был подготовлен заключительный 6-й том «Истории Великой Отечественной». В нём, в частности, приводилась численность общих людских потерь Советского Союза — 20 млн. человек. И хотя такое количество потерь устно официально называлось с 1961 г., Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати СМ СССР не давало разрешения на опубликование этих данных. Санкция была дана лишь после вмешательства ЦК. С шеститомником был связан и ещё примечательный факт: в вышедших первых пяти томах опальный Жуков упоминался 16 раз, а Хрущёв — 126. Поэтому в 6-м томе именной указатель благоразумно не поместили. А опала «маршала Победы» сменилась на милость: Жукова стали приглашать на различные торжественные собрания, тогда же ему поступило предложение от издательства АПН опубликовать его мемуары.

Стоит ли поэтому говорить о том, что на фоне столь разительных идеологических перемен двадцатилетие Победы во всех отношениях резко контрастировало с первым юбилеем. Несмотря на то, что прошло всего лишь полгода после смены власти, официальное отношение к Отечественной войне обрело принципиально иную окраску. Статус самого праздника изменился до неузнаваемости. Отныне официальные доклады на торжественных заседаниях, посвящённых юбилейным вехам Победы, стали исключительной прерогативой первых лиц. Сами же тексты превратились чуть ли не в программные документы, в которых собственно само юбилейное событие являлось

лишь поводом для того, чтобы в очередной раз расставить акценты в официальном видении внутренней и внешней политики.

Пространство памяти, соотносимое с восприятием и смысловым наполнением праздника, начало преодолевать искусственную локализацию на частных, вспомогательных или вовсе посторонних событиях и стремительно разрастаться буквально до пределов пространства самой жизни. Очевидно стремление нового режима «застолбить» это пространство метками с победной символикой, «освятить» такой символикой повседневность даже в самых, казалось бы, тривиальных её проявлениях.

В данном смысле событиями одного ряда выглядели выпуск в обращение новой рублёвой монеты с изображением памятника советскому воину-освободителю в берлинском Трептов-парке и провозглашение Брежневым в торжественном юбилейном докладе дня 8 марта нерабочим. На первый взгляд, оба эти факта не представляют собой ничего исключительного, выбивающегося из обихода ординарных пропагандистских приёмов. Однако если взглянуть на данные события именно сквозь призму своеобразной экспансии пространства памяти в пространство жизни, то их значение приобретает совершенно особый смысл.

Рублёвая монета — ежедневный расходный бюджет для подавляющей части тогдашнего работающего населения. Налицо и ассоциативное сходство нового юбилейного рубля с медалью. Такая «медаль», становясь в буквальном смысле слова разменной монетой повседневной жизни советского человека, отнюдь не понижала свой ритуальный статус, но, напротив, как бы даже героизировала обыденность, в каком-то смысле укрепляя чувство Победы во дне сегодняшнем.

Аналогично расшифровывалось и превращение Международного женского дня в выходной. Казалось бы, данный шаг выглядел несколько неуместным, смешивающим воедино совершенно различные образы, даже несмотря на усиленно муссируемый тезис о трудовых подвигах советских женщин и их вкладе в дело Победы как в тылу, так и на фронте. Но в данном случае на первое место выходил даже не сам праздник 8 марта, но его трансформация из дня будничного в праздничный, нерабочий.

И всё это — под сенью Победы, по санкции 9 мая. Конечно, подобная связка образов Победы и поздравления женщин не могла утвердиться в памяти надолго — хотя бы из-за различной эмоциональной окраски обоих праздников. Совсем скоро содержание самого Международного женского дня вытеснило воспоминания о причине его превращения в дополнительный выходной для советского человека. Однако провозглашение данного решения в юбилейном докладе

воспринималось именно как существенный штрих к новой (как бы сказали позже, — «с человеческим лицом») интерпретации Дня Победы.

Ещё одним шагом, характеризующим затеянный властью прорыв пространства памяти в пространство жизни, стала очень своеобразная сакрализация самой среды обитания народа. Именно на двадцатилетие Победы было утверждено почётное звание «города-героя» и произведены первые его присвоения Москве, Ленинграду, Волгограду, Киеву, Севастополю, Одессе, а также Брестской крепости (звание «крепость-герой»). Образ героя перестал быть сугубо персонифицированным. Учреждение подобного «клуба» особо отличившихся в годы Великой Отечественной городов стало как бы новым, реализованным спустя столетия «изданием» Святой Руси. В обоих случаях объектом сакрализации оказывалась не конкретная личность, но сама земля, ойкумена, прославившаяся подвигом или — что то же самое — подвижничеством. Смыслом такой сакрализации в обоих случаях было исторжение конкретного человека из опутывавшей бытовой обыденности и погружение его в особый мир, где господствуют иные ценности и мотивации. При всей глубинной разнице между напряжённым духовным опытом русского Средневековья и пропагандистскими технологиями брежневской эпохи в обоих случаях сакрализация пространства жизни играла важную роль в воспитании личности. В секулярное советское время именно память брала на себя функции, прежде относившиеся к сфере религиозного опыта.

Новой «Святой Руси» требовалась и подобающая организация ритуального пространства. Спустя два года после юбилея Победы у стен Кремля возник первый «алтарь» складывавшегося культа — могила Неизвестного солдата. Зажжённый здесь (кстати, опять-таки самим Брежневым — будто верховным жрецом) Вечный огонь был не первым в нашей стране, но третьим — после Марсова поля в Ленинграде и Малахова кургана в Севастополе. Но именно после открытия мемориала в Александровском саду подобные сооружения, композиционно оформлявшие Вечный огонь, стали возникать в различных населённых пунктах Советского Союза, причём независимо от их статуса. В стране действительно образовалось как бы единое и унифицированное пространство памяти, представлявшее собой систему стольных градов («городов-героев») и храмовых сооружений (мемориалов). Отдельные мемориалы представляли собой целые комплексы мегалитов, организовывавших огромные ландшафты. Поначалу такие комплексы возникали в Восточной Европе, скорее, как наши политико-культурные форпосты (воин-освободитель в Трептов-парке, «Алёша» в Болгарии). Возведённый в середине шестидесятых комплекс на Мамаевом кургане представлял собой уже именно

архитектурно-скульптурную организацию пространственного ландшафта памяти, исполненного серией образов с очевидными религиозными аллюзиями — взять хотя бы богородичный подтекст центральной фигуры комплекса, Родины-матери.

Двадцатилетний юбилей Победы ознаменовался и другими новшествами, например, Минутой Молчания и Парадом на Красной площади. Однако если традиция Минуты Молчания стала непременно атрибутом каждого Дня Победы, то с парадами получилось сложнее. В советское время они так и «не прижились» на 9 мая, оставшись неизменным элементом празднования 7 ноября. И дело здесь не в том, что двух ежегодных парадов оказалось бы избыточно. Советский режим никогда не принимал в расчёт затраты, если они оказывались идеологически оправданными. Думается, что в отказе от ежегодных парадов 9 мая и сохранении их на 7 ноября проявилось глубинное противостояние этих обоих праздников — базовых для советского режима. Если 7 ноября мы праздновали создание новой политической системы нашей страны, то 9 мая по идее должно было стать не только событием, подтвердившим жизнеспособность этой системы, но и началом её качественно нового существования. Последнее в чём-то удалось сполна (например, космос), но в широком социальном смысле ожидания подлинно новой жизни, дарованной Победой, явно зависали. Праздник консервировался исключительно как ритуальный, и приоритет (а вместе с ним и парады) остался за 7 ноября.

Вместе с тем именно Победа фактически становилась единственной легитимацией советского строя. После тёмной истории со смещением Хрущёва власть пыталась укрепиться в том числе и за счёт масштабного расширения пространства памяти. Заявленный в 1965 г. проект такого расширения не имел чёткого конечного целеполагания, но лишь обозначал само магистральное направление.

Подобная «экспансия» пространства памяти в пространство жизни самым неожиданным образом отразилась в художественном творчестве тех лет и, прежде всего, кинематографе. Во второй половине 60-х — начале 70-х на экраны вышло несколько знаковых лент, каждая из которых по-своему интерпретировала и преподносила заданную «сверху» задачу по приближению героики Великой Отечественной ко дню сегодняшнему. Диапазон ракурсов и углов зрения был здесь гораздо более сложным, нежели банальное противостояние либерального шестидесятнического и официозного взглядов на Победу. Тем более что и самого-то противостояния как такового попросту не было. Топорные попытки партийного руководства направить творческое осмысление военной темы в нужное русло парадоксальным образом оборачивались неординарными сценарист-

скими замыслами и режиссёрскими находками. В результате иной — отличный от официозного и становившегося всё более и более окостенелым — образ Победы не был монополизирован исключительно шестидесятнической стилистикой, но обрёл и иные творческие воплощения.

Собственно говоря, даже шестидесятнический «почерк» известных кинолент не был единообразным. Взять хотя бы такие непохожие фильмы, как вышедшие буквально друг за другом «Июльский дождь» Марлена Хуциева (1966) и «Женя, Женечка и «Катюша»» Владимира Мотыля (1967).

Картина Мотыля поражает своим совершенно нетипичным для военной тематики настроением. Лёгкий комедийный сюжет на фоне завершающих месяцев Великой Отечественной. Идущая через весь фильм шуточная песня про «капли датского короля». Наконец, абсолютно неприемлемый для советского кинематографа взгляд на врага как тоже на человека. И всё это — предельно корректно, тактично, без опошления и даже без какой-либо претензии на изображение «другой» войны. Война всё та же, и Победа в ней — самая настоящая. А вот настроение после фильма — совершенно необычное: лёгкая грусть, не подавляющая своей безысходностью и невосполнимостью утрат, но жизнеутверждающая и — что самое важное — как бы с иной стороны подводящая к скорби и памяти по оставшимся на полях сражений.

У Хуциева — заход к теме памяти с другой стороны. Исполненные серьёзностью (серьёзностью искренней и неподдельной, на какую способны, пожалуй, только лишь дети) взгляды мальчишек, оказавшихся посреди традиционной встречи ветеранов на День Победы у Большого театра, пробирают до дрожи. Вот они — хранители памяти, те, кому предстоит отстаивать право прошлого на своё существование, а через это — обретать собственное будущее. Эти дети появились на свет после не только 45-го, но и 53-го. Поэтому они непричастны той непростой и трагической истории, которая выпала на долю их отцов и даже, может быть, старших братьев. Отсюда — и их право на причастность к Победе.

Пройдёт ещё немного лет, и та же самая мысль об освящении Победой всех последующих поколений прозвучит в фильме «Офицеры» (1971), который уже никак нельзя рассматривать в контексте шестидесятнической стилистики. Проникновенность теперь достигается не вычурностью, а, напротив, простотой, может быть, даже нарочитой, но от этого только ещё более сильной. «Любовный треугольник» на фоне лихолетий Гражданской, Великой Отечественной и начинающейся «холодной» войн — не содержание, а, скорее, обрам-

ление главной и сквозной идеи фильма: наследовании героики прошлого, её своеобразной «вакансии» для дня сегодняшнего.

Смысловая квинтэссенция картины наглядно раскрывается в её заключительных кадрах, представляющих собой видеоряд из жизни основных героев, проходящий под замечательную и любимую разными поколениями вот уже более тридцати лет песню. Песню, расставляющую в том числе и требуемые идейные акценты. Вдумаемся в её слова. Ведь она — не столько о «героях былых времён», от которых «не осталось порой имён» и которые «стали просто землёй и травой». Песня эта — об их памяти и сохранении героического опыта: «Только грозная доблесть их поселилась в сердцах живых»; «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой». Налицо и символическая переключка с хуциевскими ребятами из финальной сцены «Июльского дождя». Там — детское испытующее и пронизывающее, будто иницилирующее на подвиг — взгляды в ветеранов. Здесь — «глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят». И, наконец, главное, то, к чему подводит вся песня: «Этот взгляд, словно высший суд для ребят, что сейчас растут. И мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть».

Главным героем фильма оказывается Ваня — внук героя Георгия Юматова, потерявший родителей в Великую Отечественную, отданный дедушкой-генералом в суворовское училище и ставший офицером ВДВ. (Пофантазируем: может быть, впоследствии полковником бравший Кабул, а ещё позже — генералом — Грозный.) Вот оно — наглядное погружение пространства жизни в пространство памяти. Насколько такое мастерское погружение можно считать заслугой режима — сказать трудно. Но, по крайней мере, совершенно отчётливо ясно другое. Социальный заказ власти оказался выполненным настолько профессионально, что в конечном итоге ударял и по самому «заказчику», всё более увязавшему в абсурде «застоя», наглядно контрастировавшем с героикой фильмов той эпохи.

Кинематографическое пространство памяти не только демонстрировало несоответствие героики прошлого мерзостям дня сегодняшнего, но и активно обличало их. Сначала — аккуратно и, вроде бы, в пределах допустимого. Как, например, в «Белорусском вокзале» (1970), где ветераны как носители абсолютного нравственного начала противопоставлялись омертвелому равнодушию бюрократизма. Затем обличительный глас кино начал звучать громче, и под его критику попала самая верхушка режима. Борьба в руководстве уходящего в небытие Третьего рейха, мастерски изображённая в «Семнадцати мгновениях весны» (1973), воспринималась как прозрачный намёк на ситуацию в треугольнике Кремль — Старая площадь — Лубянка. Медвежьё услугу режиму оказала и суперофициоз-

ная эпопея Юрия Озерова «Освобождение» (1971). Заказанная «сверху» в качестве своеобразной знаково-культурной ресталинизации, призванной заменить уже нереальную общественно-политическую ресталинизацию, эпопея, идеализировавшая управленческий и военно-командный гений вождя, неминуемо подталкивала к сравнению этого образа со сдававшим буквально на глазах генсеком и его геронтократическим окружением.

Характерной особенностью брежневского проекта памяти явилось отсутствие в нём нежелательных субъектов. Правда, данное обстоятельство трудно назвать заслугой собственно самого проекта. Так вышло само собой. Какие-то нежелательные для режима сюжеты прошлого типа роли союзников, коллаборационизма или тем паче пакта Молотова-Риббентропа были для того времени совершенно неактуальными. Зато привнесение ауры Победы в советскую повседневность позволяло сглаживать её неустроенность, а также существенно подправлять стремительно ухудшавшийся имидж власти. Поэтому усиленная эксплуатация образов 45-го, эксплуатация, обернувшаяся фактическим паразитированием на них, стала характерной чертой официальной советской идеологии вплоть до её краха на рубеже 80-х — 90-х гг.

1975: В КОНТЕКСТЕ «СТРОЕК КОММУНИЗМА»

Несмотря на то, что следующий юбилей Победы отмечался при том же режиме, что и предыдущий, между ними было мало общего. Вместо размаха и помпезности 1965 г. — минимализм 1975-го: официальная часть мероприятий 9 мая свелась лишь к возложению венков к Мавзолею и могиле Неизвестного солдата.

Новые акценты в интерпретации юбилея, как и прежде, были расставлены в докладе Брежнева с весьма характерным названием — «Великий подвиг советского народа». В преддверии принятия новой Конституции, в которой предполагалось подчистить прежние устаревшие классовые дефиниции и активно использовать более широкое и обтекаемое понятие народа, юбилейный доклад генсека был чем-то вроде апробации. Тем более что повод для рассуждений о советском народе был, пожалуй, наиболее удачным и беспроигрышным. Великая Отечественная действительно переплავила разномасштабное в социальном и национальном отношениях население Советского Союза в единую общность.

Ещё одним знаменем времени, отразившимся в докладе Брежнев, стало активное обращение к молодёжи как наиболее деятельной и активной части общества. Движение стройотрядов, освоение новых месторождений — то есть явления, буквально на глазах преобразившие страну, — творились руками молодого поколения. «Вся наша страна по существу — огромная стройка», — афористично заметил генсек в юбилейном докладе. Пространство жизни, в которое со времени двадцатилетнего юбилея Победы стремилось разрастись пространство памяти, обрело к середине 70-х вид стройплощадки. Соответственно и символика победных торжеств также обрела молодёжно-стройотрядовские черты. Кульминацией развернувшегося незадолго до юбилея общесоюзного начинания под лозунгом «Работать за себя и за того парня» стала манифестация столичной молодёжи 9 мая 1975 г. на Красной площади. Событие это выглядело поистине незаурядным. При всей своей вышколенности и отретированности молодёжная манифестация заметно отличалась от традиционных демонстраций трудящихся хотя бы уже своей энергетикой. В преддверии запланированных на лето того же года Хельсинкского совещания и стыковки в космосе советского «Союза» с американским «Аполлоном» подобная новая стилистика победных торжеств являлась своего рода превентивным наступательным внешнеполитическим манёвром. И — надо сказать — манёвром, сполна оправдавшим возложенные на него надежды.

1985: В ПРЕДЧУВСТВИИ ПЕРЕМЕН

С приходом к власти Горбачёва неизбежность перемен ощущалась повсеместно. Однако на праздновании сорокалетия Победы наступление «политической весны» никак не отразилось. Точнее, отразилось самым несуразным образом. Новый генсек впервые после многолетнего перерыва в юбилейном докладе помянул Сталина. Причём просто именно помянул, сказав фразу, полностью соответствовавшую объективной реальности: «Гигантской работой на фронте и в тылу руководили партия, её Центральный Комитет, Государственный комитет обороны во главе с Генеральным секретарём ЦК ВКП(б) Иосифом Виссарионовичем Сталиным». Симптоматично, что даже это совершенно обезличенное, формальное и лишённое какой-либо политической оценки упоминание имени вождя вызвало продолжительные аплодисменты, а о Горбачёве пошла молва как о сильном политике, не побоявшемся после длительного замалчивания назвать имя Сталина. Вкупе со слухами о якобы готовившемся тогда обрат-

ном переименовании Волгограда в Сталинград эта обмолвка накануне 9 мая на какое-то время сформировала представление о заявленной на недавнем Пленуме перестройке как о продолжении андроповского «закручивания гаек».

Ритуальной новацией сорокалетнего юбилея стало возобновление парада на Красной площади. Причём на этот раз в прохождении строем мимо Мавзолея приняли участие не только представители военно-учебных заведений и родов войск, но и ветераны войны, а также подразделения, костюмированные в форму советских военнослужащих времён войны. Данная особенность парада явилась знаковой: действие обрело театрализованные черты и, соответственно, существенно изменило свой статус. Однако режим пока ещё оставался прежним, и подобные нововведения в ритуал, который по-прежнему воспринимался как сугубо презентационный, не могли не расшатывать устоявшиеся на протяжении десятилетий идеологические штампы.

Другой отличительной чертой этой первой горбачёвской и одновременно юбилейной весны стали два субботника. Помимо обычного, ленинского, ещё один, состоявшийся между Первомайскими праздниками и Днём Победы и приуроченный к юбилею. У этого дополнительного субботника был свой вполне прагматичный резон: между 1 и 9 мая получалось слишком много выходных, и сокращение количества нерабочего времени за счёт объявления коммунистического трудодня явилось выходом из этой ситуации, хотя и непопулярным.

Самой же непопулярной чертой юбилея стало ожидание антиалкогольной кампании, начало которой новый генсек лично и в открытую приурочил именно к завершению юбилейных торжеств. Ещё накануне Первомая в стране начался торгово-закупочный бум в вино-водочных магазинах. Повсеместно утвердилась установка отметить День Победы и помянуть павших «по-настоящему» в последний раз. Столица и крупные города в одночасье оказались наводнёнными как бы «самиздатовскими» ксерокопиями доклада о катастрофическом положении в стране в связи с ростом пьянства и алкоголизма. Обращали на себя внимание и политические акценты якобы «самиздатовского» материала. Главным виновником спаивания советского народа там назывался Троцкий. Своеобразным отголоском такого «стихийного антитроцкизма» нового режима стали яркие и образные обличения Троцкого, прозвучавшие в докладе Горбачёва два года спустя, на семидесятилетнем юбилее Октябрьской революции.

Ещё одной особенностью сорокалетнего юбилея Победы стала артикуляция самого слова «память». Эта артикуляция проявилась даже не в официальной риторике торжеств. Память и воспоминания сами по себе вдруг стали главными героями дня, самостоятельными

и самооценными точками сборки творческой рефлексии по поводу очередной вехи 45-го. «Эта память опять от зари до зари беспокойно листает страницы», — эти строки поэта-фронтовика Михаила Дудина, положенные на музыку и исполненные звездой советской эстрады 80-х Юрием Антоновым, регулярно звучали в те майские дни 85-го, став как бы даже неофициальным гимном 40-летия Победы. По какому-то странному совпадению именно памятование оказалось в сюжетном центре и других написанных к юбилею военных песен. «Помню, как сейчас, наш десятый класс закружила вьюга фронтовая», — пробирала до слёз София Ротару. «Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай тот поющий и цветущий яркий май», — напоминали «Сябры».

На протяжении двадцати лет пространство памяти разрасталось до пределов пространства жизни, вбирая в себя последнее и срачиваясь с ним. Обратной стороной этого процесса неминуемо становилась сопричастность пространства памяти пространству власти «застойного» советского режима. Вместе с тем Великая Победа продолжала оставаться неколебимым ценностно-нравственным мерилом, и потребность в её отграничении от деградировавшего режима становилась всё острее и острее. Сосредоточение на образе непосредственно самой памяти оказалось определённым выходом из этой непростой ситуации. Выходом, прочувствованным и заявленным людьми творческими, острее других ощущавшими востребованность новых акцентов в интерпретации Победы.

Однако за этой неожиданной артикуляцией слова «память» прозрачно угадывалась и иная причина. К середине 80-х организационно оформилось и фактически легализовалось массовое одноимённое движение, зародившееся в нашей стране ещё в хрущёвские времена как реакция на официальный нигилизм в отношении традиционных национальных, в том числе и православных ценностей, объявленных властью наследием сталинщины. В данной ситуации стало естественным обращение движения «Память» к стилистике и риторике консервативных православно-монархических организаций России начала XX в. и, следовательно, в целом к разному рода конспирологическим сюжетам.

Сорокалетний юбилей Победы дал богатую пищу для размышлений на этот счёт. 9 мая в газете «Труд» было помещено информационное сообщение о торжественном заседании в Кремле, речь Горбачёва, а также обычная в подобных случаях фронтальная фотография сидящих на сцене КДС высокопоставленных участников заседания и самого генсека, выступающего с трибуны. Чтобы укрупнить фигуру Горбачёва, её с помощью фотомонтажа несколько выдвинули вперёд, однако при этом по какой-то причине не зарету-

шировали часть его головы. В результате перед изумлёнными читателями «Труда» предстала следующая прямо-таки демоническая картина. На трибуне выступает Горбачёв, а за его спиной, на первом ряду почётных участников заседания, перед избранным на только что состоявшемся Пленуме членом Политбюро Егором Лигачёвым лежит голова нового генсека. Можно себе представить, какие слухи породила эта фотография вкупе с валом «самиздатовских» антитроцкистско-антиалкогольных прокламаций! А год спустя в ряде газет за некоторое время до аварии на Чернобыльской АЭС будут опубликованы странные рисунки, которые в духе становившейся всё более и более модной конспирологии станут расшифровываться как схема энергоблоков этой электростанции с пометой того, на котором произойдёт авария, а также с точной датой самого трагического события. Страна стремительно входила в новую фазу своего существования с совершенно непривычной для здравого смысла советского человека политической метафорикой...

В целом же в 1985 г. пространство памяти по-прежнему доминировало в пространстве повседневной жизни советского человека. В этом космосе ценностей и мотиваций не было места прагматике, однако остро ощущалась потребность каких-то, пускай и не артикулированных «сверху», перемен. Новый прорыв в осмыслении истории войны пришёлся на 1990-й, когда в одной из центральных газет 5 мая появилась статья с немыслимым по тем временам названием — «Украденная Победа». Смысл её сводился к доказательству, что в войне действовали две переплетающиеся, но разнородные силы: народ и система, олицетворяемая сталинским режимом. В первый период система оказалась основной силой, правда, малоэффективной. Ей ничего не оставалось, как на время отойти, приспособиться, дать народу развернуться во всей его мощи. Эта главная действующая сила выдвинула из своей гущи военачальников, расплатилась массовым героизмом, миллионами жизней. Обе силы внесли свой вклад в итог: если сила народная освобождала, то сила системная, идущая вослед, тотчас заключала освобождённых в свои стальные объятия. Так и Победа была перехвачена на финальном этапе. Народ из главной, одухотворённой силы автоматически вернулся в ряд орудий, инструментов. И трагизм состоял в том, что это было почти неизбежно: народ не имел ни социальной связанности, ни правовых механизмов, которые помогли бы прогнать обанкротившееся правительство в 41-м, не отдать ему Победу в 45-м. На основную движущую силу Победы, объявленную Сталиным «винтиком», срочно подыскивали крепкую гайку. Система лихорадочно надвигала плиту официоза, задраивала приоткрытые в войну люки — дабы не допустить взрыва изнутри.

Острая дискуссия по поводу «Украденной Победы» провела чёткий водораздел между ветеранами — носителями парадной и подлинной памяти о войне. Первые обращались к Горбачёву с требованием призвать к ответственности авторов за клевету на советскую действительность, издевательства над памятью о войне. Вторые выражали признательность за восстановление памяти и чести погибших и «возвращение Победы» тем, кто её действительно выстрадал и заслужил.

Однако власть демонстрировала откровенное пренебрежение к выпестованному ею же самой пространству памяти, не смогла или не захотела овладеть, пожалуй, наиболее эффективной для нашего менталитета технологией управления — через держание и целенаправленное конструирование этого пространства. Симптоматично, что коллапс режима произошёл в тот год, когда празднование Дня Победы явилось разменной монетой в противостоянии «ретроградного» союзного центра и молодой «демократической» российской власти.

1995: В ПРОСТРАНСТВЕ СИМУЛЯКРОВ

Даже после распада Советского Союза День Победы остался, пожалуй, единственным праздником прошлой эпохи, который по-прежнему отмечался — в том числе и на официальном уровне.

Хотя в первое время после распада СССР Победа как один из краеугольных камней советского прошлого подверглась массивной дискредитации. В 1992-м огромным тиражом выходит «нефантастическая повесть—документ» Виктора Суворова «Ледокол» с версией о подготовке Сталиным агрессивной войны против Германии. Она расколола не только историков, но и многомиллионную читательскую аудиторию. Демифологизируются подвиги 28 гвардейцев-панфиловцев и Александра Матросова. Появляются работы о массовом коллаборационистском движении, в том числе службе миллионов русских, украинцев и представителей других национальностей в вермахте и частях СС, работе во вспомогательной полиции и органах оккупационной администрации.

По мере усиления патриотической риторики и ориентации режима Ельцина вал разоблачений под вывеской поиска «правды истории» стал спадать, зато значение празднования 9 мая вновь начало усиливаться. Когда же подошло время полувекового юбилея Победы, российская власть решила превратить эту дату в масштабную акцию

собственной презентации, имея в виду маячившие впереди очередные президентские выборы 1996 г.

Столь помпезно и официально День Победы ещё никогда не отмечался. При этом официальная идеология празднования оказалась целиком заимствованной из советского прошлого. Кремлёвские политтехнологи попросту не стали вшивать в уже устоявшуюся и обкатанную на протяжении предыдущих десятилетий структуру памяти никаких новых акцентов из рыночной эпохи. Единственное, на что тогда отважились пойти, так это на перенесение героики Великой Отечественной на проводившуюся с декабря 1994 г. операцию российских силовых структур в Чечне. Этим переносом было оправдано и широкое задействование участников этой операции в парадах и других торжественных мероприятиях.

Власть не только повторила, но и значительно дополнила прежний советский сценарий празднования Дня Победы. Спустя десять лет после предыдущего — сорокалетнего — юбилея на Красной площади состоялся парад. Восстановление Воскресенских ворот сделало невозможным участие в параде военной техники. Поэтому было решено не отказываться от столь зрелищного мероприятия, но провести его на Кутузовском проспекте, рядом с достроенным (ещё одна впечатляющая акция ельцинского режима) комплексом Музея Победы на Поклонной горе.

Однако был и ещё один аргумент в пользу проведения именно такого двойного парада, и этот аргумент являлся уже целиком и полностью продуктом своей эпохи. Прибывшие на празднование полувекового юбилея Победы лидеры ведущих мировых держав не сочли бы для себя возможным становиться даже невольными участниками демонстрации современной военной техники чужого государства. Поэтому разнесение во времени и пространстве двух парадов — строевого и военной техники — было обусловлено и соображениями международного политеса.

За превращение Москвы в центр буквально мирового празднования полувекового юбилея окончания Второй мировой войны власти пришлось заплатить дорогую цену. Лидеры Запада, прибывшие в российскую столицу прежде всего для того, чтобы продемонстрировать свою поддержку Ельцину, имея в виду перспективу президентских выборов 1996-го, превратились, по сути, в главных героев дня. Именно к ним оказалось прикованным всё внимание как власти, так и прессы. Доходило порой до смешного. При подготовке кремлёвского приёма никак не могли выстроить логику рассаживания за столом высоких гостей. Наконец, было решено разместить их тем ближе к Ельцину, чем дальше они занимали свои посты. По иронии судьбы, рядом с российским президентом оказался тогда германский канцлер.

После нескольких лет официозного нигилизма к советскому прошлому столь же официозный поспешный возврат к прежним ритуалам и церемониям, причём даже с задействованием знаковых фигур советской эпохи, производил сильное впечатление.

В особенности это касается обоих парадов. Парад на Красной площади принимал Маршал Советского Союза Виктор Куликов. Как и в 1985-м в парадном строю прошли не только нынешние военнослужащие, но и ветераны, для которых даже была разработана специальная форма — мужская и женская. Более того, в парадный ритуал на Красной площади оказался идеально вписанным и Мавзолей Ленина — сооружение, несколько лет перед этим предаваемое анафеме официальными лицами государства, начиная с самого высокого уровня. Президент, премьер и спикеры обеих палат Федерального Собрания принимали парад, расположившись на Мавзолее, подобно членам Политбюро. Правда, тогда, в 1995-м, данное сооружение «реабилитировали» лишь частично, исключительно в качестве удобной трибуны — надпись «Ленин» была стыдливо замаскирована.

Подлинное «возрождение» Мавзолея случилось год спустя — 9 мая 1996-го. Теперь уже Ельцин стоял на трибуне один, остальные — ярусом ниже, на боковых площадках. Даже Сталин не позволял себе столь явного знакового выпячивания собственной персоны. Советские ритуалы вообще всячески демонстрировали, будто первое лицо — не отдельная, пусть и уникальная во всех отношениях, личность (генсек), а коллектив избранных (Политбюро и — в меньшей степени — ЦК). Ельцин же, как бы напротив, подчёркивал, что он сейчас — не столько президент, сколько Верховный Главнокомандующий, принимающий парад своей армии. Его коллеги по участию во власти — люди сугубо гражданские и поэтому не смеют находиться рядом. Они, словно свита, должны почтительно отступить от священной особы военного вождя. Имперские аллюзии действия очевидны. Более того, фамилия (точнее, партийный псевдоним) человека, погребённого в Мавзолее, на этот раз была оставлена открытой, видимо, для подтверждения полной и окончательной «реабилитации» советского периода как неотъемлемой части единой и неразрывной исторической традиции.

Можно, конечно, рассматривать затею с Мавзолеем в контексте аналогичных предвыборных трюков 1995–1996 гг. — «воссоединения» с Белоруссией, придания знамени Победы статуса государственного флага, появления на полуофициозном телеканале ОРТ откровенно проельцинской аналитической передачи «Дни» известного прежде своей оппозиционностью к режиму Александра Невзорова. К тому же, ещё год спустя, в 1997-м, президент не только отказался 9 мая вновь подняться на Мавзолей, но и опять заговорил о необходимости его

ликвидации. Всё это лишний раз доказывает, что власть воспринимала празднование Дня Победы как очередную пиар-акцию, оценивая её результативность лишь применительно к конкретному моменту и поставленной задаче. Безусловно, и раньше официальным ритуалом был характерен подобный технологизм. Однако при этом сохранялась, по крайней мере, видимость серьёзного отношения к такому действию. Теперь же чуть ли не в открытую признавалось исключительно пропагандистское значение этой помпезной пиар-акции.

Власть даже не смогла должным образом извлечь символические дивиденды из юбилея Победы для идеологического обеспечения чеченской кампании, да и вообще для хотя бы самой общей мотивационной поддержки российских Вооружённых сил. В угоду прибывшим на юбилей западным гостям боевые действия в Чечне были в очередной раз приостановлены, за что потом — также в который уже раз — пришлось заплатить лишними человеческими жизнями. Впечатляющий парад военной техники на Кутузовском проспекте, в котором участвовали даже относительно новые и находящиеся ныне на вооружении образцы, стал фактически реквиемом для погибающего отечественного оборонно-промышленного комплекса.

Декоративность юбилейных торжеств, попытка с их помощью отвлечь внимание от катастрофического положения дел как в стране в целом, так и в сфере её безопасности проявились и в знаковых событиях, последовавших за юбилейными торжествами. 24 июня 1995 г., в день полувекового юбилея легендарного парада Победы, на котором гитлеровские знамёна и штандарты были повержены к подножию Мавзолея, Россия переживала шок от нападения бандитов Басаева на Будённовск и от унижительных телефонных переговоров премьера с их главарём. В декабре того же года трагическая катастрофа на российской военной базе в Камрани унесла жизни нескольких лётчиков из пилотажной группы «Русских Витязей», пролетевшей над Кутузовским проспектом в финальной части парада военной техники.

Репертуар телеканалов в дни празднования 50-летия Победы оказался до отказа заполненным хорошо знакомыми советскими фильмами о войне, причём не только традиционными для 9 мая заключительными сериями эпопеи «Освобождение». После нескольких лет практически полного господства на экранах второсортного импорта погружение в доельцинскую эпоху производило сильное впечатление. Доходило даже до курьёзов. Так, накануне 9 мая были в один день, друг за другом показаны все двенадцать серий «Семнадцати мгновений весны». Сбылась давняя мечта наших зрителей, буквально забрасывавших Останкино подобной просьбой на протяжении двадцати с лишним лет, прошедших со времени первого

показа фильма Татьяны Лиозновой. Демонстрировались не только полюбившиеся фильмы, но и запавшие в душу программы. В частности, были повторены «Голубой огонёк» от 9 мая 1975 г. и легендарный концерт Клавдии Шульженко в Колонном зале Дома союзов. Очевидно, что столь откровенное обращение к трогательным и дорогим образам прошлого должно было — по замыслу лиц, делавших этот юбилей, — хотя бы как-то оттенить искусственность празднования, несоответствие его идеологии тяжёлой ситуации, в которой находилась страна из-за растущей инфляции, усугублявшейся бедности подавляющей части населения, не затухающего на Северном Кавказе очага напряжённости. В этом смысле навеянные с телеэкрана ностальгические воспоминания оказывали неоценимую услугу — возвращали настрой искренности и проникновенности, волей-неволей переносившийся и на окружающую действительность. Данную особенность юбилея точно подметил тогдашний главред «Независимой газеты» Виталий Третьяков, назвавший 9 мая «неофициальным днём памяти по Советскому Союзу».

Полувековой юбилей Победы оставил по себе противоречивое впечатление. С одной стороны, пространство жизни, вот уже много лет объётом пространством памяти, вдруг в одиночасье оказалось пространством симулякров. И получилось так, что именно память, оставшись, по сути, единственным источником живой творческой энергии посреди этих выхолощенных образов, начала одухотворять их, преодолевая бутафорскую натуру и наделяя содержательным смыслом и самостоятельным значением. С другой стороны, праздник всё же состоялся. Не сбылось гамлетовское пророчество — «связь времен» не порвалась. Более того, ключевая веха советской истории была не только полностью реабилитирована, но и обрела своего рода системообразующее для государственности РФ значение. 9 мая стало нашим новым 7 ноября, а парад на День Победы — с тех пор обязательный элемент этого праздника.

Что же касается непосредственно самого проекта памяти, то в его топике произошла буквально революционная перемена. Субъектно-объектные взаимоотношения власти и памяти стали меняться на прямо противоположные. Власть становилась всё менее и менее способной манипулировать памятью. Противостояние культурных героев и субъектов оказалось снятым из-за своей неактуальности. Функции же культурного героя в пространстве памяти перенеслись на саму власть, питающуюся энергией отражённого памятью прошлого и попросту неспособную существовать без этого источника.

2005: В ПРОСТРАНСТВЕ ОФИЦИОЗНОГО МИНИМАЛИЗМА

С приходом Путина память о Победе претерпела странную мутацию — во многом аналогичную той, которую испытал и сам нынешний режим. Эта мутация становится особенно заметной, если сравнить две инаугурации Путина, состоявшиеся накануне 9 мая.

Первая инаугурация 2000 г. проходила в обстановке откровенного отождествления новоизбранного президента как бы с самим духом Победы. К этому времени уже фактически завершилась собственно войсковая часть контртеррористической операции в Чечне, и эта локальная, но нелёгкая и чрезвычайно значимая для РФ победа выглядела как бы отблеском той, главной Победы 1945-го. Также незадолго до инаугурации и, соответственно, до 9 мая Путиным была подписана Военная доктрина государства — первый за всю нашу более чем тысячелетнюю историю документ подобного рода. И по своему содержанию, и по времени утверждения эта доктрина дополняла образ сильного Верховного Главнокомандующего и делала его сопричастным ауре Дня Победы.

Но спустя всего лишь четыре года, на следующей инаугурации, состоявшейся также накануне 9 мая, — совершенно другой президент. Точнее, совершенно другой пиар того же самого президента. Никаких знаковых увязок инаугурационных торжеств с приближающимся Днём Победы не прочитывалось. Сам инаугурационный ритуал поражал уже не своим минимализмом. Последний как специфическая путинская стилистика политического действия стал к тому времени некоей нормой нынешнего Кремля. Удивительно выглядело курьёзное новшество инаугурации — торжественное прохождение по Соборной площади военнослужащих Президентского полка в парадной форме, представляющей собой ремейк русской амуниции XIX в., причём как пешим, так и конным строем. Эта декоративная державность и имперскость будто бы преднамеренно контрастировали с состоявшимся 9 мая традиционным парадом, ставшим в последние годы весьма незатейливым. Здесь всего было понемногу: несколько дежурных фраз Верховного о значении Победы как эффективного опыта противостояния международному терроризму, камерный парад с гражданским министром обороны, немножко показательных строевых выступлений — вот и всё. Создавалось впечатление, что инаугурационный парад на Соборной площади (парад, окрещённый обще-

ственным мнением как «игрушечный» и «карманный», так как зрителем его был лишь сам президент) как бы противопоставлялся параду 9 мая. Что же произошло? Неужели возрождённый и превращённый Ельциным в главный государственный праздник, День Победы утратил при его преемнике такое значение?

Да, действительно, вместо крутого государственника ныне мы видим не менее крутого радетеля монетизации льгот. Причины столь очевидной перемены образа президента — предмет для особого разговора. Здесь же важно проследить, как синхронно с этой переменной трансформировалось и официальное восприятие Великой Победы.

Ещё раз повторим — память о Великой Отечественной была остро востребована в первые месяцы президентства Путина прежде всего в ситуации второй чеченской войны. Однако здесь очень скоро произошла явная подмена приоритетов.

Да, действительно, при Ельцине официальное — нарочитое и продиктованное вполне объяснимыми мотивами текущей внешнеполитической конъюнктуры — подчёркивание союзнического фактора в Великой Отечественной стало несколько неадекватным реальной роли Второго фронта. Но речь тогда могла идти только лишь о некотором нарушении исторических пропорций. Союзнический аспект, хотя и начал выпячиваться несоразмерным образом, однако по-прежнему продолжал играть лишь подчинённую, обеспечивающую роль. И тогда это вполне могло быть воспринято как естественный перекосяк в обратную сторону после несправедливого и практически абсолютного замалчивания в советское время роли союзников. Тем не менее на полувековой юбилей Победы высокие зарубежные гости приехали всё-таки, в первую очередь, как руководители сегодняшних партнёров России, но вовсе не как вчерашние союзники.

При Путине же (и особенно после 11 сентября 2001 г.) панегирическое возвеличивание союзников сконцентрировалось на формулировке, выворачивающей наизнанку прежнюю мотивацию. Теперь фактически Вторая мировая (заметим, именно она, а не Великая Отечественная) стала обозначаться чуть ли не как своеобразная «генеральная репетиция» интернациональной борьбы с общим врагом. Кто же этот общий враг? В феврале 2003-го, на праздновании 60-летия Сталинградской битвы, Путин провёл своё известное уподобление «террористов» «нацистам 30–40-х годов». Прагматическая аргументация президента понятна, и об этом он прямо заявил в январе текущего года на юбилее освобождения Освенцима. Такое уподобление способно в определённой степени приглушить свойственные европейскому общественному мнению двойные стандарты в отношении борьбы с терроризмом на Северном Кавказе. Отсюда — и призыв «отбросить все второстепенные разногласия и сплотиться

против общего врага» по примеру того, как это было «в годы Второй мировой войны». Пространство памяти оказалось подменённым одной из своих функций — актуализацией прошлого в контексте событий текущего момента.

Произошла эта подмена не сразу. Ещё в 2000 г. в своём ярком и, без преувеличения будет сказано, буквально героическом выступлении в Видяево перед родственниками моряков погибшего «Курска» (выступлении, из которого кремлёвские имиджмейкеры смогли бы извлечь колоссальные дивиденды для Путина, будь оно соответствующим образом преподнесено и не окажись «трофеем» оппозиционных журналистов) президент активно прибегал к образам именно Великой Отечественной. Американская трагедия 11 сентября 2001 г. фактически — на тот момент — сняла международные претензии к России по поводу Чечни, однако одновременно сделала неизбежным встраивание нашей страны в международный антитеррористический пул под главенством США. В этой ситуации Великая Победа и стала лишь «генеральной репетицией» предстоящих спустя более полувека совместных союзнических контртеррористических операций.

В этом контексте обрёл новое звучание тезис об «украденной Победе» — теперь уже в трактовке Александра Зиновьева: победители в «холодной войне» развернули тотальную фальсификацию истории с тем, чтобы отнять у победителей в Отечественной войне величайшую победу в истории «горячих войн».

Не явились ли в каком-то смысле горькой платой за подобный смысловой «размен» духа 1945-го унижительные знаковые пощёчины, наносимые России её нынешним врагом именно 9 мая — в 2002-м в Каспийске, а в 2004-м — в Грозном? Сегодня уже объявлено о беспрецедентных мерах безопасности в столице в предстоящий День Победы. Шокирующее впечатление произвело заявление командующего войсками Командования специального назначения о готовности уничтожать пассажирские самолёты, захваченные террористами. Возникают аллюзии вовсе не с победным маем 45-го, а, скорее, с тревожной осенью 41-го. Особенно если учесть обсуждаемое практически в открытую очередное «отступление» РФ на недавнем саммите в Братиславе.

В отличие от чёткой и последовательно проговариваемой установки на преемственность между фашизмом и нынешним терроризмом и, следовательно, между антигитлеровской коалицией и сегодняшним международным партнёрством России, иные смысловые акценты кремлёвского восприятия Великой Победы буквально поражают своим минимализмом и аморфностью. Власть избегает каких-либо сильных знаковых акций. Например, обратное переименование Волгограда в Сталинград не отрицается в принципе, но считается

«преждевременным». Акцент с идеологии всё чаще переносится на проблемы социального обеспечения ветеранов. Очевидна несуразность официальных заявлений на этот счёт на фоне прокатившейся в начале текущего года по России «седой революции», направленной против монетизации льгот. Более того, в последнее время в повышенном внимании к участникам войны прочитывается и ещё один крайне тревожный подтекст, проявившийся в частности в декабре минувшего года, во время посещения президентом посвящённого Московской битве военно-театрализованного представления на Алабинском полигоне Таманской дивизии. Зрелищность действия намного превосходила его смысловое наполнение. Но насторожил даже не этот, многократно усиленный электронными СМИ эффект действия. Обратила на себя внимание высказанная после представления одним из ветеранов мысль о том, что для большинства фронтовиков 60-летие станет последним в их жизни юбилеем, и поэтому предстоящие торжества должны быть адресованы прежде всего им. Эти слова могли бы выглядеть лишь частным мнением, не будь они высказаны в присутствии президента и, следовательно, обозначены как определённая установка. Бесспорно, ветераны — главные герои праздника, но вовсе не единственные его адресаты и потребители. В последнем случае подобная локализация пространства памяти попросту уничтожит День Победы как главный и консолидирующий общество праздник.

В 2003-м, на праздновании 9 мая в Туле, президент сказал: «В День Победы мы прикасаемся к обжигающей правде войны». Эта «обжигающая правда» сполна проявилась в полемике, развернувшейся на недавнем заседании в Орле Российского организационного комитета «Победа». Обращает на себя внимание отнюдь не растиражированное СМИ заявление генерала Валентина Варенникова о новых фильмах — «Штрафбат», «Московская сага», «Дети Арбата» — как о лживых. В конце концов, даже «обжигающая правда войны» — у каждого своя. И генерал, не только прошедший Великую Отечественную, но и оказавшийся уже в преклонном возрасте политзаключённым, а затем в открытую, на правовом поле доказавший свою невиновность, имеет полное право на свою собственную правду. «Обожгло» на орловском заседании другое. Например, сорвавшая аплодисменты и произнесённая с явным подтекстом просьба того же Варенникова к главе Минздравсоцразвития хотя бы до праздника наложить мораторий на очередные реформистские инициативы его ведомства, а также Минобразования. Или пикирование с тем же Михаилом Зурабовым московского мэра. И всё это на глазах у первого лица в государстве.

На совещании в Орле, пожалуй, впервые за последние годы столь явственно совпали два пространства — власти и памяти. Руководство страны формулирует концепцию юбилейных торжеств уже не просто как очередную пиар-акцию, но, скорее, как способ проведения на их волне конкретных управленческих решений. Память становится последним рубежом, за который нельзя отступить. Рубежом — или страницей каталога? К примеру, каталога виртуальных игр по сюжетам Великой Отечественной, которых в последнее время появилось огромное количество. Безусловно, тревожное предчувствие каталогизации Победы сегодня буквально висит в воздухе. Если это предчувствие оправдается, то 2005 год станет, действительно, последним юбилеем Победы.

ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ

Рассмотренный на материале предыдущих юбилеев опыт манипулирования памятью прошёл полный круг своего развития. Сначала — целенаправленная локализация пространства памяти, затем — его развёртывание в пространство жизни и повседневности; далее — перенесение в сферу образов и отражений. Наконец, сейчас пространство памяти как бы вновь возвращается в пространство власти, но уже на правах не объекта, но субъекта, причём чуть ли не определяющего и обеспечивающего легитимацию статусной политики. 60 лет власть манипулировала памятью в своих сугубо эгоистичных интересах, причём делала это, как правило, весьма топорно и неэффективно. Нынешний режим — не исключение. Находясь в крайне затруднительном положении — как внутри страны, так и на международной арене — он стремится прагматизировать то, что в принципе не поддаётся рациональному постижению.

Но память — это не только бронза и гранит, нередко подавляющие грандиозными формами, но простое, негромкое человеческое слово, сказанное о тех, кто сражался и умирал... Память о Победе не может быть приватизирована режимом, как, впрочем, и такими новообразованиями «гражданского общества», как военно-исторические клубы, играющие в «войнушку» и коллекционирующие вперемешку советские Ордена Славы и немецкие Железные Кресты. Можно ли вообще создать идеальное пространство памяти? Наверное, нет, так же как и нельзя сконструировать идеальное пространство власти. Однако пространство власти доступно лишь немногим — большинст-

во взирает на него со стороны. К пространству же памяти причастны все без исключения. А значит — и ответственны за него!

Да, нынешняя власть слаба и беспомощна, её авторитет стремительно падает, и ситуация чем-то даже напоминает конец 1916-го — самое начало 1917-го. Особенно на фоне прозвучавших в последнем президентском послании ссылок на обанкротившиеся авторитеты столетней давности. А интеллектуалы, как и веком раньше, снова задаются вопросом, нужно ли поддерживать такой режим или же сжечь его в пламени новой — на этот раз «бархатной» — революции. На этом фоне предстоящий юбилей Победы становится, возможно, последним шансом выработки конструктивного национального соглашения, в котором нуждаются и власть, и общество. Таким образом, сегодня именно Память способна стать тем единственным третейским судьёй, который только и в состоянии ещё удержать страну на краю пропасти.

Память судит, что называется, по гамбургскому счёту. И у неё есть веские обвинения к обеим сторонам — как власти, так и обществу.

Что касается власти, то тут всё более-менее ясно и не вызывает сомнений. Следует только заметить, что уже сразу после Победы (нравственный авторитет которой и даёт право на такой гамбургский счёт) были сформулированы сценарии, сполна отыгранные уже под конец века, — технологий целенаправленного демонтажа Союза ССР, тупиковых попыток национально-государственного строительства в многонациональной и поликультурной стране, альтернативных моделей социализма, особой роли конфессиональных институтов.

Первые сигналы прозвучали именно тогда, в первые послевоенные годы, но они так и остались по-настоящему не понятыми зазнавшейся от Победы властью. Кто знает, быть может, осталась бы иная память о Сталине и его режиме, не прозевай бы они столь доверительных к победившей власти сигналов. Эти сигналы в обилии подавались самыми разными людьми. Простыми гражданами, любящими свою Родину и поверившими после леденящих социальных экспериментов 30-х в то, что можно положиться на тех, кто «наверху». Маршалами, ощутившими доверие Верховного. Наркомами, вкусившими ответственную самостоятельность в командовании своими танкоградом. Дипломатами, предоставившими внушительные ноты доверия к стране-победительнице.

Вот и сейчас, в момент истины победного юбилея, у власти ещё остаётся шанс исправить ошибки — как собственные, так и своих предшественников. Услышит ли она эти сигналы, поступающие к ней с разных «этажей» общества? А услышав, окажется ли способной адекватно понять и принять к действию? Кто знает, быть может, именно сейчас перед властью впервые в нашей истории открывается

перспектива оказаться не объектом очередного слома под вывеской «бархатной» или какой-либо иной революции, а самой возглавить поход против коррумпированной чиновничьей гидры, уже не раз губившей российскую государственность? Такой поход стал бы лучшим доказательством того, что власть не относится к своему народу, как к быдлу.

Но и с общества также особый спрос. Оно не имеет права на какую бы то ни было презумпцию невиновности и незапятнанности, в отличие от кругом виноватого режима. Сваливать всю вину «наверх» смешно. Подобный нравственный авторитет ещё надо заслужить. Выход здесь единственный — напряжённо сотворчествовать тем начинаниям власти, которые объективно и с точки зрения здравого смысла созидательны, а не чаять лёгкой наживы в горниле очередной смуты. А начать здесь надлежит хотя бы с самого простого и очевидного в канун приближающегося юбилея Победы — вывести общественную дискуссию из русла, похоже, активно навязываемой «сверху» полемики о роли Сталина и о том, следует ли ему сейчас воздвигать памятники. Или прервать уже опостылевшие за последние 15 лет сетования по поводу того, почему, победив в войне Отечественной, мы проиграли в войне «холодной». А вместо этого — бережно развить и придать дальнейший импульс энергии национального единства и согласия, пока ещё сохраняющихся вокруг Дня Победы и сотворённого этой датой пространства памяти.

2

ОБЗОРЫ

Владимир КРЕСТОВСКИЙ

ВОЙНА И НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЁРЫ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Ещё несколько месяцев тому назад не было никаких оснований предполагать, что 60-летний юбилей окончания Второй мировой войны способен вызвать в англо-американских СМИ какие-либо новые идеи, точки зрения, углы преломления интерпретаций прошлого. Казалось, что за последние десять-пятнадцать лет в этом ведущем сегменте мировой информационной индустрии уже отшлифовалось отношение ко Второй мировой, которое в очередной раз и будет репродуцировано в ходе празднования грядущего юбилея. Это отношение базировалось на нескольких штампах.

Во-первых, на представлении о значении опыта совместной борьбы с фашизмом для современного противостояния международному терроризму.

Во-вторых, на интерпретации Победы над гитлеровской Германией как очередного и веского свидетельства жизнеспособности и эффективности западной демократии, способной одолеть любую форму тоталитаризма.

В-третьих, на реформатировании прежнего спора (характерного, скорее, для эпохи холодной войны) о вкладе в Победу Западного и Восточного фронтов в скрытый и не вполне проявленный спор о цене самой Победы. В последнем случае западная точка зрения нашла концентрированное и знаковое выражение в спилберговском фильме «Спасти рядового Райана». Подобный морально-нравственный императив даже на излёте минувшего века, в годы демонстративного потепления отношений между Россией и Западом, усиленно противопоставлялся мнению о Победе СССР исключительно благодаря заваливанию вермахта трупами советских солдат.

И, наконец, в-четвёртых, на конъюнктурной игре вокруг признания или непризнания существующего российского политического режима демократическим. В соответствии со сложившейся в послед-

ние годы традицией, по крайней мере, на официальном уровне Запад, вспоминая совместную Победу во Второй мировой, довольно редко в этом же контексте указывал на острые углы современных российских реалий типа Чечни, свободы СМИ, реанимации имперских амбиций в Ближнем Зарубежье, усиления тоталитарных тенденций сегодняшнего Кремля. Определённый поведенческий стереотип Запада в данном вопросе был сформулирован десять лет назад, во время празднования полувекового юбилея Победы, когда ради поддержки Ельцина в перспективе грядущих президентских выборов России было сделано достаточно много уступок, которые, по сути, и легитимировали складывавшийся тогда у нас режим «управляемой демократии». Примечательно, что всё это произошло именно «под сенью» памяти о совместной Победе.

НЕОЖИДАННАЯ НОВИЗНА АКЦЕНТОВ

Совсем другая картина стала вырисовываться уже в преддверии 60-летнего юбилея окончания Второй мировой. От вышеупомянутых штампов не осталось и следа. Прежнее благодушно-покровительственное отношение к Кремлю сменилось на противоположное. В крупнейших англо-американских СМИ стала доминировать резко негативная риторика в адрес нынешнего хозяина Кремля. Совершенно неожиданно одной из самых животрепещущих тем в свете приближавшегося юбилея оказалась роль Сталина и его политического наследия в современной РФ. И совсем уж непривычными в отношении одной из бывших держав-победительниц (точнее, её правопреемницы) стал прокатившийся по ряду изданий призыв (явный или подразумеваемый) к покаянию за преступления Советской Армии в отношении мирного населения Германии и за последовавшую после 1945-го почти что полувековую оккупацию Восточной Европы. Ещё одна новация недавнего юбилея — чётко выраженное намерение «деприватизировать» право на решающую роль в Победе над гитлеровской Германией, право, которое как бы по умолчанию считалось принадлежавшим РФ как правопреемнице бывшего СССР. И если раньше подобная роль оспаривалась союзниками, то теперь сами бывшие союзники, подчёркивая, что основная тяжесть гитлеровской оккупации легла на территории, являющиеся ныне независимыми государствами, стремятся превознести роль этих государств в Победе над фашизмом. Но, пожалуй, самой большой неожиданностью 60-летия явился вышедший на всеобщее обозрение плохо скрываемый «раздор» внутри самих бывших союзников Советского Союза.

ИЗЪЯНЫ ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА

Безусловно, «проблема Путина» по вполне понятным причинам межгосударственного этикета и допустимым нормам высказываний оказалась для англо-американских СМИ непростой темой для обсуждения. Видимо, именно поэтому тон здесь был задан именно лицом частным, не встроеным ныне в официальные структуры власти или информационной политики. В марте текущего года бывший советник президента Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский сделал ряд заявлений, которые в преддверии юбилея не могли остаться незамеченными или непонятыми. Он прямо обвинил Кремль в стремлении «заморозить» ситуацию на постсоветском пространстве и всячески противодействовать радикальному обновлению, протекающему сегодня в Ближнем Зарубежье в виде так называемых «бархатных революций».

В опубликованной в одном из престижных американских изданий статье с весьма характерным названием — «Русская рулетка» — Бжезинский совершенно открыто подвёл читателей к мысли о том, что у действующего президента РФ нет политического будущего. «Сопряжённые с насилием, но пока что подавляемые демонстрации в Беларуси, где г-н Путин поддерживает примитивного диктатора, — заявил бывший советник 39-го президента США, — и менее драматичное, но имеющее далеко идущие последствия недавнее неприятие власти Кремля прежде промосковским правительством Молдовы также иллюстрируют, насколько российский президент утратил представление о политических тенденциях. Его удивительно неуклюжие попытки вмешательства только лишь подчёркивают самоизоляцию России, и сегодня почти все соседи России либо боятся России, либо презирают её, или то и другое вместе. Нельзя назвать хорошей внешнюю политику, которая почти не демонстрирует улучшений в сравнении с прошлым».

Данный вердикт выносился именно в видах приближавшегося юбилея Победы, на который планировалось прибытие нынешнего хозяина Белого дома. Примечательно, что несмотря на резкое неприятие Бжезинским целого ряда решений и действий президента Буша-младшего, известный советолог (а ныне — специалист по ситуации в странах СНГ и Восточной Европы) высоко оценил его намерение «предварить свою предстоящую поездку в Москву в начале мая остановкой в столице Латвии, а после проследовать в столицу Грузии». Бжезинский даже назвал эти намерения Буша «символично

смелыми и стратегически важными шагами», так как «определённые подтексты планируемого г-ном Путиным празднования оказались некоторым евопейцам, в особенности тем, кто лишь недавно избавился от контроля Москвы, одновременным празднованием победы сталинизма». Тем более что у российского президента сохранилось чётко выраженное нежелание осудить пакт Риббентропа–Молотова. На этом фоне посещение президентом США Риги и планируемая там встреча с руководителями всех трёх стран Балтии (причём двое из которых отказались участвовать в московских юбилейных торжествах) «само по себе скажет очень многое, даже если президент Буш-младший и не затронет этот вопрос прямо». Равным образом и визит в Тбилиси (на фоне протяжек с выводом российских войск с территории Грузии и очевидным подстрекательством Москвой сепаратизма на окраинах этого государства) окажется «важным актом международных гарантий для осаждённого народа».

Архаичная стилистика готовящегося московского юбилея резко контрастирует с обликом новых режимов ближайших соседей России — Украины и Грузии. Лидеры этих стран являются сегодня руководителями принципиально нового типа. В современной России пока что не видно кандидатов в собственные ющенко и саакашвили, однако президент Буш во время своего юбилейного визита в Москву, по мнению Бжезинского, пошлёт своеобразный «месседж» «будущим лидерам, даже если он не сумеет их разглядеть». «Многие молодые россияне, — замечал Бжезинский, — будут смотреть и слушать, гадая при этом, почему их жизнь должна определяться ностальгией по прошлому, которая заслуживает того, чтобы её похоронили навсегда».

Бжезинский заявил, что рассчитывает на своеобразный «кумулятивный эффект от усилившихся контактов с миром демократии в соседних государствах, когда-то находившихся под российским господством». В результате этого эффекта «место в Кремле, занимаемое сегодня выпускником КГБ», окажется у какого-либо молодого россиянина, закончившего Гарвардскую школу бизнеса или Лондонскую школу экономики (1).

Некоторые высказывания российского президента в дни празднования 60-летия Победы послужили поводом для резко критических замечаний в его адрес. В частности, не осталась проигнорированной фраза Путина, назвавшего крах СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века». То есть прежнее государственное образование, составной и системообразующей частью которого являлась территория сегодняшней РФ, сегодня, похоже, уже просто принято оценивать исключительно негативно, и любые попытки увидеть в нём какие-либо конструктивные и позитивные элементы встречают резкий отпор западного общественного мнения и формирующих его институтов. Причём этот отпор осуществляется с самых разных сторон.

Так, обозреватель «Лос-Анджелес Таймс» Макс Бут увидел в стремлении президента РФ сохранить значимую для него преемственность между героикой войны и нынешней ситуацией в России буквально аморальное намерение. По его словам, «последовательно сменяющиеся в Кремле правители, от Иосифа Сталина до Путина, эксплуатируют страдания своего народа, чтобы оправдать собственные просчёты в управлении страной». Подобный приём «напоминает о подростке, убившем своих родителей и после требовавшем для себя в суде снисхождения, потому что он сирота» (2).

Стивен Шварц опубликовал во влиятельном американском еженедельнике статью под чрезвычайно броским названием — «Путин защищает не имеющее оправданий прошлое». Автор подкрепляет своё заявление некоторыми историческими фактами, соответствие которых действительности весьма сомнительно. В частности, он считает нахождение Латвии, Литвы, Эстонии и Грузии в составе Российской империи несправедливым, так как эти страны «по своим историческим корням не являются славянскими», и «у них нет этнических связей с Россией». Шварц утверждает, что просто-напросто «царская Россия захватила их в XVIII и XIX веке». Говоря уже о советском периоде, он также наперекор общеизвестным событиям прошлого утверждает, что «Советы отрезали часть Румынии», и «именно поэтому сегодня существует отдельная страна под названием Молдова — отчаянно обнищавшая сирота сталинско-гитлеровского альянса».

Столь далёкие исторические заходы требуются Шварцу для обоснования главной мысли его статьи об имперской преемственности курса, проводимого в настоящее время Кремлём. «Сегодня Путин, — заявляет автор, — стремится вновь закрепить империалистические “права” России в приграничных государствах, известных как “Ближнее Зарубежье”». Он пришёл в ярость, когда президент Буш прямо признал, что ялтинские соглашения, разделившие Европу между демократией и Сталиным, были трагической ошибкой; он также разгневан той солидарностью, которую президент проявляет в отношении прибалтов и грузин, и американским осуждением диктатуры Александра Лукашенко в Белоруссии».

В контексте юбилейных торжеств в Москве Шварц рассматривает и посвящённое «бархатным революциям» на постсоветском пространстве известное выступление главы ФСБ в Думе 12 мая. Отталкиваясь от сказанного думцам, автор статьи опять-таки выводит собственные рассуждения на заданную тему. По его мнению, из слов Николая Патрушева следует, что «Буш и Блэр в моральном плане сопоставимы с агентами ваххабитского терроризма, проникающими из Эр-Рияда, и с вербовщиками из экстремистской организации

«Братья мусульмане»». Шварц усматривает в таком подходе знакомые интонации: «До 1935 года (снова непонятно, что автор имеет в виду под этой датой. — В. К.) Сталин точно также заявлял, что демократические и фашистские государства одинаковы».

Однако в отличие от многих западных аналитиков, считающих именно главу ФСБ главным на сегодняшний день российским «ястребом», Шварц, сравнивая Патрушева с Путиным, утверждает, что последний «всё равно оказался в первом ряду, отстаивая сталинские подходы в споре о будущем России и её соседей». В подтверждение этой мысли автор приводит нашумевшее заявление Путина (который, как замечает Шварц, «гордо называет себя ветераном советских спецслужб») о Прибалтике: «Россия передала часть своих территорий Германии, включая те территории, которые позже стали балтийскими государствами. В 1939 году Германия их нам вернула, и эти территории вошли в состав Советского Союза» (3). Предвзятость толкования слов российского президента в очередной раз наглядно демонстрирует, как различная интерпретация одного и того же исторического факта может превратиться в приём дискредитации.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ» СТАЛИНА

Неожиданная актуализация в англо-американских СМИ дискуссии о роли и значении Сталина вызвана, разумеется, вовсе не потребностью пересмотра тех или иных исторических оценок, а опять-таки текущей политической конъюнктурой. Образ Сталина оказался в обстановке юбилея Победы своеобразным идеологическим маркером, способным наполнить даже достаточно невнятную текущую российскую политику яркими и легко узнаваемыми и понимаемыми знаками. Но если для нас подобные манипуляции, какими бы виртуозными они ни казались, остаются по-прежнему всего лишь суррогатом, симулякром содержательного политического курса, то для западных наблюдателей они оказываются гипертрофированными прогностическими сценариями.

Яркой иллюстрацией такой инверсии может служить статья Пола Куинн-Джаджа из американского журнала «Тайм» с откровенным названием — «Верните нам Сталина! Старый диктатор находит друзей среди политической элиты России». Весь пафос Куинн-Джаджа строится вокруг анализа опубликованной в «Красной звезде» статьи бывшего министра обороны СССР и члена ГКЧП Дмитрия Язова. Американскому автору кажется весьма симптоматичным появление такого рода материала в официальном издании военного

ведомства РФ. А сами перспективы новой сталинизации российского общества представляются американскому автору вполне реальными особенно на фоне следующих слов маршала: «Разрушение нашего социалистического государства в конце прошлого века началось с массовой клеветы на Сталина. Восстановление страны не может произойти без полной правды о нём. Правда о Сталине сегодня поможет укрепить волю и дух нашего народа и будет способствовать спасению нашей Родины в тяжёлые и опасные времена». Иными словами, автор видит в сегодняшнем росте популярности вождя подготовительный шаг к переходу от слов к делу, от путинских заявлений о «величайшей геополитической катастрофе XX века» к практическому восстановлению новой империи (4).

Однако в англо-американских СМИ прозвучали и гораздо более взвешенные и серьёзные мысли о сегодняшнем «возвращении» Сталина. В качестве примера здесь можно назвать обширную публикацию в лондонской «Таймс» известного историка Нормана Дэвиса «Россия — недостающее звено в британской мифологии Победы». Автор возлагает ответственность за драматические страницы советской истории не только на сталинский режим, но и на подпавшие под его пропагандистскую обработку западные демократии. «О злодеяниях Сталина, — пишет он, — мы узнали уже после его смерти и к тому же в обстановке холодной войны, когда мы уже не рассматривали СССР в качестве партнёра по общей борьбе. Тем не менее западная общественность в целом оказалась чересчур привязана эмоционально к уже сформировавшемуся “сценарию” и не пожелала пересматривать сложившиеся представления о характере Второй мировой войны. Западные демократии никогда не противостояли СССР в прямом военном столкновении, и в сознании большинства врагом и “воплощением зла” по-прежнему являлся Гитлер, а не Сталин».

Советский миф о единой для союзников «антифашистской идеологии» породил в Британии и США «иллюзию о том, что все противники фашизма привержены одним и тем же ценностям». В то же самое время, как считает Дэвис, «советский коммунизм был не менее враждебен западной демократии, чем фашизм». Однако несмотря на осведомлённость союзников о действительном содержании сталинского режима, Запад прагматически «на время отложил в сторону все свои подозрения», так как «отчаянно нуждался в советской военной помощи». Так возникла «красивая сказочка о добром “дядюшке Джо” и созданной им “альтернативной форме демократии”».

Союзники заботились о положительном имидже Сталина не меньше своих советских партнёров по антигитлеровской коалиции. «В годы войны, — пишет Дэвис, — в Лондоне и Вашингтоне оказались тысячи людей, не понаслышке знавших о сталинских лагерях и убийствах. Но

им эффективно затыкали рот с помощью военной цензуры, а порой и воинской дисциплины. Офицерам, которых заставляли за обсуждением услышанных ими рассказов о сталинских преступлениях, грозили трибуналом. Даже Черчилль, всегда крайне отрицательно относившийся к большевикам и признававший, что заключил “союз с дьяволом”, не смог устоять перед обаянием сталинского успеха».

«Нравственная цена» Победы над фашистской Германией мало заботила союзников. Сталинский режим по всем формальным показателям подпадал под Нюрнбергский трибунал, как и гитлеровский. Но когда немецкие адвокаты на процессе лишь только попытались повернуть ход слушаний в этом направлении, их резко оборвал председатель трибунала сэр Джеффри Лоуренс: «Мы здесь для того, чтобы судить главных военных преступников, а не державы, предъявившие им обвинения».

Дальнейшее сохранение двойных стандартов в отношении сталинского режима, считает Дэвис, просто недопустимо. Отыскать выход из этой запутанной ситуации — задача, прежде всего, историков. «Они, — по словам автора статьи, — должны найти способ объективного освещения Второй мировой войны — этого сложного явления, в ходе которого объединённые силы западной демократии и сталинской тирании восторжествовали над странами “оси”. Они должны отдать должное решающему вкладу СССР в разгром Германии на поле боя — признаётся же, что Соединённые Штаты вынесли основную тяжесть войны с Японией. В то же время они должны чётко сказать: триумф Сталина не имел ничего общего с торжеством свободы и справедливости, и по западным меркам итог войны лишь отчасти можно назвать удовлетворительным. Сделать это будет очень трудно: пока справиться с такой задачей не удавалось никому» (5).

«Возвращение» Сталина — закономерный результат незавершённого, прерванного в середине 60-х процесса десталинизации. Причём «свёрнут» он оказался не только в Советском Союзе, но и на Западе, о чём вплоть до последнего времени зарубежные публицисты и аналитики предпочитали не говорить. Однако несомненно, что вновь вернуться к переоценке советского вождя — уже в начале XXI в. — Запад подтолкнуло усиление риторических обращений к этому образу в современной РФ. Вот наглядный пример того, как миф и историческое знание идут рука об руку, дополняя и развивая друг друга.

«РАСПЫЛЁННАЯ ПОБЕДА»

В ходе подготовки и проведения юбилейных торжеств в англо-американских СМИ проявилась ещё одна новация — тенденция к своеобразному «распылению» Победы на современные государства, которые — именно как самостоятельные геополитические субъекты — не имеют никакого отношения к разгрому фашизма. Здесь имеются в виду новые страны СНГ — западные соседи современной РФ.

Подобное «распыление» — опять-таки дань сиюминутной конъюнктуре, выстраиванию нового «санитарного кордона», проходящего по Восточной Европе и изолирующего РФ под предлогом проницаемости её южных и азиатских границ.

Конечно, здесь сыграло свою роль практиковавшееся на Западе на протяжении всего времени существования Советского Союза определённое смешение понятий «Россия» и «СССР». Однако если прежде такое смешение не имело принципиального значения и было чем-то вроде употребления термина «Англия» применительно ко всему Соединённому Королевству, то теперь острота смещения акцентов в данную сторону очевидна. Более того, в англо-американских СМИ появляются и открытые призывы нарушить принадлежащий РФ как правопреемнице СССР монополизм на Победу.

«В июне 1941 года, когда началась операция “Барбаросса”, — пишет Норман Дэвис, — вермахт вторгся не на территорию собственно России, а в оккупированные Советским Союзом районы Польши. Немецкие армии захватили прибалтийские государства, Белоруссию и Украину, но и в самой России им удалось занять лишь западные окраины. Они дошли до Москвы, Ленинграда и Сталинграда, но ни одного крупного российского города немцам взять так и не удалось. В результате самые большие жертвы среди гражданского населения приходится на долю западных областей страны, не входивших в состав России. И сегодня эти территории не являются частью государства, возглавляемого президентом Путиным, но на Западе на такие “нюансы” внимания, как правило, не обращают» (6).

Безусловно, подобное «распыление» Победы является во многом оборотной стороной длившейся десятилетиями по завершении Второй мировой тяжбы между Советским Союзом и его бывшими союзниками о том, чей вклад в Победу оказался наиболее значимым и решающим. Кстати, рудименты этой тяжбы напоминают о себе и в настоящее время. Так, в той же «Таймс» Марк Франкетти накануне юбилея поместил статью, целиком посвящённую сегодняшним прояв-

лениям этого старого спора — разумеется, с российской стороны и со ссылкой на такую неоднозначную фигуру, как бывший «главный контрпропагандист» КГБ Филипп Бобков (7).

Характерно, что неизбежным результатом указанного «распыления» причастности к Победе оказался стремительно обрётший в майские дни тезис о двух юбилеях или двух праздника — на Западе и в Москве. В статье «Сладкогорькое празднование» вышеупомянутый Куинн-Джадж открыто противопоставляет человечное, естественное и органичное отмечание юбилея в Париже, Лондоне и Берлине напыщенным и формализованным торжествам в столице РФ. Более того, по его мнению, «есть и другое несоответствие в отношении Дня Победы в Европе в тех государствах, которые когда-то входили в состав Советского Союза или Организации Варшавского договора: многие там рассматривают разгром нацизма просто как смену оккупантов». Поэтому, по словам автора «Сладкогорького празднования», Дню Победы суждено остаться в Европе «годовщиной, у которой есть своя острая грань» (8).

Ситуация с московскими торжествами чем-то даже напомнила события, имевшие место четверть века назад, — бойкот в 1980-м олимпиады в столице СССР из-за ввода советских войск в Афганистан. По крайней мере, именно на такие воспоминания наталкивают отдельные публикации об отказе прибалтов прибыть в Москву на 60-летие Победы. Проживающие ныне на Западе эмигранты из Прибалтики — кстати, вопреки преобладающей в общественном мнении Запада позиции, — фактически приравнивают фашистских коллаборационистов к «коллаборационистам» советским: «Нам стыдно и за тех, и за других» (9).

ПОКАЯНИЕ ЗА ПОБЕДУ

Именно в такой формулировке данная тема поднимается в англо-американских СМИ впервые за всю послевоенную историю. Причём даже в начале 1990-х, в пору масштабной сдачи сначала горбачёвским Советским Союзом, а затем ельцинской РФ наших геополитических позиций в мире, никто не выдвигал одной из держав-победительниц подобного требования.

За что же России надлежит покаяться? За вторжение в Восточную Европу и насильственное утверждение там марионеточных режимов, просуществовавших до рубежа 80-х — 90-х годов. Збигнев Бжезинский, подводя итог своей критике путинского Кремля, подчёркивает, что «не приносит успокоения соседям России, когда её прави-

тельство увиливает от того, чтобы высказывать своё отношение к прошлому этой страны, которое во всём мире признано криминальным» (10).

По мнению бывшего советника президента Картера, именно в этой нераскаянности и кроются корни сегодняшнего негативного отношения к России со стороны государств Восточной Европы и даже СНГ. «Если бы я был россиянином, — иллюстрирует свою позицию Бжезинский, — я бы спросил себя: “Почему большинство соседей или боятся России, или выражают ей презрение?”» (11). Бжезинский считает, что момент для такого покаяния наступил, и он идеальный на фоне прокатившейся по СНГ волне «бархатных революций». Намёк, безусловно, весьма прозрачный: перспективы отказа от покаяния прочерчены чётко и определённо.

Но тут же, будто опомнившись от случайной проговорки, Бжезинский торопится сгладить остроту своего сорвавшегося с языка заявления. «Было бы гораздо лучше, — пишет он, — если бы само российское правительство предпочло воспользоваться празднованием разгрома гитлеризма для однозначного осуждения сталинизма и своего длившегося 45 лет господства в Центральной Европе. Тогда это событие стало бы моментом примирения, а не только празднования. Центральной и Восточной Европе нужно подобное примирение с Россией, а сама Россия могла бы только выиграть от него столько же, сколько выиграла Германия от франко-немецкого и от более позднего немецко-польского примирения».

Иными словами, своим призывом к примирению Бжезинский ставит РФ на одну доску с проигравшей войну Германией. И выглядит такое уравнивание даже вполне естественным и политкорректным, подкреплённым прогнозом Бжезинского о том, что «более широкие символические и стратегические манифестации вокруг предстоящего в Москве празднования поражения Гитлера могут ускорить окончательные похороны наследия Сталина» (12).

Однако призывами к покаянию перед странами Восточной Европы и СНГ эта новая тема не исчерпывается. Вот уже на протяжении нескольких месяцев на Западе во всю мощь пропагандируется новая книга британского военного историка Макса Гастингса «Армагеддон: Битва за Германию, 1944–1945», посвящённая преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Историк рисует буквально ритуальное возмездие, чинимое Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его «первобытным “изнасилованием” целой нации» (13). Гастингс подробно описывает, как личный состав советских войск готовился к актам отмщения за совершённое немцами на территории СССР: «Сталинским солдатам, — сообщает он в частности, — рекомендо-

ли вести “реестры возмездия”, записывая данные о немецких зверствах и фиксируя личный вклад в “сведение счётов” с врагом. Политруки в тех же целях проводили “митинги возмездия”. Правда, жестокая месть врагу обернулась для Советской Армии значительным увеличением потерь. Обречённые на поражение немцы яростно дрались до последнего, ясно представляя себе, что их ожидает в случае сдачи в плен.

Книга Гастингса основана на колоссальном массиве фактов, которые чрезвычайно важны для восстановления жестоких реалий Второй мировой. Однако совершенно очевидно, что это исследование несёт на себе и чётко обозначенную идеологическую нагрузку. На страницах книги содержится множество недвусмысленных намёков на «немецкий Холокост», учинённый Советской Армией в отношении населения Германии. Особенно часто эта мысль повторяется при описании поведения наших войск в Восточной Пруссии. «Кровавая зима Восточной Пруссии, — пишет Гастингс, — один из самых страшных эпизодов Второй мировой войны. Немцы по сей день испытывают ярость от того, что мир так мало о ней знает. Одна женщина из Восточной Пруссии сказала мне: “Это был наш Холокост, но всем на это наплевать”» (14).

Известно, какое завораживающее и даже буквально гипнотизирующее воздействие оказывает на западного обывателя слово «Холокост». А вкупе с призывами к покаянию перед Восточной Европой обозначение этим словом советской политики в отношении населения Германии может иметь самые непредсказуемые последствия, способные перевернуть интерпретацию событий Второй мировой на прямо противоположную.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В БРИТАНСКИХ СМИ

В ряде британских изданий в последнее время появилась очевидная антиамериканская интонация. Причина её кроется, конечно же, не в расхождении взглядов на роль каждого из союзников Антигитлеровской коалиции. Скорее, эти расхождения — лишь следствие несовпадения взглядов по гораздо более значимым проблемам современности. Однако слово оказалось сказанным именно в связи с юбилеем окончания Второй мировой.

Ещё год назад, во время празднования 60-летия высадки в Нормандии, «Гардиан» поместила статью американского историка Майка

Дэйвиса «Спасти рядового Ивана». И по времени опубликования, и по названию статья сразу же обратила на себя внимание именно как попытка знаковой антитезы культового фильма Стивена Спилберга, действия которого также разворачиваются во время открытия Второго фронта летом 1944-го.

На этом фоне начало статьи Дэйвиса выглядит даже просто вызывающим. «Решающая битва за освобождение Европы, — пишет историк, — началась 60 лет назад в июне месяце, когда советские партизанские формирования вышли из белорусских лесов и болот и нанесли смелый и внезапный удар в тыл могущественному вермахту». Они установили десятки тысяч мин, «практически парализовав жизненно важное для группы армий Центр железнодорожное сообщение с Польшей и Восточной Пруссией». (Вот так — освобождение Европы началось летом 1944-го отнюдь не в Нормандии, а в белорусских лесах!) А через несколько дней после этой партизанской акции началась операция «Багратион».

Дэйвис прямо противопоставляет друг другу обе масштабные военные акции, начатые практически одновременно. «Но что рядовой американец слышал об операции “Багратион”»? — Задаётся вопросом Дэйвис. И сам же отвечает: «Июнь 1944-го означает для него высадку на пляжи Нормандии, а не переправу через реку Двина. Однако наступление советских войск летом 1944-го было в несколько раз значительнее, чем операция “Оверлорд” как по масштабам задействованных сил и средств, так и по урону, нанесённому Германии».

Дэйвис не просто доказывает преобладающую роль именно Советской Армии в разгроме фашистской Германии и говорит о том, что СССР заплатил за Победу самую дорогую из всех союзников цену. («В борьбе с фашизмом на каждого погибшего рядового Райана приходится примерно 40 русских Иванов».) Он подходит к размышлениям о существующих ныне двойных стандартах в оценке вкладов СССР и США в Победу над Германией. «Однако на нынешнем празднике в честь легендарного великого поколения, — отмечает историк, — совершенно незаметен советский солдат — тракторист из Самары, артист из Орла, шахтёр из Донецка или выпускница школы из Ленинграда. Всё выглядит так, как будто завоевания великой Америки могут поблёкнуть, если признать ведущую роль Советского Союза в достижении эпохальной Победы прошлого века над фашизмом. И в самом деле, большинство американцев поразительно плохо информировано о соотношении вкладов в Победу и потерь во Второй мировой войне. Даже те, кто знает что-то об огромных жертвах советских людей, представляют всё в виде сложившегося стереотипа Красной Армии — орды варваров, движимых грубой жадной мести и примитивным

русским национализмом. Только рядовые Джо и Том в их глазах могут воевать за цивилизованные идеи свободы и демократии» (15).

Публикация Дэйвиса не единственная в этом роде. Аналогичные идеи были высказаны и в других британских изданиях. В частности, здесь можно назвать статью Ричарда Дрейтона, в которой доказывается, что Победа во Второй мировой послужила для западных союзников своеобразной «нравственной купелью», омывшей «все грехи многовековой экспансии», проводившейся на протяжении предыдущих столетий, и даже более того — стала специфической «моральной индульгенцией» на использование силы в течение последующих 60 лет (16). А шотландские ветераны в преддверии 60-летия Победы не скрывая солидаризировались с высказанной Филиппом Бобковым критикой в адрес тех, кто сегодня пытается умалить значение Восточного фронта и превознести исключительную роль Западного (17).

Содержание приуроченных к юбилею публикаций в англо-американских изданиях в очередной раз убедительно свидетельствует о том, что и сегодня любая историческая веха нашей истории является для Запада лишь поводом к размышлениям о сугубо конъюнктурных аспектах действующей российской власти и проводимой ею политики. Противодействие усилению каких бы то ни было имперских амбиций РФ ставится во главу угла и оказывается главной информационно-пропагандистской задачей СМИ. При этом собственно научно-исторические наработки могут попросту игнорироваться или же использоваться выборочно и предвзято. В итоге получается, что война продолжает по-прежнему, как и в течение всего 60-летнего периода после её окончания, рассматриваться и оцениваться исключительно через призму послевоенного противостояния Запада и нашей страны. Подобный прагматизм в отношении прошлого вряд ли может являться достойной данью памяти павших за освобождение мира от фашистской угрозы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. The Wall Street Journal. March 29, 2005.
2. Los Angeles Times. May 13, 2005.
3. The Weekly Standard. May 13, 2005.
4. Time. May 16, 2005.
5. The Times. May 9, 2005.
6. Ibidem.
7. Ibid. May 3, 2005.

8. Time. May 3, 2005.
9. The Financial Times. March 29, 2005.
10. The Wall Street Journal. March 29, 2005.
11. Известия. 21 марта 2005.
12. The Wall Street Journal. March 29, 2005.
13. National Public Radio. May 4, 2005.
14. Daily Mail. October 20, 2004.
15. The Guardian. June 11, 2004.
16. Ibid. May 13, 2005.
17. The Scotsman. March 29, 2005.

Наталья ТРУБНИКОВА

КАК ПУБЛИЦИСТЫ ЛАТИНСКОЙ ЕВРОПЫ ОТМЕЧАЛИ ЮБИЛЕЙ

В нашем беспокойном мире, где самые человеческие идеи по-прежнему обладают подчас большей реальностью, чем сами люди, хочется иногда находить точки опоры на островках общественного сознания, которые кажутся незыблемыми. Они, как правило, плохо коррелируют с абстрактными маяками идеологий, осуществляющих планетарную экспансию. Скорее такие магнетизирующие очаги уверенности связаны с «местами памяти», всегда имеющие конкретную историческую прописку и варьирующие свой ранг влияния в разных странах. В их числе существуют даже события и даты, чье значение, превышая всяческие национальные и идеологические лимиты, пополняет фонд общечеловеческой исторической памяти. Например, совсем недавно я бы без малейших колебаний отнесла к числу несомненно позитивных достижений человечества победу союзных войск во Второй мировой войне.

Проведя обзор статей, появившихся во французской, испанской и итальянской прессе по случаю празднования 60-летия окончания Второй мировой войны (1), могу признаться в собственной наивности. Не бывает таких дат. Первое ощущение: пресса больна каким-то эмоциональным дальтонизмом, благодаря которому скоро и начало эры космонавтики будут предварять преамбулой, повествующей с леденящей кровью основательностью о зверствах сталинизма. Увы, и в этом, и во многих других случаях, практика юбилеев вызывает к жизни не только духов величавых предков, которыми хочется гордиться, но также массу злых или просто странных теней, чье присутствие на празднике в честь погибших, по меньшей мере, совершенно не обязательно...

Некоторая часть публикаций просто аполитична и описательна, подобно натюрмортам: это репортажи о подготовке к празднику, иногда содержащие прозрачные намеки на «тоталитарные наклонности» российского президента (2); воспоминания очевидца о кулинарных предпочтениях Гитлера (3), европейского ветерана со стороны русских о самой войне (4), незначительные подробности взаимодействия лидеров стран-союзников в период подготовки судьбоносных соглашений. (5) По тому же профилю могут быть отнесены забавное эстетическое неудовольствие французов по поводу статуи де Голля, установленной в Москве (6), или статья о сложностях возвращения российской стороной предметов искусства, перемещенных в годы Второй мировой (7). Однако «погоды» такие материалы не делают.

Другие статьи, имеющие ярко выраженную политическую окраску, нейтральны по отношению к самому прошлому, которое используется только как информационный повод порассуждать о настоящем. В основном, о сильной Америке и слабой (но с имперскими — тоталитарными замашками) России.

В этом смысле прошлгодняя тема 60-летия нормандской высадки американцев стала предысторией московского юбилея 2005 г. и мостом к пониманию современных будней и внешней политики США: «...Отстаивая единственный позитивный эпизод истории зарубежного военного вмешательства Соединенных Штатов за последние пятьдесят лет, президент хочет продать свой нынешний крестовый поход», написал Рафаэль Пош (8). Ту же фабулу развивает Хавьер Гомес: «Почти невозможно, чтобы президент США не подумал о сходстве между гибелью тех, кто пал в тот день Д 60 лет назад, и тех, кто сегодня продолжает гибнуть в Ираке. Почти невозможно, чтобы он не вспомнил об этих 9000 жизней, отданных за Европу и свободу. Почти невозможно, чтобы он, подобно многим другим американским аналитикам, не упрекнул Францию в том, что она не поддержала вторжение в Ирак с целью свержения тирана». (9) И выводы журналисты извлекают сходные: когда-то Америка действительно спасла Европу, но сейчас: во-первых, это не повод для спасителя манипулировать политической волей спасенного; во-вторых, политические устремления той и другой стороны явно расходятся.

В нынешнем году тема США, как мирового гегемона, обладающего несопоставимым ни с каким другим геополитическим влиянием, звучит в прессе в связи с памятными юбилеями окончания второй мировой войны ещё более часто. В то же самое время Россия выступает как пассивный (или, напротив, недостаточно пассивный) объект влияния. Описывая вояж президента США Джорджа Буша на московские празднования, Филипп Жели не преминул отметить важность его «попутного» визита по дороге «туда и обратно» в страны Балтии

и Грузию: «Посетив монумент Свободы в Риге, президент отдаст дань уважения героям, боровшимся за независимость, вновь обретая которую балтийские страны смогли вступить в НАТО и Европейский Союз», а в Грузии «он будет приветствовать победителей «революции роз» 2003 г., «которые поднялись, чтобы мирными средствами обрести свободу» (10).

Джампаоло Визетти не забывает упомянуть как анекдот о разговоре двух президентов в Каминном зале Кремля: «Путин спрашивает у Буша, «хорошо ли он посчитал, во сколько ему обходятся революции на территории бывшего СССР. Будьте внимательны, они могут стоить столько же, сколько и «холодная война»». Далее автор расшифровывает для тех, кто пока не понял: Путин (как и Шредер с Шираком) опасается, что Вашингтон заменит собой Москву в взбунтовавшихся республиках, и призывает США «не экспортировать демократию незаконным путем». Предлагается вывод: «Кремль раздражает, что Буш начал «турне памяти» в Латвии, чтобы закончить её завтра в Грузии. Тем самым, остановка в Москве выглядит дорожным происшествием. И Путин предупреждает своего гостя: если для тебя важно, чтобы мы вместе работали по Ираку, Ирану, Сирии и Израилю, не возвышай голоса в Тбилиси» (11).

Аналогичный сюжет и в статье Карлоса Надала: стоя плечом к плечу на трибуне Красной площади, президенты остаются верны каждой своей исторической сущности, и «...у Путина есть причины насторожиться...» Вокруг России с севера и юга сжимаются тиски, организованные не без участия США: существует реальная опасность распространения «оранжевых» революций по всему деликатному кавказскому региону (12).

Джульетто Кьеца из итальянского журнала *Il manifesto* относится к способу, с помощью которого «американская демократия шагает по планете» сугубо отрицательно. «Паровой каток империи движется без усталости и на большой скорости». Способ этого движения всегда один: Соединенные Штаты вступают во владение, затем прибивают европейцы в качестве вспомогательных войск. Последовательно «завоевав» Афганистан, Узбекистан, Киргизию, Таджикистан, Грузию, Ирак и Украину, теперь Джордж Буш «подбирается» к Белоруссии и к самому Путину — «Лукашенко в кубе». Вот почему, заключает автор, «Сталин добрался до Красной площади в 2005 г. Потому что Путин прекратил отступать и хочет, чтобы об этом узнали... Куда ещё может отступать Путин, человек, который сделался президентом для того, чтобы представлять великую и вновь уважаемую Россию, которую в мире побаиваются?». С большой нотой драматизма, обозреватель констатирует: «...Владимир Путин и его несчастная Россия сказали Императору, что они не собираются подчиняться его плану. Вопрос в том,

есть ли у них ещё силы, чтобы остановить его, хотя уже ясно, что сопротивляться они будут. Иными словами, начинается новая “холодная война” — более холодная, чем предыдущая» (13). А почему бы не объяснить портреты Сталина на Красной площади желанием воссоздать волнующую атмосферу праздника такой, какой она была, по представлению потомков, в 1945?

Игнасио Рамоне из испанской *Rebellion*, напротив, особой разницы между американским «паровым катком» и «несчастной Россией» Путина не находит. Будируя историческую память европейцев, он рассказывает об апокалиптическом размахе произошедшей войны, и выделяет в качестве основного его итога идею «...возвращения человеческому роду его гуманной сути. Однако, сегодня об этом, похоже, забыли. И подтверждает это тот факт, что в следующее воскресенье президент России — Путин — и Соединенных Штатов — Буш — возглавят церемонию празднования 60-летия Победы. Оба названных президента — один в Чечне, другой в Ираке — продолжают попира́ть права человека, одержавшие победу в тот день 8 мая 1945 года» (14).

Тему неизменности насилия подхватывает и Бальтасар Порсель, предостерегая против легковесных выводов и задаваясь вопросом: кто и что равнозначно Гитлеру и становлению нацизма? Ничего по сути не изменилось: «...Путин продолжает проводить геноцид в Чечне, идущий уже два столетия. Буш, обоснованно, либо нет, нападает на тех, кто в его представлении олицетворяет зло, хотя подобно своим предшественникам он, возможно, защитил бы ЕС от любой угрозы. И, если бен Ладен ужасен, то кто те исламисты, что лишь защищают свою культуру, но культуру, в которой угнетается женщина, культивируется невежество и урезается свобода?» (15).

Таким образом, ориентированные на *Rex Americana* публикации используют традиционную для публицистики схему: юбилейная дата в ней употребляется ради приглашения к критике — при всей разности эмоциональных оттенков, — действий мирового геополитического лидера. Можно, конечно, пожалеть в этой связи о том, что сам юбилей в таком повествовании теряет самостоятельную ценность, становится средством механической манипуляции и почти не затрагивает тонких струн исторического сознания. Но ведь журналист не обязан владеть алхимией профессионального историка?

Всё обстоит гораздо хуже, когда манипуляция юбилеем перестает быть механической, использует историческую память живущих ныне людей, присваивает себе полномочия «объективного» исторического судейства, но на деле руководствуется совсем другой целью. Таковой могут быть расчётливое продвижение определённых политических инициатив, публичности личности автора или вполне искренняя

месть за утраченные идеологические иллюзии. Неожиданно празднование юбилея 60-летия победы (в отличие, скажем, от 50-летия) оказалось окрашено в тона антикоммунизма, переходящего в откровенную русофобию, формируя, по совокупности впечатлений, ясное представление о том, что образы «холодной войны» вновь обретают в некоторых рассуждениях свою первозданную свежесть.

Вполне традиционное — помнить об уроках прошлого ради построения общего гуманного будущего — обращение президента РФ к французам по случаю праздника (16) стало поводом для критики со стороны историка Стефана Куртуа в статье «Уроки истории «профессора» Путина» (17).

Здесь необходимо пояснение: Куртуа — редактор и один из авторов «Чёрной книги коммунизма» (18), на шумевшей в конце 1990-х как летопись чудовищных преступлений тоталитарных режимов. В сухом остатке из данного труда может быть извлечена следующая мораль: коммунизм унёс многие миллионы жертв по всему миру, его правовую и моральную оценку необходимо «уровнять» с оценкой фашизма, заставить Россию покаяться за советские преступления и поставить данную идеологию раз и навсегда вне закона. Увидев итоговую версию работы, часть её создателей поспешила откреститься от интерпретаций Куртуа, пояснив, что они лишь собрали фактологию. Да и в целом, имея определённый резонанс со стороны читающей публики, данный труд получил скорее негативную оценку в сообществе историков Франции (19).

В рассматриваемом ныне случае историк Куртуа направляет острие исторического возмездия против президента Путина и «сталинистских» традиций страны, которую тот представляет. Ироническое именование Путина «профессором» должно было, видимо, подчеркнуть фактологическую и аналитическую неспособность оппонента, и одновременно заявить об апломбе автора как «настоящего» историка.

В пику путинскому заявлению о том, что войну развязали фашисты, Куртуа сразу же вменяет в вину нынешнему президенту РФ и советскому народу тактический альянс немецкой компартии и нацистской партии против Веймарской демократической республики, а также совместное испытание танков и самолётов фашистами на советских полигонах в 1930-е годы. Автор категорически не советует сравнивать «моральный статус» Мюнхенского соглашения и советско-германского пакта 1939 г.: оказывается, первое из них было подписано исключительно ради заботы о священном праве судетских немцев воссоединиться со своими фашиствующими братьями! И лишь «вероломная и неожиданная» оккупация Чехословакии заставила Англию и Францию «резко изменить свои взгляды». Как будто после событий 1933 г. идеология и агрессивные устремления фашизма были для их соседей

большой тайной. Именно срыв Мюнхенского соглашения, в трактовке автора, повлек за собой вступление союзников в войну 1 сентября 1939 г. И в этом тоже виноват СССР: если бы не уверенность Гитлера в лояльности Востока, ничего подобного бы не случилось. Куртуа возмущен тем фактом, что Путин не желает изменить официальную оценку «секретных положений» пакта Молотова–Риббентропа о разделе Восточной Европы, прозвучавшую из уст агонизирующего тоталитарного режима в 1989-м: если изменилась страна, почему не поменялась её историческая версия??? К тому же Путин совсем не обмолвился о втором секретном пакте «о дружбе и границе» между Гестапо и НКВД(?), которые бросили после того свои основные чёрные дела и стали дружно осуществлять поставки горючего в Германию для атак против Запада.

Далее — сага о трагической судьбе прибалтов. Пусть они третируют сейчас у себя русских — это абсолютно оправданно их горькими воспоминаниями об утрате национального суверенитета и сталинских репрессиях в странах советского лагеря. Не буду приводить почерпнутую у автора статистику — с цифрами Куртуа обращается крайне неаккуратно, подобно средневековому китайскому хронисту, приписывающему к ним лишние нули для большего эпического размаха. Как будто смерть от репрессий десятков тысяч человек выглядит менее трагично, чем смерть сотен или миллионов тысяч. Куртуа, как отчаянному русофобу, не приходит в голову задаться следующим вопросом: а у кого должны требовать прощения народы современной России, включая русских, также прошедшие через потерю национального суверенитета, государственности (СССР был интернациональным образованием, где и от русской культуры, за исключением языка, осталось не так много), и гораздо большее физическое истребление? Может быть, у Польши, породившей создателя ВЧК Феликса Дзержинского, или у Грузии — родины тирана Иосифа Сталина?

Автора волнуют отнюдь не тонкости межнациональных взаимоотношений. Он предпочел бы сделать 9 мая не днем ликования, а днем траура: ведь после этой даты тоталитарный режим продолжил вырывать восточноевропейские земли из благополучного лоно западной цивилизации. Очевидный факт того, что новый передел Европы происходил при активном, долгом и кропотливом участии демократических режимов Запада, игнорируется вовсе. Оказывается, ответственность здесь никак нельзя поделить на всех.

В перечислении памятных мест Второй мировой в своём обращении Владимир Путин помянул заживо сожженную, как и сотни других, белорусскую деревню Хатынь, которая стала для миллионов советских людей символом фашистского геноцида против славян. По этому поводу автор придумывает свою, детективную до дикости

версию: оказывается, Хатынь была упомянута в скорбном списке в силу своего рифмического созвучия с не менее многострадальной Катынью, где были расстреляны советской армией, по разным данным, от 4 тысяч до 25700 тысяч поляков (самая большая цифра, легко догадаться, указывается Куртуа). Таким лукавым способом, полагает автор, Путин стыдливо замалчивает нерешенный вопрос о передаче архивов по Катыни в Польшу и обманывает европейскую общественность.

Куртуа очень раздражается оттого, что Путин осмелился вспомнить и о вкладе французских воинов, в том числе о знаменитой и почитаемой в России воздушной эскадрильи «Нормандия-Неман» в дело победы, указав, что на самом-то деле Сталин презирал потерпевшую в 1940 г. Францию и генерала де Голля. Но какое нам дело до личных эмоций Сталина? Почему автор, будучи историком, так и не научился отделять личности вождей от коллективных и персональных идентичностей народов, которыми эти вожди управляют?

Под занавес автор заявляет что подобный (путинский) «исторический нигилизм» есть нормальный стандарт брежневского гэбистского воспитания. Его цель — завлечь доверчивых европейцев сладкой иллюзией «общего дома» с Россией, рассорить Евросоюз с США, вытянуть новые кредиты (Куртуа, видимо, страшно далёк в своей неприязни от реальных экономических будней России) и технологии, «в которых нуждается для своего выживания московская некоммунистическая власть. Неужели европейцев снова поддадутся такому же соблазну, как когда-то в Мюнхене?». В этом месте, читая статью, можно окончательно потеряться от такого жонглирования памятными местами. Вроде бы, как было понятно ранее, «Мюнхен» всё же стал для наивных европейцев актом умиротворения фашизма...

Тема антикоммунизма и претензий со стороны республик бывшего социалистического лагеря к России триумфально лидирует в массиве публикаций, посвящённых юбилею окончания европейской кампании второй мировой войны, отражая беспредельную зависимость большинства западных публицистов от политической конъюнктуры сегодняшнего дня. Практически забыт даже набивший оскомину в 1990-х Холокост. Да здравствует идеосинкрязия бывших «буферных» государств, дорвавшихся, за надёжной спиной Евросоюза, до вымещения старых обид!

Ещё в феврале 2005 г. Массимо Нава беседует с французским философом Андре Глюксманном на тему того, стоит ли объявить коммунистическую символику вне закона, так, это было сделано с отличительными знаками фашизма (20). С точки зрения интервьюируемого, такой законопроект, внесённый депутатами Литвы и Венгрии, совершенно оправдан тем, что «...в этих странах ощущается

откат к авторитаризму России Путина и стратегическая попытка забыть сталинизм как метод и, в любом случае, оправдать поведение Красной армии во имя борьбы с нацизмом».

3 марта 2005 г. во французской *Liberation* Вероника Суль, соблюдая политически нейтральную стилистику репортажа, написала о том, что планируемые торжества в Москве омрачают взаимоотношения соседних государств: «Для России это победа над фашистами. Для прибалтов это начало нового угнетения, на сей раз Советским Союзом, а для поляков — растворение в советском блоке» (21). Прибалтийские страны хотели бы получить от России признания аннексии 1940 г. и массовых депортаций в 1945–1991, в то время как Путин предпочитает говорить о героизме советских людей и о многомиллионной жертве, принесённой, чтобы остановить гитлеровское нашествие. Исходя из этой двусмысленности оценок, в прессе начинается долгое смакование присутствия (неприсутствия) лидеров Латвии, Литвы и Эстонии на торжествах в честь 9 мая.

В развитие темы, 11 марта 2005 г. французский *le Monde* берёт интервью у премьер-министра Латвии Вайры Вике-Фрейберги, которая собирается, как и большинство европейских лидеров, участвовать в торжествах, но при этом желала бы утверждения новой интерпретации опыта Второй мировой войны, где Красная Армия выглядела бы не как армия освободителей, а как армия новых оккупантов. «...советская победа над Гитлером, на стороне союзников, не обеляет сталинского режима, не смыкает с него ужасных преступлений против человечества, напротив. Это была военная победа, а не победа демократии. Один тиран выиграл войну у другого. Для наших народов, это очень важный нюанс. Нужно, чтобы Россия когда-нибудь поняла эту позицию» (22).

Шансов на понимание — конечно, мало. Определённо, выросло поколение европейских политиков, живущих в мире, окончательно оторвавшееся от исторической реальности. Произошла подмена важнейших понятий идеологическими фантомами. Для этой американской латышки гигантская битва народов является «всего лишь битвой тиранов», на фоне подлинной трагедии — вхождения Прибалтики в советский блок. Благодарной памяти потомков достойны только «победы демократии», а не военные победы, стоившие многих миллионов жизней. Мы обитаем в странном иллюзорном месте, где живут с той целью, чтобы построить демократию, вместо того, чтобы строить демократию, чтобы лучше жить. Как и в эпоху Железного Занавеса, цель и средство снова поменялись местами.

Собеседник Вайры Вике-Фрейберги Антуан Жакоб, описывая сложившуюся коллизию во взаимоотношениях России и Прибалтики, все же в качестве резюме приводит мнение эксперта Марии Голубе-

вой: «Вряд ли требование осудить советское прошлое — лучшее средство для демократизации России, господин Путин сможет воспользоваться этими требованиями, чтобы очернить страны Балтии» (23).

9 марта 2005 г. министр иностранных дел Литвы Антанас Валионис в своём интервью французскому *Le Figaro*, объяснил мотивации отказа своей страны участвовать в торжествах 9 мая в Москве из-за несогласия России признать репрессии сталинского режима в Прибалтике. «...Россия — страна, заплатившая самую большую дань жестокости этого режима. Однако, как это ни странно, когда мы заговариваем о ценностях, о памяти и демократии, Москва в ответ начинает говорить о законности своих интересов в этом регионе мира» (24). Так становится ясно, что жёсткие геополитические заявления о национальных интересах, может делать (и делает) любая страна в мире, но не Россия. Она должна подавлять в себе «имперские» амбиции...

Его соратник, президент Литвы Валдис Адамкус объясняет тому же *Le Figaro* те же самые причины (25). Он недоумевает, почему Россия отказывается признать режим оккупации прибалтийских земель в послевоенный период, и смело предполагает, что ею в этом случае движет боязнь «разрушить образ России в глазах западного мира». Ради того, чтобы сделать Россию управляемой, он даже готов поманить её долгосрочной перспективой вступления в ЕС.

L'Express публикует беседу с эстонским писателем Яном Кроссом под характерным названием «Вот как я пережил ваше освобождение» (26), который делится тяжёлыми воспоминаниями о своём диссидентском прошлом под пятой советского режима. Он признаёт момент предательства Эстонии со стороны западных демократий в годы Второй мировой войны и полагает, что Россия покается за преступления тоталитаризма через одно-два поколения. В этом интервью чудовищная подмена понятий проявляется наиболее ярко: в настоящий момент современная демократическая по форме правления и неагрессивная в отношении соседей Россия почему-то должна каяться в преступлениях, которых она не совершала — в преступлениях Советского Союза.

С явно недружественной по отношению к России интонацией Сильвен Паскье повествует о своей встрече с одним эстонским священником, который требует пересмотра советской истории, и исчисляет урон, нанесённый Эстонии оккупационными режимами в 1941–1991 гг., в 4 млрд. долларов. «Мы не собираемся требовать компенсации, наша цель — установить истину», — подчёркивает священник. Однако «...в ходе интервью он пошутил, что если у России нет средств, чтобы заплатить, она всегда может передать Эстонии права

на эксплуатацию новосибирских лесов». В свою очередь, коварная и жадная Москва почему-то не только не желает отдавать эстонцам свои леса, но и стремиться переключить внимание европейской общественности на бедственное положение в балтийских республиках русскоязычного населения. Автор, вслед за советником председателя латышского сейма Андрейсом Пантелеевсом приходит к выводу, что «...победа 1945 г. — это единственное достижение, которым русские могут гордиться, в большей или меньшей мере», и потому они так отчаянно не желают за неё каяться. И цитирует фрагмент доклада Стефана Куртуа в Европарламенте: «Западная Европа должна осознать, что в течение 50 лет она жила в мире и процветании благодаря тому, что пожертвовала Сталину в 1945 г. всю Восточную Европу» (27). Но ни тот, ни другой при этом не считают, что Западная Европа должна просить прощения у Восточной за совершенное предательство.

Пьер Руслен, написав по горячим следам, — 10 мая — о торжествах в Москве, и о присутствии на них всех сильных мира сего, также сетует на то, что в праздничной речи Путина не было и намёка на покаяние «...в связи с тем, что Советский Союз оккупировал половину Европы на пятьдесят лет, навязав ей свою коммунистическую диктатуру. Опасаясь, что Кремль вознамерился возродить в России сталинские традиции, автор цитирует речь Джорджа Буша в Риге, осудившего советскую тиранию и отметившего, что Россия сама должна быть заинтересована в том, чтобы «на её границах находились демократические страны, которые были бы ей друзьями и союзниками».

«Это суровый наказ для Кремля, — восторженно пишет автор. — Это требование вписывается в рамки демократического крестового похода, предпринимаемого американским президентом во всём мире, на Ближнем Востоке, но также и в Грузии, на Украине и в Центральной Азии, где режимы, которые поддерживала Москва, рухнули под давлением народных масс». В то же самое время, журналист советует избегать того, «чтобы Россия оказалась в западне». «Не попустительствуя при посягательствах на демократию в России, наши руководители должны дать понять хозяину Кремля, что в его собственных интересах и в интересах России, сделать ставку на демократию как внутри страны, так и за её пределами. Именно так Россия вновь обретёт былое величие» (28). А что же тогда такое пресловутая «западня»?

Современная Россия однозначно виновна в преступлениях Советского Союза, — уверяет Луис Фоикс, полностью уничтожая историческую дистанцию в 60 лет. «Президент Путин “повесил себе на грудь медаль” за победу над нацизмом на западном фронте и завоевание Берлина сразу после самоубийства Гитлера. Но он должен

признать и извиниться за то, что у некоторых освобожденных европейских стран свобода затем была отнята, а миллионы советских людей отправлялись на гибель в ГУЛАГ, трудовые лагеря и становились жертвами безжалостных зачисток». В качестве финального аккорда журналист почему-то решил привести то обстоятельство, что «...когда исход войны был уже решён, союзники разбомбили такие города как Дрезден, а Советская Армия убила десятки тысяч немцев на своём марш-броске к Берлину». Он явно не понимает ту банальную истину, что война заканчивается только в момент капитуляции врага, не стесняясь закончить свою статью выпендренной и удивительно бессмысленной фразой: «Всё это произошло, и с высоты нашего времени необходимо это признать, потому что История восстановит те события» (29).

Всецело отождествляет себя с карающим перстом истории журналист испанской газеты *La Vanguardia* Хуан Боррас Агилар (30). Помпезное празднование в Москве его раздражает по трём причинам: «Первая: победа союзников во второй мировой войне не стала результатом помощи с востока, со стороны России, а была основана на пришедшей со стороны запада, из Соединенных Штатов, поддержке (!). Вторая: война вовсе не закончилась 9 мая. В Японии военные действия ещё продолжались больше 3 месяцев. Третья и самая главная: с самого начала план России заключался не в освобождении Европы от нацистов, а в её захвате, что не сильно отличалось от исходных намерений Гитлера». Далее, упомянув о роковом для Прибалтики пакте Молотова–Риббентропа, автор рассказывает о героической борьбе эстонского народа против коммунистической оккупации, и признает совершенно закономерным сотрудничество эстонцев с фашистами. «План эстонцев заключался в контроле советских сил до момента отступления нацистов с эстонской территории и в последующей просьбе союзников о помощи. ... В 1944 г., когда Германия уходит из Прибалтики, Эстония заявляет о своём нейтралитете в идущем конфликте. К сожалению, в начале 1945 г. западные союзники продали Сталину прибалтийский регион на Ялтинской конференции. Советские войска не освободили Эстонию от нацистов, а оккупировали нейтральную страну». В этой версии произошедшее выглядит так, будто фашисты ушли из страны сами по себе, сделав Эстонию «нейтральной», а не под давлением военных действий Красной Армии. Ещё один случай сюрреализма: видимо, советские дивизии, несущие огромные потери в войне, «выдавив» фашистов из Эстонии, которая перед тем оказывала врагу достаточно тёплый приём, должны были нерешительно потоптаться на пороге сразу же ставшей «нейтральной» страны и тихонько уйти, а не устанавливать режим оккупации.

Отдельный сюжет — исторические обиды Польши. Французское *Radio France Internationale* интересуется мнением в стране относительно московских празднований 9 мая и выясняет, что «...поляков шокировало выступление Президента Путина, даже не упомянувшего о германо-советском сговоре и участии Польши в деле борьбы с нацизмом. Оскорбило же их и намеренное нежелание Путина признать роль СССР в развязывании войны, а также красные флаги с серпом и молотом на Красной Площади и даже портрет Сталина на локомотиве, прибывшем, как и 60 лет назад в ознаменование окончания войны, на московский вокзал» (31).

Э. Сербето, комментируя празднества, сокрушается по поводу всё возрастающей напряженности в отношениях ряда новых членов ЕС и России (32). Однако совсем не для того, чтобы одёрнуть зарвавшихся неофитов, решивших, что вступления в ЕС достаточно для безнаказанного сведения старых счётов. Он прослеживает маршруты возложения памятных венков, одобряя выбор президента Польши Квасневского: вместо привычной дани памяти Могиле Неизвестного Солдата, тот делает выбор в пользу Памятника жертв сталинских репрессий. В мире большой политики всё символично, и потому страшно важным автору кажется то обстоятельство, что одиозный лидер Белоруссии Лукашенко несёт свой подарок к мемориалу Сталинградской битвы — дело ведь явно не в битве, а в городе имени Тирана. А ведь Польшу от Белоруссии отделяет всего одна граница...

«Поляки никогда не простят России Катынь», — с чувством пишет *Radio France International* (33). Растрелянных польских офицеров жаль, конечно, и существующую проблему с архивами необходимо урегулировать. Но «никогда» — не слишком ли сильно для масштабов вечности? Или даже кровавой мясорубки Второй мировой войны? Тогда весомым аргументом в дискуссии — кто кого и за что не простит никогда — должны стать ещё вековые трения России с Речью Посполитой и польская интервенция Смутного времени. И вообще, раз всё равно не простят — то какой смысл перед ними извиняться??!

Жак Амальрик начинает свою статью «Опасная историческая амнезия» с общих рассуждений о том, как опасно и трудно манипулировать историей в политических целях, приводя в пример японско-китайские противоречия в трактовках общего военного прошлого, а затем сам погружается... в омут исторических манипуляций, обвиняя Путина за отсутствие покаянных нот по отношению к «оккупированным» восточноевропейским странам в праздничной речи по случаю 9 мая. «Похоже, — сетует автор, — что в погоне за потерянным величием, он готов, не разбираясь, оправдать всё наследие Сталина» (34).

Ещё решительнее выступает против «неправильной» церемонии чувствительный Рамон Перес Маура, заявляя: «Тот факт, что осво-

бождение Европы отмечалось в столице государства, стоявшего во главе тирании угнетателей, сохранявшейся много дольше нацизма — а потому и более смертоносной — тошнотворная ирония судьбы». Публициста возмущает, что русские привыкли у себя именовать эту войну «Великой Отечественной», и отмечают её даты, начиная с 22 июня 1941 года, потому что раньше — в период оккупации половины Польши, Прибалтики и части Финляндии, «у Москвы всё было в порядке». Далее следует уже неоднократно расписанный выше пассаж о благотворной остановке Буша в Риге и об отсутствии должных проклятий в адрес сталинского прошлого в речи Путина. Примечателен последний абзац, где звучит откровенное до неприличия злорадство, которое сразу же верно расставляет акценты в страстной речи автора. «...ни Европа, ни мир уже не те, что пали ниц перед властью Москвы. Можно больше не замалчивать преступления советских времен и допускаемые сегодня в стране нарушения прав человека. ...если полстолетия назад приходилось бояться советских дивизий, то сегодня гораздо сильнее стали те, над которыми насмеялся диктатор, задав вопрос: “А сколько дивизий у Папы Римского?”» (35). Таким образом, можно сделать вывод: с нарушениями прав человека в определённой стране можно мириться, если эта страна обладает сильной армией, но государство, потерявшее былую мощь, не станет распинать по этому поводу только ленивый.

Серхи Дориа из *ABC*, вспоминая о вкладе Советской армии в победу, добавляет чёрных красок, явно в расчёте на удар по эмоциям мягкосердных европейских обывателей: «В одном из документальных фильмов бывшая узница концлагеря в Равенсбрюке рассказывала: первое, что сделали русские солдаты, когда пришли в концлагерь, это изнасиловали её. Здоровые выпившие солдаты, насилующие скорее похожую на скелет женщину... Советы пришли в Берлин, чтобы остаться там перед лицом тщетных дипломатических усилий уже умирившего Рузвельта и Черчилля, смирившегося с созданием Железного Занавеса» (36). Так, двумя легкими мазками кисти мастера бульварного письма, любой советский солдат выглядит пьяным насильником, Рузвельт и Черчилль — двумя старыми маразматиками. Действительно, что тут можно праздновать?

Профессор Высшей школы экономических наук и коммерции Парижа Флорен Афтальон, рассуждая о «долге памяти», тоже полагает, что «...было бы неплохо, если бы наследники СССР признали его ошибки.Не имея возможности вернуть назад территории, которые СССР аннексировал в 1939–1940 гг., страны Балтии, Польша, а вскоре, наверно, к ним присоединится и Румыния, хотя, чтобы наследники СССР признали его вину. Это стало бы залогом их безопасности» (37). Далее он приводит убедительные свидетельства бесчело-

вечности и беспринципности сталинских методов. «Победоносной Красной Армии, российским руководителям и коммунистам, в частности, французским, есть за что попросить прощения. И напрочь свою память. Вся Европа должна бы в один голос потребовать этого». Не даёт покоя только один вопрос: а что именно даёт профессору и нынешней Европе в целом чувство собственной непогрешимости и моральное право требовать этого прощения?

Даниэля Верне также удручает тот факт, что Владимир Путин назвал развал СССР крупнейшей геополитической катастрофой XX столетия, и что тот препятствует стремлению «преодолеть тоталитарное прошлое» и создать новый концептуальный взгляд на Октябрьскую революцию подобно тому, как «новая историческая школа во Франции переосмыслила Великую Французскую революцию». В условиях нагнетания авторитарной тенденции, «...ввиду отсутствия возможности создать современное демократическое самосознание на развалинах советизма, у России на данный момент нет иного выбора, кроме возвращения к самым зловещим мифам», — утверждает автор (38).

Однако часть публикаций, появившихся в СМИ по случаю юбилея капитуляции фашистской Германии вполне комплиментарны сознанию россиян, и образуют самостоятельные полемические связки с «негативными» по отношению к нашему прошлому интерпретациями, хотя и находясь в очевидном меньшинстве.

«...Мы в огромном долгу перед русскими...», — пишет главный редактор французской газеты *Le Nouvel Observateur* Лоран Жофрен (39). Он внушает читателям, что именно Советский Союз принял на себя основной удар в войне, победив фашизм «физически». Ему вторит Альфредо Абиан, автор статьи «От Кремля к Рейхстагу» испанского журнала *La Vanguardia*, отмечая, что празднования 60-летия победы в Москве способны избавить Западную Европу от исторической амнезии, напомнив, что именно на восточном фронте была выиграна Вторая мировая война, а «второй фронт» стал возможен вследствие не слишком честного расчёта и лишь тогда, когда падение фашизма было предрешиено. «Вполне возможно, — делает вывод автор, — не один стратег союзников предпочел бы увидеть флаг со свастикой над Кремлем, а не флаг с серпом и молотом над Рейхстагом» (40). Журналистом движет пафос исторической справедливости: «...Когда год назад со всей пышностью, на которую только был способен Жак Ширак, отмечалось 60-летие высадки союзников в Нормандии, любой молодой европеец мог прийти к ошибочному заключению, что нацисты и по сей день правили бы на континенте, не будь тех десяти тысяч американских, британских и канадских солдат, что сложили головы на французских пляжах».

Годом раньше и в той же газете, Рафаэль Пош напоминает, что «...ни исход войны, ни победа над фашизмом не были решены там. Главными героями той войны были отнюдь не Джон Уэйн и не солдат Райан, а люди, носившие славянские фамилии и погибшие за страну, которая сегодня уже не существует. И истинно переломными моментами той войны стали битвы за Москву, Ленинград (Петербург), Сталинград (Волгоград) и Курск» (41). Скупулезно перечисляя трагические факты Второй мировой войны, он констатирует, что американские масс-медиа с помощью «волшебного зеркала» Голливуда создают свою версию произошедших событий, используя прошлое как средство идеологической и информационной борьбы. Не сравнимы размеры ни военных потерь, ни страданий, перенесённых советскими и американскими союзниками. Против русских велась борьба на истребление, соответственно, и характер битв на восточном фронте был совершенно другим.

Автор вообще сомневается, что второй фронт был бы открыт, если бы у Гитлера «хорошо пошли дела на востоке». Архивные материалы свидетельствуют, что западные союзники совсем не спешили торопиться. «Почему бы двум зверюгам не дать загрызть друг друга?». К моменту открытия второго фронта Красная Армия уже добралась до довоенной границы Польши. «Демократиям следовало поторопиться, если они хотели занять какую-нибудь позицию в Европе и не допустить, чтобы “русские” опять дошли до Парижа, как это случалось в прошлом». Рассуждая о неблагоприятности пакта Молотова–Риббентропа, европейские публицисты предпочитают молчать о неприятном для себя: «...о позоре демократии, о позиции этих стран в отношении фашизма в преддверии войны и об имперской близости с Гитлером и Муссолини практически не говорится. Возможно, по причине очевидной актуальности». Пош припоминает, что сдачу Чехословакии Рейху на конференции в Мюнхене главы Британии и Франции «назвали достойным миром», а министр иностранных дел Польши Юзеф Бек обещал Германии «поддержать её притязания на Австрию», а, кроме того, учитывать интересы Рейха во время «возможного нападения (Польши) на Литву».

Демократические режимы Европы, требующие от России покаяния за тоталитарное прошлое, не стремятся извиняться за собственные преступления: «...На тот момент история этой войны насчитывала уже восемь лет столкновений по всему миру. Жизнь в имперских владениях в Азии и Африке, с их войнами, произволом, захватом территорий, расизмом не имели никакого значения до тех пор, пока не начинали затрагивать собственных интересов государств Европы». На практике, полагает Рафаэль Пош, за некоторыми из тех демократий стояли империи, в которых не было никакой демократии, где

правил тот же тип (расистского) авторитаризма, что ассоциируется с фашизмом. «И потому вполне естественно, что те западные демократии чувствовали своего рода идеологическое единство с фашизмом, насколько бы им при этом не нравились некоторые из его наиболее вульгарных и грубых выступлений». В этих условиях Запад стал бы только приветствовать Гитлера, если бы он напал не на Польшу, а на Советский Союз, и этой фатальной ошибке диктатор сам отдавал отчет за несколько месяцев до капитуляции.

Анни Лакруа-Риц в журнале *Le Monde diplomatique* продолжает анализ потерь и приобретений Советского Союза во время и после второй мировой войны (42). 60 лет назад 57% французов считали СССР главным победителем в войне, а в 2004 г. таких было лишь 20%. Автор полагает, что такое постепенное забвение роли Москвы вызвано полемикой историков по поводу политики Сталина, усиленной СМИ. Тем не менее, факт остается фактом: русские несли на себе основное бремя сопротивления ценой 20 миллионов погибших. В настоящее время французская историография, завершив свою проамериканскую мутацию, «клеимит позором Советский Союз как за период советско-германского пакта, так и за период его «великой отечественной войны»... «Наши учебники, смешивающие нацизм и коммунизм, набивают цену историкам Восточной Европы». Однако новые работы историков показывают, что Советский Союз подтолкнула к пакту с Германией, атмосфера изоляции, которую создали страны Запада.

Автор упоминает о странах, предъявляющих сейчас России больше всех исторических претензий: «Польша с французской военной помощью оторвала у Советов в 1920–1921 гг. восточную Галицию. Оставаясь слепой с 1934 г. к германским аппетитам, она боялась, что Красная армия легко захватит эти территории. Румыния же страшилась потерять Бессарабию, захваченную у русских в 1918 г., и сохранявшуюся за ней благодаря Франции. СССР не получил также и гарантии от балтийских стран, чья независимость 1919–1920 гг. и сохранение германского влияния объяснялись «санитарным кордоном». 17 сентября 1939 г. СССР, обеспокоенный продвижением немецкой армии в Польшу, объявил о своём нейтралитете в конфликте, но оккупировал восточную Галицию. СССР потребовал в «сентябре-октябре от балтийских стран “гарантий” — “скрытая” оккупация, встреченная с безропотностью Лондоном...» После советско-финской войны и нового продвижения Красной Армии в Прибалтику и Бессарабию в июне 1940 г., Лондон «теперь предпочитал немецкому продвижению в Балтии советское»...

Отзываясь на полемику о расстреле 5000 польских офицеров (вспомним цифру 25700 человек по данным Куртуа), Лакруа-Риц

отмечает: «Беспощадные с поляками, Советы спасли более одного миллиона евреев из реаннексированных зон, и организовали их приоритетную эвакуацию в июне 1941 года». Относительно поставок советского сырья в Германию, автор отмечает, что современной наукой эти цифры оцениваются как много меньшие или оспариваются вовсе. «Отметим, что Соединенные Штаты — даже после их вступления в войну против Гитлера в декабре 1941 г., — и Франция, официально воюющая с 3 сентября 1939 г., обеспечивали Рейху обильные промышленные поставки».

Автор пишет о неизвестных Западу особенностях войны на восточном фронте: «Третий Рейх добился в России определённого стратегического успеха, но все же дела приняли такой оборот, какого его руководители не ожидали. Они не предвидели такого ожесточённого сопротивления русского солдата, такого страстного фанатизма населения, такой изматывающей партизанской войны в тылу, таких серьёзных потерь, такой полной пустоты перед завоевателем, таких значительных трудностей с провизией и коммуникациями... Не заботясь о своём питании завтра, русский поджигает огнёмётами свой урожай, взрывает свои деревни, разрушает свой подвижной состав, саботирует свои предприятия». Именно эта специфика войны против Советов предопределяет перелом в войне задолго до битвы за Москву и даёт Сталину законное равное (или даже преимущественное) право обсуждать послевоенное мировое устройство, — беспокоились разведчики Ватикана. Величайшая битва всех времён и народов под Сталинградом решительно поставила вопрос о будущем устройстве мира. «Ялтинская конференция в феврале 1945 г., вершина достижений СССР — решающей из воюющих сторон, — не явилась следствием хитрости Сталина, чтобы ограбить Польшу-мученицу при участии беспомощного Черчиля и умирающего Рузвельта, а следствием соотношения военных сил».

В конце войны, полагает автор, «обескровленный СССР уже потерял выгоды от “Великого Союза”, навязанного англо-американцами посредством огромных жертв советского народа, с оружием или без, ради их победы». По сути, политика сдерживания в «холодной войне», проводимой Вашингтоном, воспроизвела политику «санитарного кордона» в предвоенный период, разменной монетой в которой по-прежнему оставались государства Восточной Европы.

Закрывая тему дискуссии, необходимо отметить ещё две статьи, совершенно по-особенному откликающиеся на тему исторического юбилея 9 мая в связи с внутренними проблемами самой Европы.

Нобелевский лауреат, писатель Гюнтер Грасс вспоминает о собственном переживании поражения 8 мая 1945 г., после которого восточные немцы, в отличие от западных, не получили «подаренной»

свободы. Однако после увеличения ФРГ за счёт ГДР, «достаточно ли сделали граждане западной Германии для того, чтобы компенсировать потери восточных немцев, на плечи которых лёг основной груз этой войны, ведь её начали и проиграли все немцы?». Писателя тревожат упущенные возможности объединения, запустение восточных земель, фактическое перерождение демократии в которую больше не верят граждане.

«И снова встаёт вопрос — а что же стало с подаренной 60 лет назад свободой? Её теперь оплачивают из биржевых прибылей? Наше конституционное наследие самого высокого уровня более не ставит гражданские права превыше всего, его растратили попусту, смешали с неолиберальными идеями нашей эпохи. Теперь оно служит так называемой “свободной” рыночной экономике». После объединения, полагает Грасс, страна перестала развиваться. Настоящей угрозой для Германии сейчас являются не правые экстремисты, а скорее политическое бессилие, из-за которого граждане оказались во власти диктатуры экономики. «Как сознательные демократы, мы должны сопротивляться власти капитала, для которого человек — лишь машина, которая производит и потребляет. Если мы меняем подаренную свободу на биржевые прибыли, значит, 8 мая нас ничему не научило».

Стефан Дени рассуждает о специфике современного исторического сознания в Европе: ради воспитания подрастающих в «общем доме» европейцев полагается насущным создание истории, мало сказать, общей: «мы движемся не только к обобщению неинформативной, лишённой ярких образов и несущей в себе прежде всего моральный урок истории, которую сейчас преподают в французских школах, но и к созданию оптимистической, позитивной и универсальной её версии» (43).

Автор полагает, что Франция не поддержит протесты государств, отказывающихся видеть в советских людях освободителей не потому, что придерживаются другой версии или поддерживают политику Путина, «...не из цинизма или своих корыстных интересов, но потому, что наше историческое сознание совершенно равнодушно к такого рода соображениям. Потому что нашего исторического сознания больше нет, его место заняли празднества, повседневные лозунги, о которых говорилось выше, и уже с трудом сдерживаемое стремление к глобализации истории».

Начало упадка исторического сознания было положено «долгом памяти» — обращением к прошлому только с целью извлечения из него полезных с точки зрения современных предрассудков примеров. «Когда процесс пошел, долг памяти подразумевает покаяние и осуществляется посредством искупления грехов, формы которого

могут быть различными — уголовными, административными или календарными (в уже распухший ежедневник добавляют ещё одну священную дату). На международном пике долга памяти мы приходим к выводу (после череды нескончаемых международных встреч), что и он становится глобальным». Так и праздничные события в честь окончания войны связаны для европейцев, по мнению автора, не с живым чувством истории, а с формальным долгом памяти, как с основой «цивилизованного отношения друг к другу». Вот почему президент Польши Квасневский едет в Москву против воли большинства поляков. Дени полагает, что разрыв между реальным историческим сознанием и глобализацией истории урегулировать не просто. «Не уверен, что государства согласятся избавиться от своей истории, как в последние 20 лет это делает Франция, во имя активного участия в общепланетном историческом суррогате». Указанная Стефаном Дени особенность — упадок исторического сознания во Франции и в Европе — много муссировалась французскими историками, включая, например, Пьера Нора и Марселя Гоше (44). Современных историков беспокоит стихийное использование памяти в целях эгоистических интересов отдельных групп, которые представляют себя жертвами «исторической несправедливости» и требуют моральной и материальной сатисфакции. В настоящую эпоху недавнее прошлое, затрагивающее память живых, увы, все чаще становится в Европе (но не в России), предметом судебного иска, а не профессионального исторического анализа. В этой разнице обстоятельств и надо искать ответ на недоумение европейских журналистов о том, почему все русские — независимо от политических ориентаций — с благодарной гордостью отмечают юбилеи Великой Отечественной, и считают кощунственным превращение дня Победы в день печали по поводу оккупации Восточной Европы. Для русских — это память о предках, при всех политических и идеологических модусах эпохи второй мировой, отчаянно сражавшихся за право жить для себя и своих потомков. Все остальные расчёты — вторичны.

Само намерение «судить» за совершенные преступления не конкретных людей, а страны, идеи или символы — абсурдно и аморально, поскольку лишает людей индивидуальности, смешивая в единое стадо палачей и их жертв, тиранов и их народы, являя миру антиисторический театр теней. Стоит ли удивляться, что в юбилейной публицистической толкотне не нашлось ни одного желающего взять интервью у кого-то из российских ветеранов?

Столь же недопустимо мешать в одну кучу нормы христианской морали и требования судебной тяжбы, от чего получают такие странные вердикты: Россия должна «каяться» за преступления коммунизма и её одновременно надо судить на процессе, аналогич-

ном Нюрнбергскому. Чего же каяться, если все равно будут судить?! Кроме того, в логике христианства покаяние России никак не может быть принудительным, и навязывание самой этой риторики стране — лучшее доказательство лицемерия её соседей, рвущихся «бить лежачего», унижить, получить реванш за многие годы (века) своей политической несамостоятельности. Очень сомнительно, что новые страны Евросоюза всерьез опасаются эксцессов коммунистической агрессии со стороны России, и одновременно верят, что принуждение нашей страны к покаянию уберезет их от чужой территориальной экспансии.

В предложении Даниэля Верне переписать историю советского режима также, как его соотечественники переосмыслили Великую Французскую революцию, есть здоровое зерно, поскольку, вне всякого сомнения, именно так и случится. Но отнюдь не скоро: не надо забывать, что и у французов этот процесс начался сто с лишним лет спустя. До того момента на революцию было принято возлагать любую ответственность за все, что случилось во Франции за истекший после этих событий период, в частности, при подсчете жертв революционного террора в этот скорбный список включали и всех погибших в эпоху Наполеоновских войн. Надо полагать, что и в России процесс безэмоциональной ревизии советского прошлого начнется лет через пятьдесят.

Но можно поспорить, что и после того, как «объективный исторический анализ» прошлого России в XX в. будет произведён, эта война в наших учебниках и в исторической памяти нации останется как Великая отечественная.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В этой статье цитируются переводы публикаций, размещенные на сайте www.inosmi.ru от 25.06.05.
2. Liberation, Франция. 19.04.05; Radio France Internationale. 03.05.05.
3. Гитлер. Разговоры за столом //Le Point. 15.03.05.
4. Путин, Сталин и поражение нацизма //El Pais. 11.05.05; Путин и тень Сталина //Le Nouvel Observateur. 25.05.05.
5. Де Голль, Черчилль, Рузвельт, Сталин: секреты их взаимодействия //Le Nouvel Observateur. 05.05.05.
6. Как де Голль стал страшилой //Le Figaro. 14.05.05.
7. Россия не намерена проводить реституцию //Radio France Internationale. 04.05.05.
8. Юбилей в Старой Европе //La Vanguardia. 05.06.04.
9. Когда Америка спасла Европу //La Razon. 04.06.04.
10. Джордж Буш на минном поле лицом к лицу с Владимиром Путиным //Le Figaro. 06.05.05.

11. Но Кремль боится американской назойливости //La Repubblica. 09.05.05.
12. Великая метафора Красной площади, La Vanguardia. 16.05.05.
13. Ученик чародея, который будоражит историю //III Manifesto. 10.05.05.
14. Преданная Победа //Rebellion. 04.05.05.
15. Много вопросов //La Vanguardia. 12.05.05.
16. Le Figaro. 09.05.05.
17. Le Figaro. 31.05.05.
18. Le livre noir du communisme. Crimes, terreur, répression. — Paris: Robert Lafont, 1998. — 924 p.
19. Le siècle des communismes. Sous la direction de Michel Dreyfus, Bruno Groppo, Claudio Sergio Ingerflom, Roland Lew, Claude Pennetier, Bernard Pudal, Serge Wolikow. — Paris: Les Éditions de l'Atelier, 2000. — 530 p.
20. Отменить серп и молот? Пусть решают страны Восточной Европы //Corriere Della Sera. 10.02.05.
21. 9 мая 1945 года: горькая годовщина на Востоке //Liberation. 04.03.05.
22. Вайра Вике-Фрейберга: Россия должна понять нашу позицию //Le Monde. 11.03.05.
23. Коммунистическое прошлое преследует бывшие сателлиты Москвы //Le Monde. 11.03.05.
24. Антанас Валионис: Наши требования к России скорее морального плана //Le Figaro. 09.03.05.
25. Валдас Адамкус: «Русские должны сказать: да, СССР оккупировал страны Балтии» //Le Figaro. 13.05.05.
26. Вот как я пережил ваше освобождение //L'Express. 03.05.05.
27. Прибалтика — Россия: у каждого своя память //L'Express. 03.05.05.
28. Величие России //Le Figaro. 10.05.2005.
29. История проверяет всё //La Vanguardia. 12.05.05.
30. Другая победа России, La Vanguardia. 19.05.05.
31. 60-летие Победы в Москве: Поляки шокированы буквально всем //Radio France Internationale. 12.05.05.
32. Любовь Путина и Европы заставляет рыдать поляков //ABC. 14.05.05.
33. Поляки никогда не простят России Катынь //Radio France Internationale. 22.05.05.
34. Опасная историческая амнезия //Liberation. 12.05.05.
35. 60-летие Победы в Москве: Поляки шокированы буквально всем //Radio France Internationale. 12.05.05.
36. Путин не извиняется //ABC. 12.05.05.
37. Москва должна заплатить долг памяти //Le Figaro. 15.06.05.
38. Разорванная связь России с её прошлым //Le Monde. 11.05.05.
39. Le Nouvel Observateur. 10.05.05.
40. От Кремля к Рейхстагу //La Vanguardia. 11.05.05.
41. Юбилей в Старой Европе //La Vanguardia. 05.06.04.
42. Потери и приобретения Советского Союза //Le Monde diplomatique. 14.05.05.
43. Глобализация истории //Le Figaro. 11.05.05.
44. *Nora P.* Les lieux de memoire. 7 vol., Paris. 1984–1992; *Gauchet M.* La religion dans la démocratie. Parcours de la laïcité. — Paris, 1998.

Марианна КОРЧАГИНА

ВПЕЧАТЛЕНИЕ «НЕКОТОРОЙ РАСТЕРЯННОСТИ»: ОСВЕЩЕНИЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ В СМИ ГЕРМАНИИ

Итак, отмечена ещё одна юбилейная дата окончания Второй мировой войны, которая, строго говоря, завершилась подписанием акта о безоговорочной капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. и до этого дня унесла немало жизней. Однако европейцы отмечают 8 и 9 мая — день своего освобождения от ужасов и бедствий войны, развязанной германским национал-социализмом. Казалось: мир, свобода и достоинство, оплаченные так дорого, — высочайшие ценности. Но разве можно сказать, что эти ценности торжествуют на всей планете и являются обязательными для всех? Разве европейцы (и американцы) не участвовали в том или ином качестве во множестве локальных войн и конфликтов? Разве не странно, что после такой страшной войны понадобились вооружённые до зубов миротворцы и возникло такое удивительное понятие «гуманитарный интервенционизм»? В 1990-е годы война коснулась и самой Европы, и в ней впервые за послевоенный период участвовали солдаты бундесвера. Сегодня никто не может чувствовать себя в безопасности перед лицом терроризма. Так что вряд ли 60-летие Победы над нацистской Германией можно назвать юбилеем мира и свободы, как впрочем и предыдущие круглые даты. Напротив, с горечью приходится констатировать, что «образ чужого», «образ врага» никуда не делся из нашей жизни, хоть и видоизменился, что стирается грань между злом и добром, именно потому что оно по-прежнему должно быть с кулаками.

|

«Вторая мировая война, — пишет немецкий исследователь Х. Вельцер, — представляет собой экстремальный исторический опыт, “период полураспада” которого в биографиях одного или нескольких

поколений пока ещё невозможно вычислить. ...Сквозь все процессы и споры, связанные с политикой в отношении памяти, ясно просматривается тот факт, что исторический опыт и ментальность послевоенного общества в европейских странах подверглись многостороннему и непреходящему формирующему воздействию насилия» (1). Действительно, воплощенное в нацизме насилие над личностью потерпело поражение, но логика завоевания — полной и безоговорочной победы определила вектор послевоенного политического и общественного развития. Тогда да и сегодня мало кто задумывается над словами Харро Шульце-Бойзена о том, что «фашизм и безумие войны не есть чисто немецкие явления, но следствие нездоровой системы, ответственность за которую несет весь мир» (2), мало кто обращает внимание на то, что многие антифашисты, в том числе и немецкие, говоря словами Томаса Манна, «мечтали о чём-то большем, нежели об одном только сопротивлении, чувствовали себя провозвестниками лучшего человеческого общества» (3).

Из многообразия идей антифашизма жизнь отбирала лишь сохраняющие преемственность с прошлой мирной жизнью, нацеленные на восстановление стабильности и безопасности. «Ни разу на протяжении всего послевоенного периода в официальной политике и саморепрезентации Федеративной Республики, — пишет политолог Х. Кёниг, — не допускалось каких-либо сомнений в том, что она строится как отрицание национал-социалистического режима. Шаг за шагом это негативное контрастное отношение к эпохе национал-социализма встраивалось в нормативный мемориальный фундамент её политического строя. ... Такое чёткое политическое отмежевание от прошлого режима помогло Федеративной Республике избавиться от имиджа некогда ненавистного военного противника и добиться на сегодняшний день равноправия и уважения в Европе и мире» (4). Надо только добавить, что «расчёт с наследием “третьего рейха”, противоречивый и незавершенный, можно назвать значимой победой гуманистической мысли и демократического действия» в самой Германии (5).

Сегодня в Германии критерием «преодоления прошлого», гарантией от его повторения являются достижения демократии и признание её ценностей обществом, а также вклад страны в строительство единой Европы. Эта мысль красной нитью проходит через выступления политиков и общественных деятелей, через все материалы немецкой прессы в преддверии 60-летия окончания войны. Выступая перед депутатами парламента 8 мая, федеральный президент Х. Кёлер поблагодарил народы, «которые победили Германию и освободили её от национал-социализма», дав ей шанс нового демократического начала. Конечно, он признаёт наличие серьёзных проблем, в частно-

сти безработицы, однако, полагает, что неукоснительное следование принципам свободы и человеческого достоинства поможет их успешно преодолеть (6). «Освободив немцев от диктатуры Гитлера, союзники подарили им и демократию, — пишет историк Г. Шёльген. — Естественно, не было ничего случайного в том, что уже в первых статьях конституции были учтены ошибки и преступления той (нацистской — М.К.) эпохи: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — задача государственной власти», — гласит 1-я статья» (7). У немцев есть все основания гордиться, заявляет «Frankfurter Allgemeine» (8). Пожалуй, самым значимым проявлением торжества демократии в Германии считается её объединение. «Заключительное урегулирование в отношении Германии», подписанное бывшими оккупационными державами — США, СССР, Великобританией и Францией, а также Федеративной Республикой Германия и Германской Демократической республикой, стало основанием для воссоединения Германии, выполнив функцию отсутствующего мирного договора с ней. Одновременно, как отмечает Г. Шёльген, договор «Два плюс четыре» «закрепил юридически уже назревший распад ставшей анахронизмом антигитлеровской коалиции и тем самым даровал немцам свободу» (9). Свободу от прошлого?

Писатель, лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс не склонен разделять официальный оптимизм. Думается, в этом он не одинок. В газете «Die Zeit» 4 мая была опубликована его статья «Свобода по биржевому курсу», где были поставлены вопросы: «Правильно ли мы воспользовались этой свободой, которую получили, не боровшись за неё? ...Достаточно ли независима наша парламентская демократия, чтобы справиться с проблемами, которые ставит перед нами XXI век?». Ответ отрицательный. Грасс считает, что объединение Германии было упущено с самого начала и оказалось простым присоединением бывшей ГДР к ФРГ: «Мелкие расчёты не дали тогдашнему правительству соблюсти записанное в Основном законе требование и предложить гражданам обеих республик новую конституцию, которую они бы выработали вместе. Не стоит удивляться тому, что немцы из восточных земель... чувствуют себя гражданами второго сорта. ... Миграция населения, которой боялись тогда, и из-за которой на востоке поспешно ввели дойчмарку, сегодня стала реальностью: пустеют целые деревни, города, регионы. ...Западногерманские промышленность и банки перестали вкладывать в восточные регионы необходимые для их развития и создания рабочих мест деньги». Парламент оказался заложником «всякого рода лоббистов», и «наше конституционное наследие самого высокого уровня более не ставит гражданские права превыше всего, его растратили попусту, смешали с неолиберальными идеями нашей эпохи». Властный

террор «третьего рейха» сменился неприкрытой диктатурой экономики. Ответственность за прошлое сегодня самым непосредственным образом переплетается с ответственностью за будущее: «В отличие от других держав, которые живут со своим позором — Японии, Турции, бывших колониальных держав — мы не освободились от тяжелого груза нашего прошлого. Оно останется частью нашей истории, постоянной угрозой нашей демократии. Как сознательные демократы, мы должны сопротивляться власти капитала, для которого человек — лишь машина, которая производит и потребляет. Если мы меняем подаренную свободу на биржевые прибыли, значит, 8 мая нас ничему не научило» (10).

II

Вольно или нет Гюнтер Грасс поставил вопрос о необходимости изменения направления развития цивилизации, об отказе от принципа «господство–подчинение» и, соответственно, конфронтационного видения мира и истории. Даже беглое знакомство с публикациями немецкой прессы в связи с 60-летием окончания Второй мировой войны оставляет впечатление некоторой растерянности: объяснимая с точки зрения текущей политики интерпретация прошлого оказывается рискованной для основанной на антинацистском консенсусе демократии, и без того ставшей сомнительной в условиях глобализации. Возникает явная угроза нормализации того, что нормальным считаться не может и не должно. Речь идёт прежде всего о жертвах режима и войны на уничтожение.

10 мая в Берлине был официально открыт мемориал Холокоста — «Памятник убитым евреям Европы». Это не единственное место памяти жертв геноцида: есть музей конференции в Ваннзее, на которой обсуждались организационные вопросы «окончательного решения еврейского вопроса», памятник в Грюневальде посвящен депортации берлинских евреев, Neue Wache — жертвам войны и насилия, документационный центр «Топография террора» расположен в зданиях Главного имперского управления безопасности, гестапо и СС. Однако, как писал в «Die Zeit» историк Норберт Фрай, «в смысле политического символа такого ещё не было — чтобы нация в центре столицы установила напоминание о крупнейшем преступлении в своей истории».

Мемориал — это 2711 бетонных стел разной высоты, установленных на площади 19073 кв.м так, что между ними может пройти только один человек. По мысли его автора, нью-йоркского архитекто-

ра Петера Айзенмана, «здесь все должно умолкнуть, как люди в Освенциме» (11). Люди, которым посвящён подземный музей.

Журналисты обращают внимание и на расположение памятника между Бранденбургскими воротами и Потсдамер-плац, недалеко от бундестага, напротив Тиргартена (с памятником советским воинам), в окружении новых офисных зданий и жилых домов времен ГДР, на месте, где раньше проходила Стена, а ещё раньше находился бункер Геббельса, — «на пустыре, насыщенном историей» (12).

По общему мнению памятник оставляет двойственное впечатление. Ассоциация с кладбищем очевидна, пишет «Der Spiegel», но здесь нет даже символического захоронения. Скорее речь идёт о «геометрии смерти», как её выразил венгерский писатель Г. Конрад, 11-летним мальчиком попавший в Освенцим: «Бесконечный покой, прямые линии нигде не нарушены, нет ничего незапланированного, неурегулированного» (13). Но прочувствовать это могут только те, кто выжил. Что же памятник означает для потомков? Аушвиц — гибель евреев навсегда останется в истории Германии. Но какой будет память после того, как уйдет из жизни последний участник событий, последний выживший? О чём будут вспоминать? Пробудят ли эмоции интерес к тому, что увековечил этот мемориал (14)? Теми же вопросами задается «Frankfurter Allgemeine», отмечая, что если мемориал должен напоминать о злодеянии, то «нынешнее поколение уже не может признать себя причастным к нему» (15).

Надо сказать, что в Германии многое для увековечения памяти делается по инициативе граждан. «Памятник убитым евреям Европы» не исключение: журналистка Леа Рош выступила с этим предложением ещё в 1988 г. «Frankfurter Allgemeine» пишет, что с тех пор появились планы поставить подобные памятники цыганам и гомосексуалистам, но ещё никто не инициировал сооружение мемориалов полякам и советским людям — гражданским и военнопленным. А ведь они, по данным историков, были самыми многочисленными жертвами нацизма. Таким образом, продолжает газета, «мемориал удовлетворяет потребность определённого поколения немцев в исповеди и в том, чтобы подкрепить её широким жестом. Однако через 60 лет после окончания войны и через 15 лет после падения Стены Берлину нужно что-то другое, и молодое поколение требует, чтобы в немецкой столице попытались воссоздать общую картину преступлений немцев» (16).

Кроме того, мемориал Холокоста мало что говорит жителям бывшей ГДР, которая, провозгласив себя антифашистским государством, решительно отказалась брать на себя ответственность за злодеяния нацизма. В качестве основы обсуждения общего прошлого Востока и Запада Германии теолог и философ Рихард Шрёдер в 1999 г.

предложил воздвигнуть мемориал из единственной фразы — «Не убий». Но его инициатива потонула в дебатах вокруг памятника Холокосту (17). Журнал «Der Spiegel» приводит мнение историка Михаэля С. Куллена: памятник больше говорит о тех, кто его воздвиг, нежели о преступниках и жертвах, а также «о времени, когда он был сооружен, нежели о том времени, от возвращения которого он хочет нас уберечь» (18).

Время отодвигает национал-социалистическое прошлое всё дальше в историю, но интенсивность дискуссий вокруг него не снижается. Однако, и это подтверждает обсуждение мемориала Холокоста, происходит «изменение форм представления и обращения» с ним: «По сути, — пишет Х. Кёниг, — речь идёт теперь только о символическом действии, о нормах коммуникации и об эстетической репрезентации, в то время как непосредственных политических выводов из национал-социалистического прошлого делается всё меньше» (19).

В своё время речь федерального президента Рихарда фон Вайцеккера пред бундестагом 8 мая 1985 г., в которой он назвал этот день днём освобождения немецкого народа и заявил, что критическое отношение к прошлому, память о варварстве гитлеровского режима не подрывают коллективной идентичности ФРГ и должны быть включены в её нормативный фундамент, была воспринята как важный поворот в сознании политического класса. Сегодня, в объединённой Германии, наблюдается обратный процесс. Необходимость интеграции восточных немцев, поиск новой коллективной идентичности должны были бы предполагать диалог об общем прошлом, об общей ответственности за него и за будущее. Но вместо этого, судя по материалам прессы, на первый план выходит история жертв и страданий всех немцев в конце войны, в условиях советской оккупации и диктатуры СЕПГ — «второй германской диктатуры», «подлинно тоталитарного государства».

Такие подходы нашли отражение в речи федерального президента Х. Кёлера 8 мая: «Мы скорбим обо всех жертвах Германии — о жертвах насилия, исходившего из Германии, и о жертвах ответного насилия, постигшего Германию. Мы скорбим обо всех жертвах, потому что мы хотим быть справедливыми ко всем народам, и к нашему народу тоже». Восточные немцы, подчеркнул президент, оказались обманутыми в своих лучших ожиданиях, их идеалы были попорчены. Как и другие народы в зоне влияния СССР они оказались под «тяжким гнётом»: под руководством СЕПГ «жизнь была унифицирована, униформирована а скоро и милитаризирована». Но стремление к свободе задушить не удалось (20).

Справедливости ради надо отметить, что публикации о конце войны не обошли молчанием и роль западных союзников. Так, жур-

нал «Focus», описав бесчинства советских солдат в Восточной Пруссии, писал: «Неистовству по отношению к гражданскому населению предшествовало “неистовство на географической карте”... Во время Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Сталин и его партнеры по переговорам, американский президент Рузвельт и английский премьер Черчилль окончательно решили, как будут изменены границы Европы после войны» (21). «Никто из союзников тогда не собирался освобождать немцев, — пишет в «Welt am Sonntag» руководитель мемориального комплекса «Хоэншёнхаузен», посвящённого жертвам тюремного режима в ГДР, Х. Кнабе. — Ведь до последнего момента они подчинялись своему фюреру и отчаянно боролись за него. ...На самом деле речь шла о том, чтобы победить Германию силой оружия. Нужно было принудить её к безоговорочной капитуляции и оккупировать. И не для того, чтобы немцы смогли выбрать себе лучшее руководство, а для того, чтобы лишить их возможности в ближайшие 50 лет снова начать войну. ...Большинство отдавало себе отчёт в сложившейся ситуации и поэтому воспринимало её как поражение, а не как освобождение. ...После 1945 г. демократия наступила только на западе Германии. В восточной Германии Сталин установил коммунистическую диктатуру... И хотя Сталин тоже внёс решающий вклад в уничтожение террористического режима национал-социалистов, но пришёл он не как освободитель. Он сам был кровавым тираном, на совести которого миллионы смертей. ...А победу союзников он использовал только для того, чтобы подчинить половину Европы своей собственной диктатуре. ...Справедливый стыд многих немцев за преступления нацистов привёл к тому, что различия в процессе окончания войны на востоке и западе Германии остались незамеченными. На Западе солдаты раздавали шоколад. На Востоке они изнасиловали почти 2 миллиона женщин и действительно расстреляли десятки тысяч мирных жителей» (22). Война предстаёт нормальным явлением: противники вели себя одинаково. Да и «сегодня тоже возникают такие ситуации, когда государства принуждаются для своего же счастья, например в случае с Афганистаном или на Балканах. Вторжение в Ирак американцы тоже обосновывали необходимостью его освобождения» (23). Эти весьма убедительные рассуждения основаны на отождествлении нацизма и сталинизма, хотя историками доказано, что они были разными тоталитаризмами, и преступления одного режима не могут служить оправданием злодеяний другого. Приходится также признать, что идеологизация войны стала достоянием современных политиков. Нет, не случайно сегодня возникли термины «демократический тоталитаризм» или «тоталитарная демократия».

Проблема поиска идентичности стоит и перед новыми членами Европейского Союза из зоны влияния бывшего СССР. Исторической справедливости требуют прежде всего Польша и страны Балтии, не без оснований считающие себя жертвами сталинского режима. В связи с этим интересна статья бывшего посла Польши в Германии, а ныне президента Центра международных отношений в Варшаве Я. Райнера, озаглавленная «Расколота память в единой Европе». «Постоянно встаёт вопрос о том, сколько нам нужно исторического знания, чтобы определить будущее Европы, — пишет автор. — Особенно после последнего расширения ЕС. И вопрос этот касается не только историков, он имеет политическую взрывную силу...». Линия раздела памяти проходит по середине Европейского Союза: если старые члены ЕС при всех особенностях своей национальной истории оставались частью западноевропейской общности, разделяя такие её ценности, как свобода и благополучие, то новые члены Союза пришли в него со своим опытом более 40-летней жизни при коммунизме. И этот опыт так же значим, как и западноевропейский: «Но только формальное равноправие становится относительным в силу реального равнодушия». В этих условиях малые страны обращают свой взор к Германии, «которая сегодня является единственной страной, объединяющей опыт Запада и Востока: «Пока оба не срастутся, вряд ли можно считать интеграцию Европы завершённой»» (24).

Но ФРГ, которая сама выбрала для себя роль жертвы, может только сочувствовать и констатировать: «Прибалтийские государства, оккупированные в 1940 г. Красной Армией, в 1941 г. — гитлеровской Германией, а в 1945 г. — снова Советами, в 2005 г., по всей видимости, опять становятся мячиком в игре великих держав. С одной стороны, американцы подталкивают прибалтийских президентов приехать в Москву (на празднование 60-летия Победы — М. К.), чтобы не раздражать её. С другой стороны, Россия развернула уже зарекомендовавшую себя кампанию угроз». (25)

«Многообразнейшие разновидности и все более громкие формы «конкуренции между жертвами», — пишет Х. Вельцер, — служат свидетельством того, что политика памяти превратилась в одну из арен внутренней и внешней политики, где заявление претензий по поводу незаслуженных страданий, причиненных тем или иным группам в прошлом, стало веским аргументом, используемым для обеспечения сегодняшних интересов» (26).

УЧАСТИЕ КАНЦЛЕРА Г. ШРЁДЕРА В ПРАЗДНОВАНИИ 60-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Приезд федерального канцлера Г. Шрёдера в Москву на торжества по случаю 60-летия Победы над нацистской Германией был скорее всего искренним проявлением гуманистической традиции немецкой социал-демократии и симпатии к России, нежели попыткой укрепить свои позиции перед грядущими в сентябре парламентскими выборами. Среди цитат из многочисленных интервью, данных им накануне визита, потерялось упоминание о политике примирения и разрядки бывшего канцлера Вилли Брандта: «Семена, посеянные Вилли Брандтом и многими другими, дали всходы. На место конфронтации периода холодной войны все больше заступали сотрудничество и диалог, вплоть до поворота 1989–1990 гг.» (27)

В статье, написанной Г. Шрёдером для газеты «Комсомольская правда», «Die Welt» обращает внимание на его слова о том, что Советский Союз, как ни одна другая страна, дорого заплатил за победу над гитлеровской Германией: «И сегодня мы просим о прощении за все причиненное русскому народу и другим народам немцами и от имени немцев». Канцлер оценил приглашение президента В. Путина как «большую честь для немецкого народа и свидетельство доверия к нему». Этот жест означал, что «годовщина окончания войны должна быть ознаменована примирением в Европе». Он подчеркнул, что примирение, достигнутое и с соседями на Востоке, «несмотря на ужасы мировой войны и вопреки холодной войне, являются для меня одним из удивительных событий в европейской истории» (28).

Позиция Г. Шрёдера не соответствует пробивающей себе путь тенденции нормализации истории национал-социализма. Если он, признавая «изгнание, бедствия беженцев и новую несвободу» (29), продолжает считать 8–9 мая 1945 г. днем освобождения как для Германии, так и для оккупированных нацистами стран Восточной Европы, то президент Х. Кёлер, выступая в Аахене, обратился со словами благодарности прежде всего к США, которые «так много дали Европе: жизни многих своих сыновей во время мировой войны и на десятилетия свободу, демократию и права человека». (30)

Конечно, никто не сомневался, что Г. Шрёдер поедет в Москву, но определённые круги ожидали от него большей твёрдости. «Frankfurter Allgemeine» вспомнила слова канцлера на праздновании годов-

щины высадки союзных войск в Нормандии: «8 мая было победой не над Германией, а для Германии». Но сможет ли он, отдавая дань уважения «бесконечным страданиям российского населения во время войны», повторить эти слова в Москве (31)? В другой статье обращается внимание на то, что визит Г. Шрёдера в Москву означает, что Германия и Россия «окончательно покинули окопы прошлого». Канцлеру не надо бояться упрека в том, что он якобы хочет закрыть глаза на 12 лет немецкой истории. Он, как и все немцы, признаёт моральные и политические обязательства немецкой демократии, вытекающие из преступлений Гитлера. И объединённая Германия продолжает учиться у прошлого: «То, что наконец и широкая общественность обратила внимание на немецкие жертвы войны и послевоенного времени, на изгнанных, не является ревизией истории, но знаком вернувшейся способности к эмпатии в отношении невиновных, которые были немцами». Но Г. Шрёдер хочет, чтобы Германия играла большую роль в мировой политике, и стремится к тому, чтобы страна стала членом Совета безопасности ООН. Его в этом поддерживает В. Путин, которому нужен в Совбезе союзник и поэтому даже высказался против дальнейшего принуждения Германии к самоуничтожению, т. е. постоянному признанию вины. За это канцлер согласен не считать советскую оккупацию «немецкой темой». Жертвы Германии — это новый пласт истории, которым нужно заниматься во имя справедливости. Со своими травмами, с непониманием, почему Запад не допускает отождествления Гитлера и Сталина в ЕС пришли новые члены.: «Именно немецкий федеральный канцлер должен это всё услышать и понять, ведь половина его страны разделила судьбу Восточноевропейских стран. Но канцлер стоит сегодня на стороне победителей и ничего не хочет об этом слышать» (32).

Нет, не оправдал Г. Шрёдер этих надежд. И на Красной площади сидел во время парада в первом ряду, рядом с Путиным и Шираком, и венки возлагал к могиле Неизвестному солдату и к захоронению немецких солдат на кладбище в Люблино. На встрече немецких и российских ветеранов канцлер вновь подчеркнул, что наибольшие жертвы в войне понёс Советский Союз, хотя и «моя страна несказанно страдала в условиях начатой нацистами войны», и отдал дань уважения немецким антифашистам, «которые отнюдь не мало содействовали тому, чтобы мы могли вернуться в семью народов». На вопрос, допускает ли стратегическое партнерство Европы и России критику российской политики ответил, что всё зависит от времени и повода, когда это можно делать: «У меня мой собственный стиль, у других — свой, а я остаюсь при своём». А по поводу неучастия Эстонии и Литвы в торжествах в связи с 60-летием Победы сказал, что «советы именно Германии в такой день не были бы самыми подходящими» (33).

Самое серьёзное внимание пресса уделила организации и проведению самого праздника, прежде всего мерам безопасности, из-за которых даже машины скорой помощи не могли проехать через центр города, очищенного в эти дни от бомжей и проституток, да и от самих жителей, поспешивших уехать на дачи. Журнал «Fokus» писал: «Через 60 лет после Победы Москву всё-таки сдали, горько шутит газета “Время новостей”: не ветеранам и прежним победителям — но делегациям и “аппаратчикам” с особыми пропусками и на машинах с мигалками». (34) Ассоциация с Олимпиадой 1980 г. напрашивалась сама собой.

По мнению наблюдателей, дух «эры Брежнева» буквально витал в эти дни над Москвой. То, что В. Путин назвал распад СССР величайшей геополитической катастрофой XX века, всех повергло в шок: ведь это и было настоящим освобождением, причём не только для стран Восточной Европы и Балтии, но и для самой России.

В. Путин, пишет «Die Welt», «в настоящее время очень старается дать просветлённый образ рухнувшего Советского Союза. Между тем, в его релятивирующих описаниях речи нет ни о жестокости режима Сталина, ни об убийстве, ликвидации миллионов людей до, во время и после победы». Признание этих фактов, продолжает газета, «в сегодняшней России рассматривается как покушение на представление о собственной истории... и одновременно на субстанцию российского государства. Ведь по ту сторону всех лицемерных признаний президента о приверженности демократии и правам человека нынешнее российское руководство пестует доставшееся ему с коммунистического времени представление об истории и, соответственно, о власти и господстве. ...Сегодня практически нет средства против расширяющегося великорусского национализма. Связанная с этим относительная стабильность России, которую так громко и усердно хвалят некоторые западные политики, это — химера. В ней заложена крайне агрессивная сущность, которая порождает чрезвычайную неуверенность как в самой стране, так и за её пределами» (35).

«Организаторы (торжеств — М. К.) мало заботились о том, чтобы чествовать народ ...Им было гораздо важнее продемонстрировать россиянам, что Россия во главе с Путиным как и прежде принадлежит к великим державам мира, а также с помощью воспоминаний о Победе Советского Союза сплотить нацию Российской Федерации вокруг Кремля. Ведь у них нет ни видения, ни стратегии для будущего России...», — пишет «Frankfurter Allgemeine» (36).

«В этот понедельник в Москве будут думать не об окончании Второй мировой войны, не о том, что в Европе закончилась стойкая миллионы жизней бойня, но о Победе советских войск в Великой отечественной войне. ...Героизация оттесняет память о миллионах

разрушенных судеб русских людей. ...Там, где взывают к общей судьбе, индивидуальные судьбы обесцениваются», — констатирует «Berliner Zeitung» (37).

Цитировать можно бесконечно. Вероятно, кому-то приведённые высказывания покажутся не достаточно объективными. Но ведь, по сути, они верны. Нам долго ставили в пример Германию, сумевшую преодолеть своё прошлое. Так давайте учиться.

ПРИМИРЕНИЕ

В своё время два, прежде всего совестливых человека — Генрих Бёлль и Лев Копелев задались вопросом «Почему мы стреляли друг в друга?»: «Войны готовят, провоцируют, развязывают государственные деятели и правительства. Однако умирают на них миллионы обычных людей» (38). Но неизбежно наступает момент, когда в умах этих миллионов начинается сложный, порой весьма болезненный процесс переоценки ценностей, способный вывести народы из тупиков истории. Этот процесс тем успешнее, чем полнее знание правды о прошлом и настоящем и чем честнее человек сможет соотнести правду истории со своими воспоминаниями и эмоциями. Х. Вельцер подчёркивает: «...Знания об истории и употребление этих знаний — не одно и то же. ...Память всегда связана с конкретной идентичностью: человек вспоминает то, что важно ему самому, что помогает ему справляться с сегодняшней жизнью» (39). И добавим: часто становится лучше.

Историк, первый директор Германского исторического института в Москве Б. Бонвеч пишет, что 8–9 мая 1945 г. «для большинства немцев это был, безусловно, день “краха”, но также и долгожданного завершения войны. Большинство немцев осознало 8 мая 1945 г. как день освобождения от нацистского режима гораздо позже. ...Сегодня общее празднование этого дня федеральным канцлером Шрёдером и президентом Путиным кажется нам едва ли не чем-то само собой разумеющимся. Однако всё не так просто. В первые десятилетия после войны подобный символический жест, скорее всего, не встретил бы одобрения ни в Германии, ни в России ...Слишком глубоки были шрамы, оставленные войной на теле обеих стран, слишком серьёзными в сознании людей были преграды, возведенные “холодной войной”. Но удивительно то, что самые ожесточённые и связанные с большим числом жертв войны, которые Германия и Россия вели между собой в XX в. ...не смогли сделать оба народа “заклятыми врагами”» (40).

Визит канцлера Г. Шрёдера в Москву на празднование юбилея Победы прошёл под знаком примирения народов России и Германии. Выступая на Красной площади, президент Путин сказал об «историческом примирении», которое является для всего мира примером успеха политики диалога. Г. Шрёдер оценил готовность России к примирению не как нечто само собой разумеющееся, но как «широкий жест для нашей страны» (41).

Посол ФРГ в Москве фон Плётц в интервью журналу «Deutschland» (42) указал, что «бесконечные страдания, причинённые друг другу немцами и русскими в ходе Второй мировой войны не забыты. Однако память эта выражается не в личном чувстве ненависти и жажде мести, а в желании жить друг с другом в мире и по возможности в дружбе. ...Однажды произошедшее не должно больше повториться». В подтверждение своих слов он ссылается и на проведение «Года немецкой культуры в России 2004», на расширение и углубление сотрудничества и контактов, на развитие германо-российского диалога «на всех уровнях — политики, экономики, гражданского общества, городов и регионов-партнёров». Крайне важным посол считает вовлечение в этот процесс молодого поколения.

В рамках визита Г. Шрёдера прошла встреча российских и немецких ветеранов войны — по семь человек с каждой стороны. Канцлер и российский президент провели на ней час. Об этом и о чувствах переживших войну сообщает «Süddeutsche Zeitung». (43) Корреспондент газеты говорил с Борисом Гормеловым, одним из тех ветеранов, которые в отреставрированных грузовиках проезжал с орденами и медалями на груди мимо трибун на Красной площади и махал гостям праздника красными гвоздиками. Подростком он работал на фабрике в пригороде Ленинграда и видел смерть многих людей, но хуже всего ему стало уже после снятия блокады. «Я служил в артиллерии и участвовал в штурме Кёнигсберга». Немецкая бомба буквально разорвала на части многих его товарищей. Он видел и смерть молодой девушки-солдата — это была его первая любовь. Видеть канцлера Германии на трибуне Красной площади вызывает у Б. Гормелова удовлетворение: «Мы не должны ставить знак равенства между немцами и фашизмом. Напротив: мы помогли немцам победить фашизм».

Немецкий ветеран, танкист Гюнтер Штимке прилетел в Москву на одном самолете с канцлером, в качестве его личного гостя. В 1941 г. его призвали в армию, и он побывал почти везде на восточном фронте. Там, в первую же зиму он похоронил своего хорошего друга. Для 19-летнего юноши это был шок. Его командир пришёл к нему: «Поплачь как следует. Такого с тобой больше никогда не будет». И правда, Штимке видел смерть многих солдат, но никогда так больше не плакал.

Гюнтер Штимке на фронте видел, как стрелялись товарищи, чтобы не попасть в плен к русским, а теперь он и ещё несколько бывших солдат вермахта сидели — через одного — вместе с русскими ветеранами в Москве, в одном из салонов «Президент-отеля» за столом с кофе, водой и печеньем: старики, которые раньше видели друг друга только через прицел винтовки. А с ними — канцлер ФРГ и президент России.

И чтобы там ни говорили, по опыту известно: такое внимание, участие в таких «инсценировках» старикам приятно. Что будет потом? Кто знает? У них своё понимание момента и своя мерка всех отношений.

Другую историю рассказал журнал «Der Spiegel» (44). Оскару Грёнингу был 21 год, когда он, солдат СС, попал на службу в Освенцим: он был бухгалтером — считал деньги уничтоженных евреев и стоял в оцеплении на платформах, куда прибывали депортированные. Он говорит, что не совершал преступлений: его вина должна называться как-то иначе. Он сам лично ничего не имел против евреев, дружил с девочкой из еврейской семьи, но знал, что они — хапуги, что из-за них Германия проиграла Первую мировую войну, и не хотел, чтобы она проиграла и эту. Однако «есть разница между ликованием в толпе и работой на фабрике смерти. Ситуация такова, что предмет ликования становится действительностью: то, что необходимо — ужасно, но оно необходимо». Так получилось, что он описал свою жизнь на 87 страницах и подарил их своим сыновьям. Но старший не ответил, а младший наставил на полях вопросов — это был молчаливый приговор. Он отослал свою исповедь друзьям, но никто не хотел объяснений. Он 9 часов беседовал с корреспондентами BBC, но и они ничего не сказали. «Я чувствую себя виноватым перед народом евреев, так как был в войсках, которые совершали преступления, не будучи при этом убийцей. Еврейский народ я прошу о прощении. А Господа я прошу об отпущении грехов». Оскар Грёнинг просит о прощении, а если это невозможно, то хотя бы о понимании.

Эта исповедь показывает, что покаяние — дело глубоко индивидуальное, и человек сам определяет меру своей вины и ответственности, сам решает, как ему жить со своей памятью.

Ставшие достоянием широкой немецкой общественности бесчинства и преступления Советской Армии на территории Германии в конце войны ставят под сомнение саму возможность примирения двух народов. И если западные союзники подарили немцам демократию, то Сталин и его приспешники в Германии навязали восточным немцам диктатуру страшнее нацистской. Так следует из публикаций в немецкой прессе. Эта концепция во многом определяющая публичную культуру памяти сближает её с памятью приватной: как показывают исследования, в центре семейных воспоминаний стоят страда-

ния немцев, связанные с войной и изгнанием, бомбежками и пленом (45).

С другой стороны, В. Путин не желает признавать вину СССР за преступления в конце войны на территории Германии: «И немецкое гражданское население страдало во время войны, но это не было виной Советского Союза или Красной Армии. Ведь и западные союзники “не отличались особой человечностью”, сказал Путин и назвал разрушение Дрездена британской авиацией “абсолютно непостижимым”» (46). Но русские люди, прежде всего ветераны войны не хотят иметь с этими бесчинствами ничего общего. Это не просто политика, но и свойство памяти.

Непреодоленное прошлое в России — серьёзное препятствие на пути к настоящему, а не спущенному сверху примирению. «Возможно, приглашение Шрёдера и его встреча с немецкими и российскими ветеранами и будет способствовать российско-германскому примирению. Но это не факт. И примирение далеко не сразу стало приоритетным в подготовке к юбилейной дате. В том числе и потому, что примирение нуждается в знании всей правды, так же и о теневых сторонах советской победы» (47).

Так что же, ждать теперь, когда Вторая мировая война и всё с ней связанное станут скучными или страшными, но просто фактами истории?

* * *

«Память, — пишет Х. Вельцер, — абсолютно оппортунистична: она берёт то, что ей полезно и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным». Но воспоминание служит ориентации в современности, «и если заимствованное воспоминание подсказывает человеку правильное решение, то это в функциональном отношении, несомненно, лучше, чем если бы человек на основе «правильного» воспоминания принял неверное решение» (48).

Что же касается примирения, то Л. Копелев, выступая в июне 1991 г. в Москве перед историками-германистами, отметил, что, несмотря на периоды вражды и ненависти, уникальные в мировой истории духовные связи между Россией и Германией имели и имеют до сих пор огромное плодотворное значение для обоих народов, а это вселяет уверенность и надежду на возможность «если не любви, то терпимости» между ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы //Неприкосновенный Запас. №2–3, 2005. Специальный

выпуск «Память о войне 60 лет спустя — Россия, Германия, Европа» совместно с «Osteuropa». С.29.

2. Der antifaschistische Widerstandskampf der KPD im Spiegel des Flugblattes. 1933–1945. — Berlin 1978. Dok.158.

3. Манн Т. Прощальные письма европейских борцов Сопротивления //Собр. соч. Т.10. — М., 1961. С.507.

4. Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании Федеративной Республики Германии //НЗ. №2–3, 2005. С.96.

5. Борозняк А. И. ФРГ: волны исторической памяти //НЗ. №2–3, 2005. С.65.

6. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 8.05.2005. S.8.

7. Шельген Г. Через 60 лет после войны //Deutschland. Политика, культура и экономика. №2, 2005. С.8.

8. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 9.05.2005.

9. Шельген Г. Указ. соч. С.9.

10. Die Zeit. 4.05.2005. S.1–2.

11. Шайян Ж. Мемориал Холокоста //Deutschland. №2, 2005. С.12.

12. Der Spiegel. 9.05.2005. S.34.

13. Цит. по: Der Spiegel. 9.05.2005. S.35.

14. Der Spiegel. 9.05.2005. S.35.

15. FAZ. 7.05.2005.

16. Ibid.

17. Ibid.

18. Der Spiegel. 9.05.2005. S.38.

19. Кёниг Х. Указ. соч. //НЗ. №2–3, 2005. С.102.

20. FAZ. 9.05.2005. S.8.

21. Focus. 16.02.2005. <http://www.inosmi.ru/print/217264.html>.

22. Welt am Sonntag. 21.03.2005. <http://www.inosmi.ru/print/218206.html>.

23. Ibid.

24. FAZ. 7.05.2005.

25. Die Zeit. 5.05.2005. <http://www.inosmi.ru/print/219372.html>.

26. Вельцер Х. Указ. соч. //НЗ. №2–3, 2005. С.28.

27. ZDF.de//Internet Artikel vom 6. Mai 2005. — Эти материалы были представлены отделом печати посольства ФРГ в Москве.

28. Die Welt //Internet Artikel vom 9. Mai 2005.

29. Kölner Stadtanzeiger //Internet Artikel vom 6. Mai 2005.

30. Ibid.

31. FAZ. 7.05.2005.

32. FAZ. 9.05.2005.

33. Spiegel online //Internet Artikel vom 10. Mai 2005.

34. Fokus Online //Internet Artikel vom 6. Mai 2005.

35. Die Welt //Internet Artikel vom 9. Mai 2005.

36. FAZ //Internet Artikel vom 9. Mai 2005.

37. Berliner Zeitung //Internet Artikel vom 9. Mai 2005.

38. Böll H., Kopelev L. Warum haben wir aufeinander geschossen? — Bornheim–Merten, 1981.

39. Вельцер Х. Указ. соч. //НЗ. №2–3 2005. С.33.

40. Бонвеч Б. Наука в поддержку дружбы //Deutschland. №2, 2005. С.34.

41. Süddeutsche Zeitung //Internet Artikel vom 10. Mai 2005.

42. Плётц фон Х.-Ф. «Мы вынесли из истории уроки» //Deutschland. №2, 2005. С.32–33.
43. Süddeutsche Zeitung //Internet Artikel vom 10. Mai 2005.
44. Der Spiegel. 9.05.2005. S.154–160.
45. Вельцер Х. Указ. соч. //НЗ. №2–3 2005. С.29.
46. ZDF.de //Internet Artikel vom 6. Mai 2005.
47. FAZ //Internet Artikel vom 10. Mai 2005.
48. Вельцер Х. Указ. соч. //НЗ. №2–3 2005. С.33.

Наталья СТАПРАН

ПЕРЕЛОМНЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ: УРОКИ, КОТОРЫЕ ВЫНЕСЛА ДЛЯ СЕБЯ ЯПОНИЯ

...Жертвами японской агрессии стали 20 миллионов азиатов и более 3 миллионов японцев...

Газета «Акахата», 1 августа 2005 г.

...вынужденная роль Японии в войне как великой державы, противостоявшей колонизации Азии западными странам, была неоченима...

Цитата из учебника истории для средней школы, издание 2005 г.

2005 год является для Японии, как и для большинства других стран мира юбилейным. Год окончания Второй мировой войны — это переломный этап японской истории. Эту дату в разных странах отмечают по-разному, но в большинстве государств — это торжественные памятные мероприятия, встречи ветеранов, возложение венков на могилы, горячие споры историков — но в целом, для европейских стран, это скорее стремление отдать дань истории, нежели возможность изменить современную политическую обстановку. В Японии ситуация диаметрально противоположенная — для японцев эта дата трагическая, а споры в научных кругах и в прессе ведутся очень ограниченно и аккуратно, так как для Японии, как ни для какого другого государства в мире обсуждение результатов Второй мировой войны не просто изыскания историков, а реальная политика.

Необходимо отметить, что для Японии 60-летие считается годовщиной не победы, а поражения во Второй мировой войне, а точнее в Войне на Тихом Океане. Так же как Германия в первые годы войны

разорила и покорила большую часть Европы, так Япония в конце 1930-х начале 1940-х гг. захватила практически все соседние азиатские страны, поработила Китай и Корейский полуостров. Поэтому при оценке внутривойсковой реакции на празднование 60-й годовщины, также как и сегодняшней японской позиции относительно результатов Второй мировой войны, всегда необходимо рассматривать два направления: европейское и азиатское. Причём это не просто игра слов. Японские историки, как и американские, чётко делят войну на две части: Тихоокеанскую и Европейскую. У каждой войны своя дата начала: для Европейской — высадка союзных сил в Нормандии; для Тихоокеанской — нападение японского военно-морского флота на Пирл Харбор, и своя дата завершения: взятие Берлина и подписание документа о капитуляции Японии на борту американского линкора «Миссури». У каждой войны своё восприятие, своя философия и идеология, кроющаяся в национальном характере и тысячелетних традициях Японии, что мы и постараемся раскрыть в настоящей статье.

Что касается событий в Европе времён Второй мировой войны, то они обычно освещаются в японской научной литературе в традиционном «демократическом» ключе, принятом на Западе. Причём это касается, в том числе, и роли Советского союза в завершении войны и послевоенном европейском устройстве, историографии войны (определении ключевых временных этапов) и так далее. Это естественно, ведь Япония после поражения находилась в сфере американского политического и идеологического воздействия и не могла по иному оценивать происходившие на послевоенном пространстве события. Вместе с тем европейский регион никогда не входил в сферу прямых национальных интересов Японии, именно поэтому японские политики склонны были занимать нейтральную позицию и чаще всего вообще никак не реагировать на так называемые «послевоенные разногласия» европейских государств. Даже сейчас, когда объединённая Европа с её значительным потенциалом привлекает все большее внимание японской политической элиты, восприятие истории военных лет практически не меняется.

Азиатско-тихоокеанский регион, напротив, напрямую затрагивает жизненные интересы японского государства. Япония немыслима без Азии, как и Азия, надо признать, немыслима без Японии. События в этом регионе дали гораздо больше поводов для анализа и исследований японских ученых, стали предметом бесчисленного количества книг и монографий, статей в периодической прессе.

Для японцев 1945 г. это не только год окончания войны, но и переломный момент, с которого начинается новая история современного японского государства. Именно тогда были заложены основы

функционирующей ныне политической и экономической системы, а также принципы внешней политики и поддержания военной безопасности. Поэтому логично предположить: любая круглая дата порождает явную активизацию обсуждений и споров относительно судьбы и принципов существования самого японского государства.

Как известно, в мае 2005 г. японский премьер-министр Дз. Коидзуми присутствовал на параде на Красной площади вместе с лидерами других государств. Однако стоит напомнить, что первоначально глава японского государства отказался приехать в Москву. По официальной версии японского правительства, этот отказ отнюдь не носил вызывающего характера, как в случае прибалтийских государств. Более того, в японской прессе отдельно подчёркивалось, что балтийские страны обоснованно высказывают свои претензии (1), но для Японии участие в Параде Победы это вклад в стабильность, спокойствие и взаимопонимание во всём мире. Предварительный отказ же интерпретировался как обычный дипломатический шаг японской стороны в ответ на срыв визита В. В. Путина в Японию в начале 2005 г.

Сама эта ситуация свидетельствует о том, что несмотря на внешнее спокойствие, внутри страны существует значительное количество противоречивых точек зрения относительно результатов Второй мировой войны и нынешнего поведения Японии на внешнеполитической арене. В Японии очень сильны праворадикальные националистические настроения, и именно представители этого политического крыла выступают с наиболее громкими политическими заявлениями относительно результатов Второй мировой войны, и, конечно, в первую очередь по поводу российско-японских отношений.

Накануне отъезда премьер-министра Дз. Коидзуми в Россию одна из крупнейших японских газет публикует большую аналитическую статью под заголовком «60 лет победы над фашизмом. Сомнительное положение Дз. Коидзуми, присутствующего на празднованиях». Хочется отдельно подчеркнуть, что были употреблены именно иероглифы, обозначающие присутствие, а не участие. В этой статье объясняется, что японский премьер отправился в Россию только потому, что с 2004 г. 8 и 9 мая было признано ООН днями поминовения и мира, и это хороший повод поддержать добрососедские отношения с бывшими противниками. Далее вся статья доказывает, что советские войска были такими же или даже более жестокими агрессорами, чем немецкие и японские. «Тайный договор России и Германии преступным образом разделил Польшу, что положило начало Второй Мировой войны. В 1945 году в нарушение договора о ненападении СССР совершает агрессию против Японии, а далее в нарушение устава ООН поработает множество японских граждан. СССР захватывает Финляндию, Прибалтийские республики и подчиняет

себе значительную часть Восточной Европы. При этом над советскими военными генералами так и не было проведено судебного разбирательства, и они не были наказаны, как японские военные преступники в ходе Токийского трибунала». В конце статьи задаётся вопрос, в чём собственно смысл присутствия японского премьера на параде Победы? (2).

Многие издания осудили решение премьер-министра отправиться в Москву. Вот, что пишет японская газета «Сэкай ниппо»: «Своей поездкой в Россию Коидзуми не только нарушил принципы ведения дипломатии, но, посетив празднование победы Сталина, оккупировавшего «северные территории», продемонстрировал волюнтаристскую, беспринципную внешнюю политику своего кабинета. Он должен был открыто заявить Путину, что Сталин был таким же, если не большим тираном, чем и Гитлер.

Япония, вступившая в союз с гитлеровской Германией, в первую очередь опасалась наступления коммунизма на Азию, и правильно делала — именно так и случилось с Китаем и половиной Кореи. Сталин хотел и Японию превратить в коммунистическую страну, но ему это не удалось. Это он взрастил ненависть к Японии... среди граждан КНДР (очевидно журналист забыл о десятилетиях господства японской армии на корейском полуострове. — *Н. С.*). Его надо было судить вместе с другими преступниками, наподобие Нюрнбергского и Токийского трибуналов» (3).

Действительно, сознательное очернение и принижение роли СССР в победе над фашизмом очень свойственно японским ученым и аналитикам. Многие издания и публикации и в 2005 г. активно используют риторику «холодной войны», не замечая, что их традиционный «идейный локомотив» США уже несколько лет как старается избегать жёстких и категоричных характеристик.

Конечно же, большое внимание в прессе было уделено комментариям по поводу приезда американского президента в Москву, но с гораздо большим азартом, чем о параде, японские журналисты рассказывали о словах Дж. Буша, произнесенных накануне визита в России в Латвии (4).

Нельзя забывать, что между Японией и Россией до сих пор не подписан мирный договор, поэтому в связи с майским визитом в прессе и научных кругах с новой силой разгорелся спор вокруг проблематики северных территорий и безрезультатности встречи на высшем уровне, проведённой в мае 2005 г.

Историческая справка: После поражения в Тихоокеанской войне Японии пришлось пожертвовать рядом территорий, в том числе Окинавой и Курильскими островами. Таковым было

содержание договоренностей Ялтинской конференции руководителей стран антигитлеровской коалиции и положений Сан-францисского мирного договора. Окинавцы американцы вернули Японии в 1972 г., оставив за собой право иметь там военные базы. С Курилами вопрос остается нерешенным до сих пор.

С 1945 г. СССР твёрдо настаивал на том, что Япония отказалась от островов по Сан-францисскому договору. Токио же утверждал, что он отказался только от гряды островов Тисима, в которую Курилы не входят, что СССР не подписал Сан-францисский мирный договор и что сам факт захвата островов являлся незаконным — он был произведён уже после официальной капитуляции Японии (5). Япония и СССР пытались неоднократно решить этот вопрос, и в 1956 г. практически добились компромисса в Совместной декларации (Японии отходили остров Шикотан и гряда Хабомаи), но Советский Союз в одностороннем порядке расторг эту договоренность в 1960 г. после подписания нового договора безопасности с США, и проблема была официально изъята из политического лексикона вплоть до 1990-х гг.

Президент СССР М. С. Горбачёв в 1991 г. впервые признал существование территориального спора, а в токийской декларации 1993 г., принятой по итогам визита в Токио Б. Н. Ельцина, было записано, что проблема мирного договора будет решена путём определения принадлежности «четырёх островов».

С тех пор было сломано немало копий вокруг того, кто первый открыл острова, кто первый начал их осваивать, кто имеет больше юридических и моральных прав на указанные территории и так далее. Найти решение сложной проблемы пытались разными путями — ввели несколько безвизовых режимов поездок групп японских жителей на острова, и жителей островов — в Японию. Подписали соглашение о совместной рыбохозяйственной деятельности в акватории южных Курил. Сгладить территориальную проблему в отношениях двух стран пытались декларацией безоблачных отношений сотрудничества в решении международных проблем, экономическим сотрудничеством (которое, однако, не носит сколько-нибудь существенного характера). Однако все указанные попытки не принесли ощутимых результатов. Проблема по-прежнему остаётся нерешённой.

По возвращении японского премьер-министра на родину многие газеты пестрили заголовками типа: «Бесполезная трата денег японских налогоплательщиков. Северные территории не возвращены. Мирный договор с Россией не подписан». Основными авторами таких слов стали радикально-правые националистически настроенные

силы, которые весьма активны в Японии. Именно благодаря стараниям правых сил возвращение «северных территорий» (так в Японии называют южные Курилы) стало делом национального престижа и борьбы за справедливость. Хотя, по утверждению ряда специалистов, в том числе западных, идея возвращения курильских островов иницируется несколькими рыболовецкими кооперативами на северном японском острове Хоккайдо, которые получают бесспорную выгоду от приращения акватории южных Курил, богатой биологическими ресурсами, к Японии, а также депутатами парламента, избранными от этого региона (6).

Во многих публикациях отмечалась крайняя политизация проблемы, которая лишает политиков какого-либо маневра. Территориальный вопрос и проблема подписания мирного договора — это своеобразный замкнутый круг — политики идеологически обработали большинство населения в обеих странах в нужном им ключе, а теперь сами оказались заложниками старых идей и лозунгов, что не даёт им возможности пойти на встречу друг другу ни на шаг. Такой шаг был бы сразу расценен оппозицией либо как уступничество и сдача позиций (в Японии), либо как разбазаривание земель и подрыв территориальной целостности и национальной безопасности России. В этих условиях скорое решение территориальной проблемы между нашими двумя странами вряд ли возможно.

Помимо территориального вопроса, праворадикальные японские издания активно муссировали вопрос предательских, с их точки зрения, действий Советского Союза в 1945 г., когда, несмотря на наличие договора о ненападении СССР совершил «агрессию», начав военные действия против Японии. Активно говорилось о том, что Россия до сих пор не принесла убедительных «извинений», не покаялась в своих действиях, что это омрачает двусторонние отношения, не даёт России права называться миролюбивой державой, и, главное, оскорбляет память тысяч японских военнопленных, покоящихся на сибирской земле.

Покаяние — очень важный момент в японском менталитете, своего рода очищение, которое убирает из исторической памяти японского народа все совершенные им злодеяния, чем обычно бывают очень недовольны соседние азиатские страны (подробнее об этом будет сказано позже). Покаявшись перед своими соседями, Япония, причисляя СССР к разряду агрессоров, требует покаянных объяснений от нынешней России. Конечно, это не официальная позиция, но в связи с майским парадом на Красной площади, такие требования к России особенно обострились. Особое внимание уделялось, как уже говорилось ранее, поведению балтийских стран по отношению к России (7), высказывалась позиция, что японский премьер-министр не

должен участвовать в подобных мероприятиях до тех пор, пока Россия не принесёт официальные публичные извинения за содеянное.

Историческая справка: По оценкам различных учёных, в советской Сибири, Дальнем Востоке и Средней Азии с 1945 по 1956 гг. через лагеря прошло около 600 тысяч японских военнопленных. Японское правительство долго добивалось и в итоге добилось признания со стороны Советского Союза проблемы военнопленных — в 1991 г. было подписано соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии «О лицах, находившихся в лагерях для военнопленных» (8). С тех пор японской стороне было передано много архивных материалов, персональных дел, личных вещей и, где это было возможно, останков военнопленных. Были восстановлены памятники и надгробия на японских кладбищах на территории России. До сих пор пожилые и молодые японцы, родственники погибших, ежегодно приезжают в Россию, чтобы почтить память своих предков, положить венки к их могилам. Во время своего визита в Японию в 1993 г. Б.Н. Ельцин признал, что японцы перенесли многие тяготы на чужбине, столкнувшись с весьма жестоким обращением.

С другой стороны, именно в это же время появились и другие интересные публикации, рассказывающие о том, что именно эти 600 тысяч японских военнопленных оказались лучшим друзьями Советского Союза, а в последствии — современной России. Многие современные японские политики в прошлом были военнопленными в СССР. Они помнят не только тяготы и невзгоды, но и сочувствие простых советских людей, самих восхищавшихся стойкостью и выносливостью японских солдат, силой их духа, способностью хранить прочную связь с родиной. Именно, эти люди пропагандировали русскую культуру в Японии, именно благодаря им Россия была очень популярна в 70-е гг. В статье говорилось о том, что сейчас это поколение, к сожалению, уходит. Уходят люди, почувствовавшие и сквозь годы пронесшие духовную связь между нашими народами. На смену им приходят более молодые и прагматичные политики, по иному расценивающие события военных лет. Ими зачастую движет желание ещё более обострить и без того напряжённое двустороннее взаимодействие.

Как уже было сказано выше, японские историки стремятся интерпретировать действия советских войск как агрессию, тогда как собственные преступления в годы войны всячески смягчаются и умалчиваются. Очень яркой характеристикой японского отношения к войне стал опрос японских школьников, проведенный в начале 2005 г. Этот

опрос показал, что на сегодняшний день 70% школьников считают, что в войне пострадала именно Япония. В этом контексте становятся вполне оправданными претензии и недовольство соседних азиатских стран.

Вопрос оценки истории, в особенности новейшего её периода, связанного с агрессией японской императорской армии в XX веке, не раз становился «камнем преткновения» в отношениях Японии со своими азиатскими соседями. Одним из серьезных раздражителей для стран АТР, в первую очередь для Китая и обеих Корей, являются японские учебники истории для средних школ и вузов. В них, по мнению восточно-азиатских стран, «идеализируется милитаризм времен Второй мировой войны», обеляются или умалчиваются вовсе «преступления японской военщины».

60-я годовщина Победы в очередной раз дала азиатским соседям Японии повод вспомнить свои обиды. Есть два основных раздражителя, которые ежегодно вызывают волну протеста в Азии: это посещение японским премьер-министром храма «Ясукуни» и освещение военного прошлого в японских учебниках истории.

За последние 20 лет посещение мемориального комплекса «Ясукуни» японскими лидерами становилось причиной сильных разногласий Японии с соседними азиатскими странами. В первую очередь Китай, Тайвань и Южная Корея, то есть те, кто больше других пострадал от японской агрессии и колониализма, упрекают Японию в превозношении военных преступников, почитаемых в этом храме. При этом простые японцы все чаще говорят о том, что Япония достаточно извинялась за свои ошибки в течение 60 лет. К тому же, храм Ясукуни посвящён очень многим национальным героям Японии, а соответственно, его посещение — это долг памяти и уважения к собственной истории. Более 70% японцев поддерживают действия премьер-министра.

Примерно такая же ситуация складывается с японскими учебниками истории. Недовольство азиатских соседей лишь разжигает национальное самосознание. Большинство японских политиков говорят о том, что учебники правдиво освещают историю, а единственный их недостаток лишь, том, что они не вдаются во все те подробности, о которых хотят прочитать китайцы и корейцы (9).

С п р а в к а: Система подготовки учебных пособий в Японии была установлена американской оккупационной администрацией сразу после войны. Согласно ей, учебники разрабатываются независимыми частными издательствами и представляются на рассмотрение в Разрешительный комитет по вопросам учебных материалов министерства образования, науки и культуры, спорта

и туризма, который выносит решение о принятии или непринятии варианта учебника. В последнем случае учебник направляется на доработку. Получившие одобрение учебники затем направляются в районные отделы образования по всей стране, которые на местах принимают решение о том, использовать ли новые пособия в японских учебных заведениях.

Содержание учебников и процедура их принятия в прошлом вызвали немало дебатов как внутри Японии, так и за её пределами. В самой Японии правые выступали за прекращение «самобичевания», левые и либеральные силы — за «признание исторических ошибок».

Соседние страны также предпринимали политические кампании давления на японские официальные власти с целью изменения содержания учебников. В 1982 г. под усиленными протестами со стороны КНР и РК рассматривавшиеся в то время варианты учебников были отправлены на доработку, а правительство приняло в качестве критерия их рассмотрения «необходимость учета международного общественного мнения и углубления взаимопонимания в отношениях с соседними странами». В 1986 г. ситуация повторилась, и Минобразованию Японии пришлось отклонить практически принятые проекты пособий.

Японские политики и высокопоставленные чиновники не раз высказывали недовольство «излишним вниманием к претензиям соседних стран», за что, однако, зачастую сами попадали под огонь критики, и даже были вынуждены уходить с занимаемых должностей.

Предпринимались попытки решить эту проблему совместными с соседними странами усилиями. Однако это не принесло ощутимых результатов. Так, в 1997 г. был создан «совместный японо-корейский комитет по вопросам учебников». Он завершил свою деятельность в мае 2000 г. опубликованием доклада, который ограничивался общими рекомендациями «углублять взаимопонимание между странами».

«Проблема учебников» всплывает регулярно вместе с их переизданием каждые четыре года. В начале 2005 г., когда стало известно содержание составляющихся новых учебников истории, «вопросы истории» вновь стали объектом пристального внимания в Японии и за рубежом. Работа по составлению учебных пособий велась несколькими издательствами, в том числе и имевшими «националистическую» репутацию (10). Представленные на рассмотрение министерства образования Японии эти варианты учебников содержали такие положения, как, например, «вынужденная роль Японии в войне как великой державы, противостоявшей колонизации Азии западными странами», «неизбежность войны с Китайской империей», «спорный

вопрос ущерба» от японской агрессии, «поразившая весь мир смелость самоубийц-камикадзэ, отдавших свои жизни для защиты родины и семей», и пр.

Подобные формулировки не могли не вызвать неприятие со стороны многих государств АТР, особенно в контексте празднования 60-й годовщины окончания Второй мировой войны. В частности, озабоченности высказывались официальными лицами Республики Корея (равно как и КНДР), Китая, Тайваня и Вьетнама. Японским дипломатам делались многочисленные представления, вопрос учебников подымался в контактах практически на всех уровнях между представителями госведомств и общественных организаций, в том числе на международных конференциях. Основная мысль, проводившаяся в ходе таких контактов, заключалась в том, что японское правительство должно принять меры к «исправлению исторических искажений в учебниках» (11). При этом подчеркивалось, что этот вопрос не является исключительно внутренним делом Японии.

В японской прессе вспоминают о высказываниях Президента Республики Корея Но Му Хена, сделанных в ходе его визита в апреле 2005 г. в Германию. Там он подчеркнул, что «Германии удалось излечить раны, нанесенные ею во время войны, и загладить свою вину, в то время как японцы обеляют свою военную агрессию». Корейскому президенту вторят и официальные власти Китая: спикер МИД КНР также недавно поставил в пример Японии Германию, которая «смогла верно оценить историю и идёт по пути мирного процветания». В Японии, естественно, такие высказывания вызвали бурю возмущения.

Известная японская газета «Нихон Кэйдзай» писала, что Японию и Германию нельзя сравнивать даже близко. Япония подписала Сан-Францисский мирный договор с 44 странами (из 55, участвовавших в войне), а потом дополнила его целым рядом двусторонних договоров, тогда как Германия ничего подобного не сделала. Япония выплатила соседним азиатским странам в виде экономической помощи по послевоенным временам неслыханную сумму — 1 триллион 36 миллиардов иен, тогда как послевоенные репарации Германии ограничились частными компенсациями. Напрочь отвергаются попытки сравнить германский холокост и японскую «резню в Нанкине». Подчеркивается, что если в первом случае это была целенаправленная политика по истреблению целой нации, то в случае Японии это было всего лишь «преступлением военного времени», и, конечно, не таким масштабным, каким его хотят видеть китайцы. Дескать, японские ученые уже давно доказали, что в Нанкине не могло быть убито 300 тыс. человек, так как это было все население города, который после тех событий продолжал жить «нормаль-

ной жизнью». Приводится ещё целый список японских «добродетелей», после чего журналист вопрошает, как же ещё должна извиниться Япония, чтобы её неразумные азиатские соседи перестали вспоминать давно ушедшее прошлое (12).

Возвращаясь к исторической памяти и проблеме «покаяния», независимые японские аналитики отмечают тот факт, что по удивительному стечению обстоятельств или в результате чётко продуманной стратегии, японцы не питают ни малейшей обиды к американцам, принесшим Японии не меньше беды и горя, чем Советский Союз. Конечно же, в 2005 г. появилось огромное количество публикаций, посвящённых трагической дате атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, но голоса, требующие публичного покаяния от США очень немногочисленны. Напротив, в англоязычная газета «The Japan Times» опубликовала интервью-воспоминания пилотов самолетов бомбардировщиков, которые сбросили бомбы на Хиросиму и Нагасаки. В словах этих людей красной нитью проходит мысль о том, что они выполнили свой долг и именно они завершили Вторую Мировую войну (13). Опросы общественного мнения, проведённые агентством «Киодо цусин» в июле 2005 г. показали, что 68% американцев считают проведённые бомбардировки абсолютно необходимыми для скорейшего окончания войны. Удивляет тот факт, что лишь 75% японцев сомневаются в необходимости осуществлённых бомбардировок, это означает, что для четверти японского населения деяния американских военных не только не носят преступный характер, но и вовсе не вызывают озабоченности (14).

Такой конформизм с Америкой бытует не только среди простых обывателей. Японская внешняя политика также продолжает носить ярко выраженный проамериканский характер. Союз с США остаётся ключевым, о чём не перестает заявлять японское правительство (15). Основы этой политики были заложены американцами сразу после окончания Второй мировой войны, то есть 60 лет назад, и именно поэтому в 2005 г. отмечается своего рода юбилей, давший повод значительному количеству публикаций и комментариев на эту тему в прессе. Центральное ежемесячное издание Министерства иностранных дел Японии назвало августовский номер за 2005 г. «60 лет послевоенной политики Японии» (16). Этот номер был приурочен к сентябрьской годовщине окончания Второй мировой войны. Центральной темой этого выпуска стали именно японо-американские отношения, тенденции их развития и, конечно, собственная японская политика в области безопасности.

Именно из-за упомянутого 60-тилетнего конформизма дипломатии официального Токио с США и принижения своей роли в международных делах в Японии сейчас как никогда сильно стремление

к большей независимости во внешней политике, к более значимой роли на мировой арене. В частности, вот какие «обиженные» комментарии предлагали японские корреспонденты в контексте юбилейных мероприятий: «Историю пишут сильные мира сего так, как им это удобно. Если ты победил — ты герой, проиграл — злодей. 60 лет, прошедшие с окончания войны, развивались согласно именно такой логике стран-победительниц. Это становится понятным, если, к примеру, посмотреть на ООН, которая является ничем иным как клубом победивших государств. Пока мы не урегулируем все послевоенные проблемы, доставшиеся от стран-победительниц, сама эпоха “после войны” так и не завершится» (17).

Действенным шагом к обретению независимости многие японские эксперты считают пересмотр послевоенной Конституции. В канун 60-тилетия окончания Войны в японской прессе и политических кругах с новой силой разгорается спор о необходимости пересмотра Основного документа страны, ограничивающей военные возможности Японии исключительно оборонительными задачами.

Историческая справка: Сразу после окончания войны на Тихом океане Япония помимо полного разгрома внутри страны (была разрушена большая часть промышленности, практически весь жилой фонд лежал в руинах) оказывается перед лицом решительно антагонистически настроенного внешнего окружения. Это не только и не столько Соединённые Штаты, которые сделают впоследствии ставку на Японию как на опорный пункт своего влияния в АТР, а в первую очередь, континентальный Китай, вставший под коммунистическую замену, и Корейский полуостров, где коммунистический север пытался захватить поддерживаемый американцами юг, и, естественно, Советский Союз, который неизбежно стоял за всеми этими процессами, происходившими на границах Японии. Стоит отметить, что и другие азиатские страны, напрямую не вовлечённые в борьбу за раздел сфер влияния между двумя противоборствующими лагерями, также имели все основания опасаться и недолюбливать Японию, зарекомендовавшую себя как явного агрессора в годы тихоокеанской войны.

Такое отношение совершенно не соответствовало тогдашним интересам Японии: ей нужно было восстанавливать разрушенную экономику, исправлять подорванный международный престиж. В этих условиях Япония принимает весьма радикальное и, наверное, единственно возможное решение — отказаться от применения силы или угрозы её применения как от средства разрешения международных споров и конфликтов. Это было зафиксировано в статье 9 японской конституции.

Таким образом, Япония «на веки вечные» провозгласила свой миролюбивый статус в международных делах и последовательно отстаивала его все послевоенные годы.

Вместе с тем во многих японских изданиях либерального толка подчеркивается тот факт, что реальная ситуация на самом деле сильно отличается от провозглашенных принципов.

Во-первых, отказавшись от собственной армии, Япония не осталась нейтральной державой. Напротив, Япония, в особенности в первые послевоенные годы, полностью уповала в вопросах обеспечения безопасности на вооружённые силы Соединённых Штатов Америки. Одновременно с подписанием Сан-Францисского мирного договора в 1951 г. Япония заключила с Вашингтоном договор безопасности, который позволил Вашингтону самостоятельно располагать базами на территории Японии и перемещать там свои войска.

Историческая справка: Либерально-демократическая партия (ЛДП), прочно находящаяся у руля власти с 1960-х гг., отдала приоритет поддержанию хороших отношений с Соединёнными Штатами, передав оборону своей территории в руки Вашингтона и приняв американские «правила игры». Такая проамериканская позиция японского руководства была вызвана антагонизмом в отношениях коммунистического и капиталистического блока в первые годы «холодной войны». Консервативная ЛДП выбрала такой подход, несмотря на протесты оппозиции, призывавшей Японию занять более нейтральную позицию. Ведь проамериканский характер внешней политики мог настроить против Токио азиатские страны и в итоге даже привести к очередной войне. Пацифизм тогда стал доминирующим настроением японской общественности, как результат разгрома в Войне и трагедии атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Лидеры Японии не могли позволить себе игнорировать такие настроения общества, в результате чего старались действовать на международной арене чрезвычайно осторожно, чтобы не спровоцировать конфликтную ситуацию и избежать повторения трагедии. В результате Токио проводил, по выражению японских ученых, дипломатию «без претензий», определяющуюся принципами «не вызывать подозрений», «ничего не говорить» и «не вмешиваться в чужие дела» (18).

За 60 лет, прошедших с принятия ключевого для будущего Японии решения о союзе с США, ситуация коренным образом не изменилась. За долгие годы противостояния двух лагерей американская и японская военные системы все больше интегрировались и переплетались. Крах биполярной системы отнюдь не привёл к ослаблению японо-американского союза.

Что касается 9 статьи Конституции, то и тут японцы вполне естественно начинают ощущать неестественность ситуации, когда крупнейшая экономическая держава не имеет постоянной дееспособной армии. Опросы общественного мнения показывают, что сторонников пересмотра конституции становится постепенно гораздо больше, чем противников (19).

Сейчас Япония располагает только «силами самообороны», расходы на содержание которых не должны превышать 1% ВВП страны. Но на сегодняшний день под этим скромным миролюбивым образом скрывается 40 млрд. долларов ежегодных военных расходов, 240 тысяч хорошо тренированных солдат, экипированных по последнему слову техники, а так же огромные вливания в НИОКР, хотя формально многие исследования и не имеют военной направленности (20).

Несколько лет назад был создан совет по изучению вопросов реформы конституции, состоявший из представителей научных, общественных и правительственных организаций. 14 апреля 2005 г. после долгих споров и обсуждений он подготовил свой заключительный доклад (21), а в первых числах августа реформа конституции впервые за всю послевоенную историю обрела вид проекта, составленного крупнейшей партией Японии — ЛДП. Можно сказать, что сейчас, наконец-то, процесс пересмотра японской конституции входит в завершающую фазу.

Крупнейшая японская газета «Иомиури» в редакционной статье приветствует основные положения проекта — сохранение 9 статьи (как внешнего палисада миролюбивости) при отмене положений об отказе от войны как средства решения международных споров, провозглашении права на коллективную оборону, назначении премьер-министра верховным главнокомандующим. Также необходимо переименование «сил» самообороны в «армию Японии», которая будет оборонять не только японские острова, но и «поддерживать мир и стабильность во всём мире». Эти новшества воспринимаются редакцией газеты как само собой разумеющееся, тогда как невключение в перечень естественных прав человека права на чистую окружающую среду вызывает искреннее разочарование. И это при том, что ещё пять лет назад вопрос реформы антивоенных положений конституции был в Японии строжайшим «табу» (22).

Япония давно шла к этому. Ещё в 1992 г. был принят Закон о международном сотрудничестве в вопросах поддержания мира, который, однако, долгое время был заморожен. Лишь осенью 2001 г. впервые после Второй мировой войны была санкционирована отправка отряда кораблей военно-морских сил страны в Индийский океан, правда только для оказания тыловой поддержки войскам США и союзников в Афганистане.

Более серьезным испытанием для японского миротворчества стала иракская война 2003 г., где встал вопрос об отправке японского контингента на настоящую войну. Однако, понимая необходимость, с одной стороны, поддержать США, а с другой — увеличить свой вес в международных делах, Япония принимает историческое решение — в 2004 г. её сухопутные силы первый раз за послевоенную историю перебрасываются в зону настоящего конфликта. Одновременно Япония делает решительный шаг на пути формирования эффективной национальной системы безопасности. Парламент страны большинством почти в 90% голосов принял в июне 2003 г. три закона, которые создали законодательную почву использования национальных вооружённых сил для отражения нападения извне (это звучит смешно, но, по меткому выражению одного из политиков, до этого японские танки должны были останавливаться на красный свет (23)).

Для Японии — это было своего рода революционным решением, и в 2005 г. в период празднования 60-летия Победы многие страны в очередной раз высказали свою позицию относительно расширения японских военных полномочий. США приветствовали принятие этих трёх законов, в первую очередь потому, что они «укрепляют основы японо-американского альянса» (хотя этот факт всячески умалчивался перед общественностью) и «Япония отныне сможет играть более значимую роль в обеспечении безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе и борьбе с терроризмом» (об этом говорилось особенно много и эмоционально) (24).

Азиатские соседи Японии дали отличную от американской оценку принятых документов. Учитывая милитаристское прошлое Японии, они традиционно очень настороженно относятся к любым шагам Токио в военной сфере. При отсутствии официальной критики в китайских средствах массовой информации высказывалось мнение, что речь идёт о «законодательной системе военного времени», которая «противоречит мирной конституции Японии». В Республике Корея эти законы вызвали резкое осуждение как правящей, так и оппозиционных партий: «мы считаем, что эти законы направлены на подготовку к войне и требуем дополнительных объяснений от японской стороны» (25).

Японское правительство постаралось заверить своих азиатских соседей, что Токио по-прежнему стремится к миру, хотя и готовится к войне, создавая на этот случай законодательную базу. Глава МИД Японии заявил, что принятые законодательные акты, хотя и существенно расширяют полномочия центральной власти в случае внешней агрессии, направлены лишь на «обеспечение безопасности страны» (26).

2005 г. — это 60-ая годовщина бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, о чём, естественно, рассуждают многие аналитики.

После того как Япония первая испытала на себе весь ужас последствий применения ядерного оружия, «ядерный вопрос» занимает особое место в общественном сознании. Пожалуй, это один из немногих военно-политических вопросов, обостренное общественное внимание к которому так и не удалось стереть в умах японцев. В стране есть огромное количество общественных организаций, выступающих за ядерное разоружение во всём мире. Можно сказать, вопросы ядерного оружия — это одна из немногих тем, где простые японцы способны мыслить глобально, а не в рамках лишь собственной страны.

Выход КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия и заявления Пхеньяна весной 2005 г. об обладании таким оружием добавили масла в огонь антиядерных настроений в Японии. США уведомили, что Пхеньян уже имеет «несколько» компактных ядерных боеголовок, которыми, по мнению американцев, вполне можно оснастить некоторые из имеющихся у КНДР около 200 баллистических ракет «Нодон» дальностью действия до 1300 км (27). Таким образом, в зону их досягаемости попадает практически вся территория Японии. После запуска подобной ракеты, перелетевшей территорию страны и упавшей в Тихом Океане, в августе 1998 г. и информации о тренировочных запусках ракет Северной Кореей в 2003 г. общественное мнение практически единодушно начинает выражать обеспокоенность отсутствием независимой прочной системы противоракетной обороны (28).

При полной общенациональной приверженности трём безъядерным принципам, руководство долгое время даже не могло заговорить о возможности каких-либо изменений в этой области. Но запуск Северной Кореей ракеты в августе 1998 г. произвёл на Японскую общественность такой шок, что в итоге было принято решение о начале совместных с американцами технических исследований в области противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД). Но на том этапе американская сторона мало рассчитывала на возможность перехода Японии от исследований к разработке и внедрению ПРО на своей территории в силу ряда бюджетных, политических и технических вопросов.

2003 г. принёс кардинальное изменение ситуации. В марте в самый разгар нового скандала вокруг северокорейской ядерной программы начальник Управления Обороны С. Исиба заявил, что правительство должно иметь право и средства в случае необходимости нанести удар по ракетной базе противника за рубежом. Именно тогда направляется запрос на выделение дополнительных средств в бюджете не на исследовательские работы, а на непосредственную разработку и внедрение собственной системы ПРО (в результате, в военном бюджете 2004 г. было запланировано 1,2 млрд. долл. на

подготовку первого этапа развертывания системы противоракетной обороны) (29).

На нынешнем этапе эти средства планируется использовать для установки вокруг столичной префектуры американских наземных зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» (PAC 3) и оснащения одного эсминца «Иджис» зенитными ракетами морского базирования «Стэн-дарт мисайл-3» (SM 3). Реализация этого проекта начнется в 2006 г. и должна завершиться к 2010 г. При условии выделения дополнительно не менее 5 млрд. иен к 2010 г. должно быть модернизировано 4 эсминца и развернуты 4 зенитно-ракетных группы с ракетами наземного базирования. Таким образом, заявляя о внедрении собственной системы противоракетной обороны, японцы, тем не менее, полностью зависят от США, а соответственно, становятся неотъемлемой частью именно американской системы ПРО, что накладывает определённые обязательства.

Планы размещения систем противоракетной обороны на своей территории непосредственно связаны с пересмотром трёх безъядерных принципов внешней политики, именно об этом заговорили в политических кругах Японии в 2005 г. Японские обозреватели заявляют, что необходимо пересмотреть саму суть военной концепции, так как ныне существующая ориентируется на реалии «холодной войны», и мало применима в случае, например, противостояния глобальной угрозе терроризма (30).

Открытое обсуждение этого вопроса ещё несколько лет назад казалось невозможным, а сейчас во всеуслышание говорится не только о модернизации оборонных систем, но и возможности создания собственного ядерного оружия. При этом подобные дискуссии не встречают особого сопротивления в обществе.

* * *

Как видно из приведённых выше фактов в контексте 60-й годовщины окончания Второй мировой войны, наблюдается явная тенденция активизации политических настроений в стране. Насколько она существенна и к каким результатам она приведёт, пока судить трудно. Можно констатировать лишь тот факт, что теперь общественное мнение позволяет и даже поддерживает открытое обсуждение военной реформы и пересмотра безъядерных принципов, что было немыслимо ещё несколько лет назад.

В целом в японской прессе имела место значительная активизация споров и рассуждений историков и политологов в связи с празднованием 60-й годовщины окончания Второй мировой войны. Четыре

основных направления, в которых велись дискуссии — неопенимая роль США в Победе над фашизмом и восстановлении послевоенной Японии, критика и осуждения в адрес действий бывшего Советского Союза и нынешней России, это необходимость анализа и возможность пересмотра некоторых основ японской системы национальной безопасности, заложенных 60 лет назад, и конечно, попытки приукрасить собственное военное прошлое.

Обобщая все вышесказанное можно утверждать, что празднование 60-й годовщины окончания Второй мировой войны — дало новый импульс для обсуждения и анализа непростых проблем и вопросов, которые поставила история перед японским государством в 1945 г. Для Японии эта дата очень важна и по-своему эпохальна, 60 лет — это значительный срок для государства, когда уже можно оценить достигнутые результаты. Признавая то, что за этот исторический период Япония сделала небывалый рывок вперёд в области экономики, одновременно необходимо признать, что все остальные вопросы поставленные Второй мировой войной остаются открытыми. Конечно, время стирает в памяти поколений всю остроту этих проблем, но многие факты доказывают, что эти проблемы и по сей день актуальны и влияют на всю политическую ситуацию в мире. Можно даже говорить о том, что в отличие от Германии и Италии, Япония единственная страна, которая даже через 60 лет ещё не преодолела свой комплекс побежденной державы.

Пожалуй, основной мыслью нынешней публикации можно считать комментарий, написанный журналистом японской газеты «Иомиури» после возвращения с праздничных торжеств в Москве в мае 2005 г.: «Наблюдая присутствие премьер-министра Японии Дз. Коидзуми на параде Победы, символизирующем спокойствие и стабильность в мире, с горечью приходится признать то, что Япония за 60 мирных лет не избавилась от груза и боли военных проблем, и до сих пор не смогла решить многие вопросы, поставленные ещё в 1945 году» (31).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Санкэй. 08.05.2005.
2. Ёмиури. 08.05.2005.
3. Сэкай Ниппо. 10.05.2005.
4. Иомиури. 10.05.2005.
5. Майнити. 10.05.2005.
6. *Takahashi K.* Ending the Russia-Japan Impasse: fresh thinking on the Kurils //Japan Focus. 27.04.2005.

7. Асахи. 12.03.2005.
8. Майнити. 10.05.2005.
9. Асахи. 19.04.2005.
10. Асахи. 15.03.2005.
11. Тоаниппо. 11.03.2005.
12. Нихон Кэйдзай. 10.05.2005.
13. U.S. B-29 veterans recall A-bombings //The Japan Times. 12.05.2005.
14. The Japan Times. 26.07. 2005.
15. Речь министра иностранных дел Н. Матимура «Глобальная стратегия Японии и японо-американский союз в контексте 60-й годовщины окончания Второй мировой войны». 29.04.2005.
16. Gaiko forum. Aug.2005.
17. Майнити. 10.05.2005.
18. Акахата. 01.08.2005.
19. Нихон сэйрон (Японское общественное мнение), сборник материалов. — Токио, 2005. С.49.
20. Иомиури. 16.04.2005.
21. Иомиури. 15.04.2005.
22. Иомиури. 02.08.2005.
23. Заседание совета по оборонной политике Палаты представителей Парламента Японии. 02.04.2002.
24. Иомиури симбун 20.07.2005.
25. ИТАР ТАСС. 16.06.2005.
26. Асахи симбун. 29.06.2005.
27. Нихон кэйдзай. 05.08.2003.
28. Санкэй симбун. 05.06.2005.
29. Асахи. 12.05.2005.
30. Асахи. 30.04.2005.
31. Ёмиури. 14.05.2005.

Александр ВЛАДИМИРСКИЙ

ПРЕДЪЮБИЛЕЙНАЯ
«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ»:
ПАКТ МОЛОТОВА–РИББЕНТРОПА,
ОККУПАЦИЯ ПРИБАЛТИКИ И КАТЫНСКОЕ ДЕЛО
В РОССИЙСКИХ СМИ И ИНТЕРНЕТЕ

Главными проблемами войны 1939–1945 гг., вызвавшими наибольший резонанс в российском обществе и отразившимися в СМИ, были: пакт Молотова–Риббентропа; вопрос об оккупации республик Прибалтики и восточных польских воеводств Красной Армией, а также Катынское преступление в контексте современных российско-польских отношений. В российском обществе по поводу всех этих вопросов постепенно происходит возвращение к несколько модернизированным мифам советского времени. Что любопытно, наблюдается значительная степень единства государства и общества. Первое видит в реанимации несколько подновленных старых мифов инструмент своей внешней и внутренней политики, второе — возможность в памяти о великом прошлом найти средство ухода от не слишком радужной современной действительности и преодоления комплекса неполноценности, порождаемого сегодняшней значительной отсталости России от стран «золотого миллиарда». Здесь порой объединяются и элита, и массы, и профессиональные историки, и профессиональные политики. Историческая же истина на практике становится служанкой политической и социально-психологической конъюнктуры.

ПАКТ МОЛОТОВА–РИББЕНТРОПА: ЭКСПАНСИОНИЗМ,
ОШИБКА ИЛИ ЗАБОТА О БЕЗОПАСНОСТИ СССР?

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. остался в центре общего внимания потому, что с его оценкой и интерпретацией связаны также оценка обстоятельств вступления СССР во

Вторую мировую войну и советские цели в этой войне. Практически позиция историков и публицистов по истории войны в целом оказалась в прямой зависимости от их отношения к советско-германскому пакту и советским военным целям. Дополнительную остроту проблеме пакта придаёт её роль в современной российской внешней политике. Именно с разной оценкой советско-германского соглашения и его последствий связаны основные проблемы в отношениях России со странами Балтии и Польшей, в том числе вопрос об оккупации и аннексии государств Прибалтики и восточных воеводств Польши и квалификация Катыни как военного преступления или преступления против человечности.

Историки консервативного, или националистического направления, считают пакт с Германией о ненападении законным средством обеспечения безопасности Советского Союза, а также естественным продолжением Сталиным политики русских царей по установлению контроля над Востоком Европы. Так, депутат Госдумы от фракции Родина историк Наталья Нарочницкая в разных СМИ озвучила мнение о том, что договор о ненападении между СССР и Германией представлял собой «совершенно нормальный по тем временам договор, каких история знает невероятное множество». Она же полагает, что «войну СССР выиграл не как носитель коммунистической идеи, а в своей ипостаси Великой России» (1).

Тезис о связи советско-германского пакта и Мюнхенского соглашения повторяет обозреватель РИА «Новости» Виктор Литовкин: «Можно сколько угодно упрекать советское правительство за “пакт Молотова-Риббентропа”, поделивший земли некоторых восточно-европейских стран между Германией и СССР. В нынешней России к нему тоже неоднозначное отношение. Но всё-таки не надо забывать... кто именно перед 1939 годом начал этот самый “делёж континента”, кто первым стал “сдавать” суверенные европейские государства, чтобы умаслить фашистского агрессора и оккупанта. А сделали это 29 сентября 1938 года в Мюнхене глава французского правительства господин Даладье и глава правительства Великобритании господин Чемберлен. Принимали их “щедрый подарок” сам фюрер — Адольф Гитлер и его ближайший итальянский друг и соратник Бенито Муссолини» (2).

Противоположной точки зрения придерживается известный историк Вячеслав Дашичев. Он считает заключение пакта с Германией одновременно и ошибкой, и проявлением экспансионистских замыслов Сталина, которые он деликатно именуется намерением «расширить зону социализма». Историк полагает, что одной из главных целей Сталина при заключении пакта о ненападении было «дать Гитлеру свободу рук на Западе»: «Пусть его вермахт завязнет на

линии Мажино. А когда стороны взаимно ослабят друг друга, Советский Союз окажется в состоянии и дальше выполнять свою мессианскую роль в расширении советского господства в Европе». Насчёт же распространённого оправдания пакта Молотова–Риббентропа предшествовавшим Мюнхенским соглашением, то Дашичев отмечает, что «ни Франция, ни Англия не имели никакого желания воевать с Германией в одиночку, без третьего стратегического звена былой Антанты — России. Вступать в войну с Германией из-за Судет обеим державам не позволял глубокий политический и идеологический раскол между державами, призванными противостоять нацистской экспансии». Кроме того, из-за сталинских чисток западные союзники «очень низко оценивали тогдашнюю боевую мощь Советского Союза и не могли серьёзно рассчитывать на его поддержку» (3).

По мнению Дашичева, в 1939 г., после оккупации Гитлером Чехословакии, «ни о каком союзе между Англией, Францией и Германией, направленном против Советского Союза, не могло быть речи. Наоборот, Англия и Франция были открыты для союза с Россией, и Сталину ничего не стоило протянуть им руку, чтобы этот союз возник и преградил Гитлеру путь к развязыванию Второй мировой войны. Не сделав этого, Сталин совершил тягчайшую ошибку, имевшую самые тяжёлые последствия и для нашей страны».

Думается, что тезис об «ошибках» Сталина в принципе ошибочен. Сталин отнюдь не ошибался, а, заключая пакт с Гитлером, рассчитывал на втягивание Германии в мировую войну с западными союзниками и на оккупацию Красной Армией значительных территорий в Восточной Европе. По итогам Второй мировой войны он получил контроль не только над государствами-лимитрофами, но и над Балканами и частью Германии, а какой ценой это было достигнуто, Сталина не волновало. Возможность же союза с западными демократиями против Гитлера без каких-либо серьёзных территориальных приобретений была для Сталина абсолютно не интересна.

Интересно, что телеобозреватель Михаил Леонтьев в эфире радиостанции «Эхо Москвы» 29 июля 2005 г., отказываясь осудить советско-германский пакт как нарушение международного права, в то же время утверждал, что он отнюдь не был ошибкой ни с советской, ни с германской стороны: «Никому из участников пакта Риббентропа–Молотова не приходило в голову, что это союз. Никому: ни Гитлеру, ни Риббентропу, ни Сталину, ни Молотову не приходило в голову, что это союз... Им приходило в голову, что это игра с врагом определённая против другого врага. Чтобы не остаться одному против всех врагов. Такое тоже бывало. Вот этого в голову не приходило. Только латышским поселянам приходит в голову, что Сталин с Гитлером заключил союз с исключительной целью — отравить жизнь латыш-

ских поселян. Больше ему делать было нечего» (4). Здесь журналист всё же лукавит. Ведь Сталин определённо хотел посредством соглашения с Гитлером Латвию, как и другие государства Прибалтики, включить в состав СССР, что явно не пошло на пользу местному населению.

Оправдание всех деяний Сталина, в том числе и раздела Европы по секретным протоколам к российско-германскому пакту о ненападении, его сторонники видят в политике западных держав, якобы проникнутой «русофобией» и направленной на ослабление и даже уничтожение СССР. Отставной дипломат и партийный функционер Валентин Фалин утверждает: «К моменту высадки союзников на континент был приурочен и заговор против Гитлера. Приведённые к власти в Рейхе генералы должны были распустить Западный фронт и оторвать американцам и англичанам простор для оккупации Германии и “освобождения” Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Австрии... Красная Армия должна была быть остановлена на границах 1939 года». Он также спрашивает и отвечает: «Была ли у Советского Союза в 1939 году альтернатива заключению пакта о ненападении с Германией? Разумеется. При условии, что западные демократы оставили бы Москве выбор» (5). Фалин уверен, что западные союзники, отказавшись в 1939 г. от договоров с СССР, «не оставили советскому руководству иного выбора, как заключить с Германией договор о ненападении (известный как Пакт Молотова–Риббентропа)» (6).

У историков националистического направления проявляется тенденция считать победу в войне победой исключительно Советского Союза. Например, Н. Нарочницкая пишет: «Не будь Великой Победы СССР во Второй мировой войне, не было бы ни Латвии, ни Литвы, ни Эстонии, ни Польши. Если бы не наша Победа, эти страны вообще исчезли бы с карты» (7).

Возражая Фалину, американский историк Пол Гобл, преподаватель «Евроколледжа» в Тарту (Эстония), накануне юбилея заметил: «Чем ближе становится годовщина победы 9 мая, тем больше жителей России, как и Фалин, считает, что Запад не только ополчился против их страны сейчас, но и делал это в прошлом. Слова Фалина лишь отражают эту тенденцию, но, поскольку его речь распространяется одной из крупнейших новостных служб России, они ещё и формируют общественное настроение в соответствующем ключе» (8).

Сама по себе экспансионистская политика Сталина, направленная на установление контроля, как минимум, над Восточной Европой, с одной стороны, не позволила предотвратить Вторую мировую войну в 1939 г., а, с другой, взвалила в 1945 г. на советскую экономику непосильное бремя сверхдержавы. Характерно, что российская офи-

циальная позиция по поводу пакта Молотова–Риббентропа совпадает, судя по анализу СМИ, со взглядами большинства российских публицистов и практически вернулась к идущей ещё со сталинских времен увязке советско-германского договора о ненападении с Мюнхенским соглашением. Президент Владимир Путин 22 февраля 2005 г. в интервью словацким СМИ заявил, что пакт Молотова–Риббентропа был спровоцирован Мюнхенским соглашением и принципиально ничем от него не отличается. Буквально было сказано следующее:

«Что же касается тех, кто хочет или пытается переписать историю, принизить значение этого события и значение в победе над нацизмом Советского Союза и Красной Армии, Советской Армии, то мы понимаем, с какими событиями это связано. Часто вспоминается, скажем, пакт Молотова–Риббентропа, в результате которого как бы произошёл сговор между Советской Россией, Советским Союзом и гитлеровской Германией, и в последующем была аннексирована Прибалтика.

Ну что можно сказать на этот счёт? На все это нужно смотреть в контексте исторических событий. И я бы тогда попросил вас вернуться к событиям сентября 1938 года, когда в Мюнхене были подписаны известные соглашения между нацистской Германией и западноевропейскими странами, которые позднее вошли в историю и называются часто Мюнхенским сговором.

Напомню также, что со стороны западных союзников их подписали: Даладьё — по-моему, от Франции, и премьер-министр Великобритании, а с другой стороны — Муссолини и лично Гитлер.

Советско-германский документ был подписан на гораздо более низком уровне — на уровне министров иностранных дел — через год, в ответ на подписание западными странами договора, который сегодня называется Мюнхенским сговором. Напомню также — и для вас как для словаков, наверное, это имеет особое значение: тогда в результате Мюнхенского сговора на растерзание нацистской Германии была отдана Чехословакия, и западные партнеры как бы показали Гитлеру, куда надо идти для того, чтобы реализовать его растущие амбиции, — на Восток. С целью обеспечения своих интересов и своей безопасности на западных рубежах Советский Союз пошел на подписание этого пакта Молотова–Риббентропа с Германией.

Вот если в этом контексте мы будем смотреть на проблему, которая сегодня выпячивается, то она смотрится совсем по-другому. И я бы рекомендовал новоявленным историкам или, точнее, тем, кто хочет переписать историю, прежде чем переписывать её и прежде чем писать книжки, научиться их читать» (9).

Президент Путин, как и большинство российских историков, при этом предпочёл не уточнять, что Англия и Франция, заключив по-

стыдную сделку с Гитлером за счёт Чехословакии, сами никаких территориальных приобретений за счёт этого соглашения делать не собирались. Даладые и Чемберлен рассчитывали, что Судеты станут последним приобретением Германии, и Мюнхен даст Европе долгий мир. Сталин же, идя на договор с Гитлером, прекрасно знал, что тот в ближайшие дни собирается напасть на Польшу, и выговорил себе значительные территории в Восточной Европе. А уж аргумент насчёт того, что Мюнхенское соглашение более значимо, чем советско-германский пакт, поскольку было подписано главами государств, а не министрами иностранных дел, способен только вызвать улыбку.

Позднее, 28 апреля 2005 г., множество СМИ обратили внимание на то, что при посещении Израиля Путин вновь поставил Мюнхенское соглашение и советско-германский пакт о ненападении на одну доску. Когда сотрудник мемориального центра «Яд-вашем» Арон Шнейдер заявил, что оккупацию Польши открыл пакт Молотова–Риббентропа, президент России не согласился с этим. Он заявил: «Мюнхенский сговор был раньше, и поэтому нельзя сказать, что к оккупации Польши привёл исключительно один пакт» (10). Практически это означает возвращение к сталинской позиции первых лет «холодной войны».

В то же время, в вопросе об оценке пакта Молотова–Риббентропа официальная российская позиция сегодня уже не пользуется столь же безусловной поддержкой со стороны населения, как в случае с отрицанием советской оккупации Прибалтики. Как отмечает американский политолог Пол Гобл, опрос 2100 человек, проведённый в июне 2005 г. по всей России об оценке советско-германского пакта о ненападении, показал, что только «30 процентов россиян согласны с положительной оценкой Пакта, а 28 процентов с этим не согласны, считают это ошибкой. Можно сказать, что россияне почти поровну разделены между сторонниками и противниками Пакта. Такие результаты представляются особенно примечательными в свете того, что опрос проводился по следам торжеств по случаю 60-летия окончания Второй мировой войны в Европе. Это было празднование, и оно было отмечено празднованием почти всего, что делал Советский Союз между 1939 и 1945 годами. В этом контексте тот факт, что почти 30 процентов готовы считать Пакт Риббентроп–Молотов ошибкой, даже преступлением, которое привело к разделу Европы между двумя диктаторами, чрезвычайно примечателен. Он показывает, насколько неэффективна мифология, культивируемая сегодня Кремлем» (11).

Показательно и то, что до 40% опрошенных не дали определённой оценки пакту, в том числе, очевидно, из-за равнодушия к этому событию. Вероятно, здесь сказались то, что ещё в эпоху перестройки пакт 1939 г. подвергся безусловному осуждению как властью, так и обществом и был негативно оценен в специальном постановлении

Съезда народных депутатов в 1989 г. Поэтому нынешние попытки его оправдания не воспринимаются массами слишком серьезно. Большинство либо осуждает пакт, либо вообще не проявляет к нему большого интереса, тем более, что мало кто связывает какие-либо последствия договора с современной жизнью. В частности, положение русскоязычных меньшинств в Прибалтике в массовом сознании отнюдь не ассоциируется с пактом Молотова–Риббентропа. Включение Прибалтики в состав СССР воспринимается без прямой связи с советско-германским сговором, то ли как результат народного волеизъявления, то ли как реализация плана, направленного на обеспечение безопасности СССР.

ОККУПАЦИЯ ПРИБАЛТИКИ: НА ЗАЩИТЕ ИМПЕРИИ

Гораздо более острой проблемой, чем вопрос о пакте Молотова–Риббентропа как таковым явился в СМИ вопрос об оккупации и аннексии Советским Союзом государств Прибалтики. Фактически эта проблема также была создана пактом Молотова–Риббентропа и советской политикой 1939–1945 гг., но приобрела уже самостоятельное значение, в течение уже 15 лет отравляя отношения России с государствами Балтии. Когда речь заходит о признании Москвой факта советской оккупации и аннексии, в голосе российских официальных лиц начинает звучать металл, обильно сдабриваемый непарламентскими выражениями, в чём наблюдается единство с националистической публицистикой. В вопросе об оккупации Прибалтики лишь очень немногие российские историки и публицисты разделяют тезис об оккупации Прибалтики (12). Даже те историки, которые в целом осуждают пакт Молотова–Риббентропа, здесь стоят на точке зрения отрицания оккупации. Например, В. Дашичев настаивает: «Президенты Литвы и Эстонии не пожелали приехать в Москву, чтобы почтить память десятков миллионов убитых в борьбе против нацистской тирании. Но ведь со сталинизмом уже давно покончено. Осуждены его преступления. Много лет не существует и Советского Союза. Поэтому совершенно несостоятельны попытки взвалить вину на Россию и её нынешнее руководство за преступления Сталина, за его тоталитарный режим и мессианскую политику расширения коммунистического господства. Кроме того, позиция, занятая главами балтийских государств, выглядит оскорблением для русского народа, который понес во сто крат большие потери от сталинского террора, чем латыши, литовцы и эстонцы в результате раздела Восточной Европы между Гитлером и Сталиным» (13).

Такое единение патриотов и либералов объясняется, с одной стороны, опасениями, что признание факта оккупации может ухудшить положение русских в Латвии и Эстонии. С другой стороны, признание факта оккупации кажется умалением жертв советского народа, понесённых в том числе при изгнании немецких войск из Польши и Прибалтики.

Гораздо последовательнее в своих позициях представители консервативного, или националистического направления. Так, Н. А. Нарочницкая полагает, что «оккупация — это юридическое понятие, которое означает неравенство в правах завоевателей и завоёванных. Государство и его законы могут быть плохими, но если все граждане перед лицом этих законов равны, то об оккупации не может быть и речи! Латыши обладали всей полнотой прав, они становились учёными, инженерами, художниками, артистами, были представлены во всех структурах власти, получали государственные премии! Развивались культура, литература, искусство, язык! Это ли оккупация?» (14).

Но, в таком случае, например, нельзя говорить и об оккупации Австрии Германией в 1938 г., поскольку австрийские земли сразу же были включены в состав Рейха на правах гау (областей), а все этнические австрийцы получили абсолютно равные права с немцами Германии.

Такую же игру со словом «аннексия» предпринял автор одного из латвийских русскоязычных сайтов Святослав Черниченко: «Аннексия — насильственное присоединение к государству территории другого государства (всей или части). Но между тем до Второй мировой войны не всякая аннексия рассматривалась как противоправная и недействительная. Это связано с тем, что принцип, запрещающий прибегать к силе или угрозе её применения, ставший одним из основных принципов современного международного права, впервые был закреплён в 1945 году в Уставе ООН. Надо отметить и то, что аннексии не обязательно предшествовала оккупация — она могла быть следствием только угрозы» (15).

Опять определения, принятые после войны, переносятся на военные годы, и придумывается теоретическая возможность аннексии без оккупации, примеров чего, однако, невозможно найти во всей истории человечества. Ведь для того, чтобы присоединить территорию против воли её населения, т. е. аннексировать, над этой территорией и населением надо прежде установить эффективный контроль, т. е. оккупировать.

Виктор же Литовкин, отвечая на критику французского историка Флорена Афтальона, профессора Высшей школы экономических наук и коммерции, договорился до совершенно замечательного пассажа: «Очень странно слышать упреки в “оккупации” трёх небольших

республик Прибалтики, занимающих площадь в 174 тыс. кв. км, от гражданина страны, чьи войска в эти же годы занимали чужие территории размером в 9,7 млн. кв. км. Сравните тысячи квадратных километров и миллионы! И при этом эти войска методично уничтожали население Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Алжира, Туниса, Марокко, Мадагаскара и других азиатских и африканских государств. Причём, делалось это не по приказу коммунистов, Советов или НКВД, а вполне демократических по нынешним меркам правительств» (16). Пожалуй, это едва ли не единственный случай в российских СМИ, когда страны Балтии в составе СССР прямо сравниваются с колониями европейских держав.

Отметим, что в странах Балтии у большинства или, по крайней мере, у значительной части русскоязычных «неграждан» вообще сохраняется советское самосознание, которое фактически и обозначает термин «русскоязычные». Факт оккупации стран Балтии СССР теперь признан Евросоюзом и США, но для местных русскоязычных, многие из которых — или советские военные пенсионеры, или их потомки, очень трудно признать, что Прибалтика в 1940–1991 гг. была под советской оккупацией. Субъективно они не могут считать себя оккупантами или потомками оккупантов. И их самосознание совпадает с самосознанием значительной части российского общества, испытывающей ностальгию по советскому прошлому.

Практически носители такого сознания давно уже создают «альтернативную историю», не совпадающую с той, что принята в европейских странах и, в частности, в бывших государствах-лимитрофах — странах Балтии, Польше и Финляндии. Здесь очень показательны материалы дискуссии на одном из русскоязычных сайтов Латвии на тему «Развенчиваем миф об “оккупации” и восстановим правдивую историю Латвии» (17). Большинство русскоязычных участников отвергают официальную трактовку истории Второй мировой войны и роли СССР, принятую в Латвийской республике. Один из них, выступающий под псевдонимом «Бриз», отвечая своему латышскому оппоненту, заявил: «Вы можете ссылаться на решение Нюрнбергского Трибунала в отношении аншлюса Австрии или на какое-то сексуальное преступление. Но из этого не следует, что Латвия была оккупирована. Нет судебного решения о вине преступника СССР в отношении жертвы Латвии. Это факт. Военных действий между армиями СССР и Латвии не было. Это факт. Ввод советских войск и создание нового правительства были легитимизированы президентом Латвии. Советские войска встречались с цветами».

Другая русскоязычная участница дискуссии, выступившая под псевдонимом «Лена», очень точно, как кажется, определила причины, почему у разных народов и у разных групп внутри одного народа

существуют мало похожие друг на друга «альтернативные истории»: «Причиной столь странного и совершенно разного отношения к историческим событиям, по-моему, является отнюдь не желание человека узнать правду о дне вчерашнем, а желание комфортно жить в дне сегодняшнем (фанаты-историки являются крайне редким исключением). Именно поэтому так отличаются трактовки одного и того же исторического события у разных людей и разных народов... В прошлом человек ищет опору и оправдание для настоящего».

Почему латыши так упорно цепляются за свою трактовку вхождения Латвии в СССР (даже те, кто сам это пережил)? Потому, что этот их вариант событий дней минувших (да и дней настоящих тоже) оправдывает (в первую очередь для них самих, и только во вторую — для окружающих Европ и пр.) их нынешние поступки, позволяет, творя явное беззаконие, оставаться в первую очередь в своих собственных глазах “белыми и пушистыми”, гарантирует психологический комфорт. И все остальные исторические события трактуются (или сочиняются) только и исключительно в пользу латышского народа (изредка делая реверанс просвещенной Европе) именно для этого.

Поэтому давайте вспомним, что к абсолютной истине можно только стремиться, но реально она — относительна.

И я согласна с Прибалтом (ещё один участник — А. В.) — у русских должна быть своя версия событий (чем ближе к реальной — тем лучше), которая снимет с них навязанный латышами и прочими “историками” “комплекс вины” за какие-то мифические преступления, позволит гордо поднять голову и реально в лучшую сторону изменить своё настоящее и будущее. Но вот если такого желания у нас пока нет (не следует удивляться, что человек, образно говоря, не хочет “умереть стоя”, а предпочитает относительно комфортно “жить на коленях”), то лучше сохранить существующую в Латвии на данный момент трактовку исторических событий, чтобы иметь возможность оправдывать своё нынешнее положение в своих собственных глазах псевдоисторической версией “исторической вины русского народа”».

Эти выводы вполне применимы и к ситуации в России, причём не только в отношении к проблеме оккупации Прибалтики, но и к другим наиболее болезненным для национального самосознания вопросам истории Второй мировой войны. В этих «альтернативных историях» факты и их интерпретация в основном подбираются с точки зрения соответствия «своим» интересам и собственного психологического комфорта. Такая «альтернативная история» есть и у коренных народов стран Балтии. Просто в вопросах оккупации и пакта Молотова–Риббентропа она оказывается ближе к исторической истине, чем и вызвана поддержка позиции Литвы, Латвии и Эстонии со стороны Евросоюза и США.

Официальная российская позиция в вопросе о советской оккупации Прибалтики практически полностью совпала как с мнением российских националистических историков, так и с позицией публицистов, представляющих русскоязычные меньшинства в странах Балтии. В юбилейный год она неоднократно озвучивалась на самом высоком уровне. А 10 мая 2005 г. на пресс-конференции по итогам саммита ЕС–Россия В.В. Путин в наиболее развёрнутом виде изложил российскую позицию в отношении реалий Второй мировой войны применительно к отношениям России со странами Балтии: «Мы готовы к подписанию договора по границе, о котором Вы спрашивали, и с Эстонией, и с Латвией. Надеемся, что они не будут сопровождаться дурацкими по своему содержанию требованиями территориального характера. Сегодня в Европе, в XXI веке, когда одна страна предъявляет территориальные претензии другой и одновременно хочет ратифицировать договоры по границе, это полная чушь, “сапоги всмятку”. Это не соответствует ни духу строительства общеевропейского дома, ни смыслу того, что мы делаем с Евросоюзом. Мы готовы набраться терпения, подождать, пока наши коллеги, которые додумались до фантазий подобного рода, созреют для реальной работы и будут действительно готовы к подписанию этих документов».

Тут последовал вопрос-возражение корреспондента Эстонского телевидения: «Какие территориальные требования есть у Эстонии? Насколько я знаю, их нет. Так о чём Вы говорите? И другой вопрос. Почему Вам так тяжело сказать: “Извините за оккупацию”? Потому что, если бы Вы сказали, мы могли бы очень легко вместе жить».

Путин ответил: «Спасибо Вам большое за Ваш вопрос. Он очень кстати. Начну с последнего. Вы так хорошо говорите по-русски, что, уверен, и читаете не хуже. Возьмите, пожалуйста, постановление Съезда народных депутатов 1989 года, где чёрным по белому написано: Съезд народных депутатов осуждает пакт Молотова–Риббентропа и считает его юридически несостоятельным. Он не отражал мнение советского народа, а являлся личным делом Сталина и Гитлера.

Что ещё можно сказать более точно и ясно по этому вопросу? Или Вы хотите, чтобы мы делали это каждый год? Что ещё нужно сказать, как Вы считаете? Мы считаем, что этот вопрос закрыт. Всё. Возвращаться к этому больше не будем: сказали один раз — достаточно.

Теперь по поводу оккупации. Я полагаю, что в 1918 году в результате Брестского мира состоялся сговор между Германией и Россией, и Россия передала часть своих территорий под контроль Германии фактически. С этого началась сегодняшняя эстонская государственность. А в 1939 году состоялся другой сговор между

Россией и Германией, и Германия возвратила назад России эти территории. В 1939 году они вошли в состав Советского Союза. Хорошо это было или плохо? Сейчас не будем говорить об этом — это история. Я думаю, что это был опять сговор, разменной монетой в котором были малые государства и малые народы. К сожалению, таковы были реалии той жизни, так же как и реалии колониального прошлого европейских стран, так же как и использование рабского труда в Соединённых Штатах. Ну что же мы теперь каждый день будем позволять мёртвым хватать нас за рукава и мешать идти вперёд?

Значит, если в 39-м году прибалтийские страны вошли в состав Советского Союза, то в 45-м Советский Союз не мог их оккупировать, потому что они были его частью (так в официальной стенограмме. В реальности, как я покажу ниже, эти слова прозвучали несколько иначе. — *А.В.*). Я хоть и не очень хорошо, может быть, учился в университете (потому что пива много пил в свободное время), но всё-таки кое-что ещё помню из этого, кое-что у меня в голове ещё осталось: у нас были хорошие преподаватели. Это по второму вопросу.

Преыдуший вопрос, связанный с урегулированием пограничной ситуации с Эстонией. У нас нет проблем с Эстонией, слава Богу.

К чести эстонских партнеров надо сказать, что они заняли прагматичную позицию в своих национальных интересах

Что касается других вопросов территориального характера, то такие вопросы есть с Латвией, которая, по сути, поставила вопрос о передаче им Пыталовского района Псковской области, со ссылкой на договор 1920 года. Латвия готова, как они заявили нам, подписать с нами договор о границе, но в текст этого договора о границе хотят включить оговорку и ссылку на договор 20-го года, по которому Пыталовский район относится к территории Латвии.

Вы знаете, в результате распада Советского Союза Российская Федерация потеряла десятки тысяч (кв. километров. — *А.В.*) своих исконных территорий. И что, Вы предлагаете сейчас начать все делить сначала? Вернуть нам Крым, часть территории других республик бывшего Советского Союза и так далее? Давайте Клайпеду вернём нам тогда. Давайте сейчас начнём всё делить в Европе. Вы этого хотите? Ведь нет, наверное? Мы призываем латышских политиков прекратить заниматься политической демагогией и перейти к конструктивной работе. Россия готова к такой работе» (18).

Однако в телеэфире и в иностранных источниках отмеченное выше место звучало иначе: «Если в 1939 году страны Балтии вошли в состав СССР, то в 1941 году мы никак не могли их оккупировать, так как они уже были частью Советского Союза» (19).

Строго говоря, и насчёт 1939 г. Путин ошибся, но это точно — оговорка по Фрейду, поскольку российский президент, похоже, искренне считает, что фактически государства Прибалтики стали советскими сразу же после пакта Молотова–Риббентропа, когда Гитлер уступил Сталину эти территории, и туда вошли советские войска. Что же касается 1941 г., о котором в действительности говорил Путин, вместо правильного 1945 г. — времени, когда Красная Армия завершила изгнание германских войск из Прибалтики, то, возможно, президент подсознательно хотел ответить правдиво. Ведь с формальной точки зрения он не погрешил против истины — в 1941 г. Красная Армия никак не могла оккупировать Прибалтику, поскольку она сделала это в 1940 г., когда значительные контингенты советских войск были введены в Прибалтику под угрозой применения силы, а местные правительства были по требованию Москвы в один день заменены на просоветские. В 1944–1945 же годах, в момент вторичного прихода Красной Армии, Прибалтика, строго говоря, была частью рейхскомиссариата «Остланд», управлявшегося германской оккупационной администрацией.

В общем, президент Путин так волновался, категорически отрицая это, что совершенно запутался в датах, и политологам пришлось решать настоящий ребус. Тезис же насчёт того, что Россия приняла превращение не всегда выгодных для неё административных границ между союзными республиками в государственные, то республики Прибалтики в принципе не считают себя членами Союза, а лишь насильственно присоединёнными территориями, и потому никак не могут оценить жертвы, принесённые Россией ради умиротворения других союзных республик, хотя и не выдвигают к ней никаких территориальных претензий.

Балтийскую тему президент России продолжил 23 мая 2005 г. на встрече с журналистами «Комсомольской правды». На этот раз Путин утверждал: «Что касается политической составляющей, то, как вы знаете, у нас подписан договор по границе с Эстонией. И мы сознательно пошли на это. Вне зависимости, повторяю, от демаршей со стороны некоторых политиков прибалтийских, в том числе эстонских. Переговорный процесс шёл долго, очень сложно. Там, кстати говоря, тоже на первоначальном этапе были и территориальные вопросы, и территориальные претензии. И вы мою позицию знаете хорошо. Российская Федерация при развале Советского Союза с целью избежать развития на постсоветском пространстве по югославскому сценарию пошла на беспрецедентные в истории человечества жертвы, отдала десятки тысяч квадратных километров своих исконных территорий. Хорошо или плохо — сейчас не будем об этом говорить. Но это произошло. И теперь выслушивать всякие бредни по поводу

того, что мы какие-то там пять километров кому-то должны, абсолютно недопустимо.

Но, повторяю, мне кажется, что это делают люди не в расчёте на то, чтобы что-то получить территориальное от России. А в расчёте на то, чтобы разжечь и испортить отношения. Мы не должны помогать этим людям решать их задачи. И не будем этого делать. Естественно, никогда не будем вести никаких переговоров на платформе даже обсуждения каких бы то ни было к нам территориальных претензий. Пыталовский район Псковской области? От мертвого осла уши им, а не Пыталовский район» (20).

В данном случае в утверждениях президента также содержится определённая передержка. Дело в том, что страны Балтии официально признали сложившиеся при распаде СССР границы и территориальных претензий к России не выдвигают. Они требуют лишь признания факта оккупации и аннексии, без каких-либо международно-правовых выводов из этих фактов для сегодняшнего дня.

В целом российская сторона, которую активно поддерживают русскоязычные СМИ стран Балтии, последовательно отстаивает тезис о том, что не было ни аннексии, ни оккупации, а было добровольное вхождение народов Прибалтики в состав СССР после первых в этих странах свободных выборов, проведённых в июле 1940 г. Выборы служат прежде всего аргументом против признания факта аннексии. При этом намеренно игнорируется тот факт, что выборы проводились фактически под дулами советских винтовок. Выборы в местные парламенты прошли по принципу — один кандидат от нерушимого блока беспартийных на одно место. Причём этот блок во всех трёх государствах назывался одинаково — «Союз трудового народа». Присутствовавшие на участках люди в штатском брали на заметку тех, кто кандидатов вычёркивал или бросал в урны пустые бюллетени. Естественно, коммунисты получили во всех трёх республиках более 90% голосов — в Эстонии 92,8%, в Латвии 97%, а в Литве аж 99% (21).

Эстонские политики, однако, не долго проходили в прагматиках в путинском представлении, а проблемы в вопросе российско-эстонского пограничного договора исчезли всего на месяц с небольшим. В закон о ратификации эстонский парламент включил декларацию, содержащую ссылки на документы, упоминающие о фактах оккупации и аннексии Эстонии Советским Союзом, а также на российско-эстонский договор 1920 г., признававший эстонской часть территории нынешней Псковской области. После этого российская сторона отозвала свою подпись под пограничным договором от 18 мая 2005 г., создав дипломатический тупик.

В Москве прежде полагали, что отсутствие договоров о границе с Латвией и Эстонией затруднит вступление стран Балтии в НАТО и ЕС. В уставах этих организаций есть соответствующие пункты, предусматривающие, что страны-кандидаты не должны иметь нерешённых территориальных проблем с соседями. Однако на практике отсутствие договоров о границе с Россией никак не затруднило вступление балтийских государств в Евросоюз и Североатлантический пакт. Ведь ни Литва, ни Латвия, ни Эстония территориальных претензий к России не выдвигают, и Москва также официально не претендует на территорию этих стран. Теперь же расчёт делается на то, что без пограничных договоров Латвию и Эстонию не примут в Шенгенскую зону. Однако на неосновательность подобных расчётов указывают балтийские политики. В частности, депутат латвийского Сейма А. Кирштейнс заявил: «Не знаю, почему людей вводят в заблуждение, утверждая, что отсутствие договора о границе с Россией лишит нас возможности присоединиться к Шенгенской зоне. В свою очередь, для России договор о границе является условием введения безвизового режима. Таким образом “уши мертвого осла” получила Россия» (22).

Ещё 5 мая 2005 г. Департамент информации МИД России прокомментировал позицию ЕС и ряда европейских политиков по поводу оккупации и аннексии СССР стран Балтии: «Российская позиция по данному вопросу неоднократно излагалась и остается неизменной. И ввод дополнительных частей Красной Армии, и присоединение прибалтийских государств к Советскому Союзу не вступали в противоречие с нормами действовавшего в то время международного права. Так, в соответствии с международно-правовой доктриной середины XX века под “оккупацией” понималось приобретение государством никем не заселённой территории, которая ранее не принадлежала какому-либо государству, путём установления над ней эффективного контроля с намерением распространить на неё свой суверенитет. Кроме того, этот термин означал временное занятие в ходе вооружённого конфликта армией одного из воюющих государств территории (или части территории) другого государства.

Для правовой оценки ситуации, сложившейся в Прибалтике в конце 30-х годов прошлого века, термин “оккупация” не может быть использован, поскольку между СССР и прибалтийскими государствами не было состояния войны и вообще не велось военных действий, а ввод войск осуществлялся на договорной основе и с ясно выраженного согласия существовавших в этих республиках тогдашних властей — как бы к ним не относиться. Кроме того, в Латвии, Литве и Эстонии на протяжении всего периода их пребывания в составе Советского Союза, за исключением времени оккупации Германией

этой части территории СССР в годы Великой Отечественной войны, действовали национальные органы власти. И, как известно, именно эти власти — опять же, независимо от того, как их расценивать сегодня — в лице Верховных Советов соответствующих республик приняли в 1990 г. решения, приведшие к их выходу из состава СССР. Так что, если подвергать сомнению легитимность органов власти советского периода, возникает вопрос и о легитимности провозглашения республиками Прибалтики своей независимости.

Соответственно и любые претензии, включая требования о материальной компенсации за якобы имевший место ущерб, который, как кое-кто считает, стал результатом произошедшего в 1940 году, лишены оснований. Попытки же поставить политику Союза ССР в тот период в один ряд с действиями гитлеровской Германии, которая вела в Европе агрессивную войну с целью порабощения или уничтожения целых народов, абсурдны в силу одного того очевидного факта, что благодаря в первую очередь усилиям СССР были обеспечены разгром гитлеровской Германии и избавление Европы от нацизма» (23).

Здесь — только игра со словом «оккупация» и попытка применить к действиям СССР в 1939–1940 гг. определения слова «оккупация», принятого уже после Второй мировой войны. Практически здесь в развёрнутом виде сформулированы те же тезисы, что отстаивают Н. Нарочницкая и В. Литовкин. Российская сторона пытается развести понятия «оккупации» и «аннексии» — первую не признавая категорически, а вторую вроде бы признавая, но утверждая, что она была юридически корректной. 18 июля 2005 г. заместитель министра иностранных дел России Владимир Чижов заявил в Москве на встрече с журналистами стран Балтии, что Россия не оспаривает осуществлённой Советским Союзом в 1940 г. аннексии стран Балтии, однако последующее включение её в состав СССР не считает оккупацией: «Применительно к странам Балтии речь шла о последствиях аннексии 1940 года. Этот термин содержался и в межгосударственном соглашении между Россией и Литвой, подписанном в 1991 году. Мы это не оспариваем. Однако аннексия и оккупация — это разные вещи». При этом период после аннексии оценивается как «формально юридически» узаконенное членство Литвы, Латвии и Эстонии в СССР, не противоречившее нормам того времени, а не оккупация. Чижов также заявил, что сомнения в законности советской власти в Балтийских странах ставит под сомнение и независимость этих стран, которую провозгласили советские органы власти. Он посоветовал вопросы оккупации стран Балтии оставить истории и оптимистически заверил балтийских журналистов, что «Россия не собирается нападать на ваши страны» (24).

Эти аргументы, строго говоря, не выдерживают исторической критики. Ведь правительства стран Балтии ещё в составе СССР заявили о своём намерении восстановить действие довоенных конституций. И тогда остаётся загадкой, как вообще надо было бы выходить из состава СССР, ведь советское законодательство делало выход из состава Союза практически невозможным, ибо требовало согласие на это всего советского населения.

Иногда оккупация Советским Союзом Прибалтики и польских Западной Украины и Западной Белоруссии, равно как и румынских Бессарабии и Северной Буковины отрицается на том основании, что советским войскам во время вступления их на эти территории не было оказано вооружённого сопротивления. Тот же С. Черниченко настаивает: «Некоторыми кругами делается попытка доказать, что, поскольку ультиматумы и последовавший затем ввод войск противоречили международному праву, то такой ввод всё же можно считать оккупацией. При этом указывается на вынужденное согласие правительств Латвии, Литвы и Эстонии с требованиями, предъявленными в ультиматумах. В качестве подтверждения иногда проводят параллель с действиями гитлеровской Германии в отношении Австрии и Чехословакии.

Если проанализировать факты, легко заметить, что параллели здесь неуместны. В первом случае немецкие войска вторглись в Австрию, а её присоединение к Германии (аншлюс, т. е. аннексия) было «оформлено» уже после ввода на её территорию немецких войск. С Чехословакией ситуация складывалась иначе. Прибывший в Берлин президент Чехословакии Гаха был поставлен в известность о том, что немецкие войска уже получили приказ вступить в Чехословакию. После этого 15 марта 1939 года он подписал соглашение о «включении чешского народа в состав Германской империи».

В обоих случаях аннексия была недействительной с точки зрения действовавшего в тот период международного права, и нахождения немецких войск на территории Австрии и Чехословакии продолжало оставаться оккупацией и, по положениям пакта Бриана–Келлога 1928 года, безусловно, представляло собой агрессивную войну, хотя вторжение и не встретило сопротивления» (25).

Здесь опять применяется откровенная передержка. Аншлюсу Австрии предшествовал ультиматум о создании в Вене прогерманского правительства во главе с нацистом Зейссом-Инквартом. И уже оно пригласило в Австрию германские войска, которых ранее на территории страны вообще не было. А только потом последовала аннексия. Точно также и в случае с оккупацией и аннексией Чехии Германией в марте 1939 г. дело шло практически по тому же сценарию, что и оккупация и аннексия стран Балтии Советским Союзом в 1940 г.

С помощью подобных аргументов можно отрицать факт оккупации Германией накануне и в ходе Второй мировой войны целого ряда стран — Австрии, Чехии, Дании, Люксембурга. Между тем, факт оккупации этих стран, являвшийся нарушением норм международного права и актом агрессии, был признан преступлением на Нюрнбергском процессе и вменён в вину главным нацистским военным преступникам. Также один из аргументов против признания факта оккупации Прибалтики и других восточноевропейских стран Советским Союзом сводится к тому, что там официально не вводился режим оккупации. Однако применение данного критерия не позволяет считать оккупированными многие государства, захваченные нацистской Германией. Австрия сразу же была включена в состав Рейха и разделена на несколько гау (областей). Чехия, Дания и Норвегия были превращены в протектораты, Польша превращена в генерал-губернаторство и т. д., что не мешало и в ходе войны, и после неё говорить об этих странах как оккупированных Германией. Практически на положении оккупированных на протяжении войны оставались лишь захваченные немцами советские территории и территории Франции, Бельгии и Голландии.

Но правовая и историческая логика не воспринимается большинством историков и публицистов, протестующих против попыток поставить на одну доску сталинский Советский Союз и гитлеровскую Германию. Это рассматривается как косвенный удар по России как правопреемнице СССР. Признание же фактов оккупации и аннексии является вещью крайне болезненным для российского национального самосознания, во многом ещё остающегося советским.

Вероятно, истинная история — это та, которая поднимается над узконациональной точкой зрения и рассматривает события с международных позиций. В случае с Прибалтикой вопрос об оккупации, по всей видимости, надо решать с позиции Нюрнбергского трибунала. И, наверное, не стоит обижаться на тот факт, что европейское и североамериканское общественное мнение в вопросе об оккупации и аннексии стран Балтии поддерживают позиции Вильнюса, Риги и Таллинна.

В частности, 7 мая 2005 г., по дороге в Москву, президент США Дж. Буш заявил на совместной пресс-конференции с президентами Литвы, Латвии и Эстонии: «Я признаю, что на Западе конец Второй мировой принёс мир, но в странах Балтии началась оккупация и коммунистическая тирания... Американский народ никогда не забудет оккупацию и коммунистическое угнетение народов Балтии. Я полностью понимаю, что балтийские страны чувствуют гнев и недовольство из-за оккупации. Я уже сообщал об этом президенту Путину, но он и так это знает. Я надеюсь, что мы сможем преодолеть эту историческую фазу».

Накануне, в интервью НТВ, Джордж Буш сказал, что за послевоенную историю Европы ответственность несёт не только Москва. На Ялтинской конференции её разделили Сталин, Черчилль и Рузвельт. Ранее в письме президенту Латвии Вайре Вике-Фрейберге Джордж Буш написал, что «для Западной Европы окончание Второй мировой войны означало освобождение. В Центральной и Восточной Европе война означала начало оккупации Эстонии, Латвии и Литвы Советским Союзом, аннексию и насаждение коммунизма» (26). Также и Европарламент 26 мая принял резолюцию, где подчеркнул: «Европарламент в полной мере осознаёт огромный вклад Советского Союза и принесённые им жертвы при освобождении многих государств и их народов от тирании, но в то же время осуждает чрезвычайные трудности и страдания, которые многим странам и людям, включая Балтию, принесла оккупация, последовавшая вслед за ней аннексия и тирания Советского Союза» (27).

20 мая Сенат США принял резолюцию с требованием к правительству России признать и осудить «незаконную оккупацию и аннексию Советским Союзом с 1940 по 1991 годы прибалтийских стран — Эстонии, Латвии и Литвы». В резолюции утверждается, что «включение в 1940 году прибалтийских стран — Латвии, Литвы и Эстонии — в состав СССР был актом агрессии, осуществлённым против воли суверенных народов». 23 июля 2005 г. Палата представителей конгресса США приняла аналогичную резолюцию (28).

Если применять одинаковые критерии к действиям СССР и Германии в годы Второй мировой войны, то окажется, что Литва, Латвия и Эстония, равно как и восточные районы Польши были оккупированы Советским Союзом точно так же, как Чехия, Австрия и Дания были оккупированы Германией. Во всех этих случаях мы имеем дело с так называемой мирной оккупацией, без объявления войны и ведения широкомасштабных боевых действий, которая, тем не менее, на Нюрнбергском процессе была признана актом агрессии.

Однако вот эта универсальность критериев в России становится камнем преткновения и для историков, и для политиков. Российская элита предпочитает рассматривать Россию как уникальное культурное и геополитическое образование, к которому не применимы общеевропейские нормы и законы. Н. Нарочницкая заявила: «Что же о так называемой “оккупации” Балтии Советским Союзом, то, как заметил в ту пору британский министр, СССР лишь вернул часть своих территорий, принадлежащих российской империи». И в данном случае позиция элиты совпадает с позицией большинства россиян. Согласно социологическому опросу, проведённому компанией «Башкирова и партнёры», 71% россиян уверены, что никакой оккупации Прибалтики СССР не было (29). Здесь сказалась общая для элиты

и масс тоска по империи. Дополнительную роль сыграла также широкомасштабная пропагандистская кампания о тяжёлом положении русскоязычных меньшинств в Латвии и Эстонии. Для власти эта последняя тема, равно как и тема «руссофобии» прибалтов и их сотрудничества с немцами в годы Второй мировой войны, давно уже стали важным орудием пропаганды для оправдания «наступательного» характера российской внешней политики на постсоветском пространстве. Такая позиция затрудняет нормализацию отношений России со странами Балтии и её вхождение в общеевропейское культурное и правовое пространство, зато облегчает консолидацию российского общества на основе противостояния «исконному врагу» — прибалтам.

КАТЫНСКОЕ ДЕЛО: ВОЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ГЕНОЦИД ИЛИ «НАША МЕСТЬ ПОЛЯКАМ»?

Предъюбилейное созидание альтернативной истории коснулось и польской темы. Наиболее болезненной проблемой в российско-польских отношениях и сегодня остается трагедия в Катыни. Постановление российской Главной военной прокуратурой о прекращении расследования Катынского дела, принятое в преддверие юбилея Победы явно для того, чтобы не омрачать этот светлый праздник, только подлило масла в огонь. Именно это решение и породило основные публикации по Катыни в юбилейном году.

11 марта 2005 г. главный военный прокурор России Александр Савенков сообщил об окончании расследования катынского дела. Он утверждал, что следствием установлено точное количество людей, которые содержались в лагерях, «и в отношении которых принимались решения» — чуть более 14 тыс. 540 человек. Из них чуть более 10 тыс. 700 человек содержались в лагерях на территории РСФСР, а 3 тыс. 800 человек — в Украине. По его словам, расследование в отношении тех лиц, которые были признаны виновными, прекращено в связи с их смертью, «в рамках расследования были установлены и допрошены более 900 свидетелей, проведены более 18 экспертиз, в рамках которых исследованы более тысячи объектов. Эксгумировано более 200 тел». Всего в деле 183 тома, из них 116 содержат сведения, составляющие, по словам Савенкова, государственную тайну, поэтому полякам может быть передано только 67 томов.

Интересно, какие тут могут быть секреты, если фамилии едва ли не всех «героев» Катыни, вплоть до рядовых исполнителей, были широко опубликованы ещё в 90-е годы?

Савенков сказал: «В ходе предварительного следствия по инициативе польской стороны проверялась версия о геноциде, и моё твёрдое утверждение — говорить об этом правовом явлении нет никаких оснований. Нет и не было геноцида польского народа в тех действиях, которые исследованы в рамках этого дела» (30).

Главный военный прокурор заявил, что из 14 540 польских военнопленных, содержащихся в трёх лагерях, установлена гибель 1 803, из которых тела 22 идентифицированы. О судьбе остальных военных прокурор ничего не сказал. То ли их расстреляли Советы, то ли немцы, то ли они бродили-бродили по смоленским лесам, да так и померли от голода. Так, по крайней мере, могла бы решить простодушная публика. По крайней мере, ряд российских историков и политиков «патриотической ориентации» до сих пор уверяет что поляков в Катюны расстреливало, дескать, не только НКВД, но ещё и гестапо.

Заявление Савенкова стало также ответом на решение польской стороны 1 декабря 2004 г. самостоятельно возобновить следствие по Катюньскому делу. Ранее польский Институт национальной памяти, ведущий своё расследование, договаривался с Военной прокуратурой России о том, что ему будут предоставлены все документы. Расследование ИНП имеет целью добиться признания событий в Катюнь геноцидом и военным преступлением, а также установить число расстрелянных и общее число виновных. В ИНП считают, что в засекреченных томах содержатся хорошо известные общественности имена причастных к этому делу преступников и тень обвинения может лечь на их родственников. Однако главной военной прокуратурой России катюньское преступление было объявлено военным преступлением, подлежащим, следовательно, сроку давности, а отнюдь не преступлением против человечности или геноцидом. По свидетельству заместителя директора ИНП профессора Витольда Кулеша, «когда в Москве отвергли наше мнение о том, что катюньское убийство — это геноцид, я напомнил, что во время Нюрнбергского процесса советский прокурор утверждал прямо противоположное. Он убеждал, что это преступление, совершенное немцами, подлежит юрисдикции международного суда. “Неужели тот факт, что автором преступления было НКВД, лишает преступление этого характера?” — спросил я. Главный военный прокурор России генерал Александр Савенков отреагировал так: “О, вижу, что прокурор Кулеша показывает нам львиные когти!”» (31).

Кулеша также заявил: «По моему убеждению, те, кто проводил расследование с российской стороны, с самого начала решили, что никто не будет привлечен к уголовной ответственности. Их главный аргумент звучит так: «Красная Армия не могла совершить преступление геноцида». Эти высказывания Кулеша российская газета «Дуэль»

сопроводила следующим комментарием: «Пресловутая “российская сторона”, подыграв Западу в клевете на нашу страну, намеренно стремится ограничиться ритуально-политическими телодвижениями — литьём слез о “невинных жертвах сталинизма”, возведением мемориалов, возможно даже выплатой “компенсаций” родственникам расстрелянных».

Как заметил корреспондент польской газеты «Жечьпосполита» Кшиштоф Маслонь, «трудно было ожидать, что российская сторона займется чем-то иным, кроме замазывания тёмного пятна своей истории». А директор Института национальной памяти Леон Керес заявил, что «российская сторона, пытаясь сегодня убедить, что в катынском деле речь не идёт о геноциде, забывает, что после войны в Нюрнберге, на процессе главных военных преступников перед Международным военным трибуналом, СССР сам стремился вписать Катынь в число немецких преступлений геноцида — как истребление польских граждан. Так представлял катынское преступление заместитель главного советского обвинителя Юрий Покровский. Когда мы напомнили об этом в Москве, генерал Савенков с уважением сказал профессору Витольду Кулеше: “Ну, вы показали когти”... Тем не менее я доволен, что мог стать с ним лицом к лицу и произнести наше “non possumus”: “Вы совершили преступление геноцида, и просим не уверять нас, что это не так. С нашей позиции мы не отступим”».

Л. Кереса особо возмутило, что «по их (российских властей. — А.В.) мнению — я говорю это после бесед с замминистра иностранных дел Сергеем Разовым и помощником президента РФ Сергеем Ястржембским — в геноциде не может быть обвинён член антигитлеровской коалиции. Кроме того, тысячи советских солдат и офицеров отдали свою жизнь в боях за освобождение Польши. Наконец, и этот аргумент вызывает у меня особый, резкий протест: в советских тюрьмах и лагерях находилось около 250 тыс. поляков, а убито “только” 22 тысячи... У меня есть записи со встречи с прокурором Савенковым. Вот его контраргументы: “После 17 сентября 1939 г. в советском плену оказалось 250 тыс. польских граждан, из которых 90% затем были освобождены, а катынское преступление коснулось только 10% военнопленных. При таком состоянии дел нельзя говорить об умысле советских властей на истребление польской национальной группы целиком или частично, ибо часть этой группы покинула Советский Союз с армией генерала Андерса, часть с 1-й армией Людового Войска Польского, наконец, часть продолжала существовать и не была охвачена планом физического уничтожения”. Поэтому российская сторона закрыла своё следствие, ибо, не будучи геноцидом, катынское преступление подлежит сроку давности» (32).

Среди националистических настроенных российских публицистов до сих пор бытует версия, что в Катынском преступлении повинно не только НКВД, но и гестапо, и что немцы тоже расстреливали польских офицеров в 1941 г. Так, Сергей Пантелеев утверждает: «Факты, свидетельствующие о том, что польских офицеров казнили фашисты, по крайней мере, не менее доказательны, чем противоположная версия. При этом подходе участие представителей польского эмигрантского правительства Сикорского в работе немецкой комиссии 1943 г., которая предстаёт как грубая пропагандистская фальсификация, выглядит, мягко скажем, весьма двусмысленно» (33).

В отрицании польской версии о геноциде русские публицисты «патриотического» направления солидаризируются с официальной российской позицией. Как утверждает Вадим Трухачев, «расстрел польских офицеров в Катыни происходил отнюдь не потому, что они были поляками по национальности, в отличие от узников лагерей смерти» (34). Он также возмущается, что «несмотря на чудовищные потери Советского Союза в Польше, в наше время говорят о том, что на смену немецкой оккупации пришла советская — именно так поляки называют период пребывания в социалистическом лагере». Похоже, жертвы Красной Армии и советского народа давно уже стали оправданием всех преступлений и нарушений международного права, совершённых Советским Союзом.

Квалификация Катыни в качестве военного преступления, а не преступления против человечности, имеет важные последствия для российской национальной памяти. В народном сознании непереносимым становится тот факт, что те, кто вёл Отечественную, справедливую войну против фашизма и освободил Европу от «коричневой чумы», могут быть в то же время повинны в геноциде. Военные же преступления не только имеют срок давности, но и могут быть в какой-то мере оправданы военной необходимостью. Как пишет в апологетической биографии Лаврентия Берию историк Алексей Топтыгин, «Катынь — безусловно, не лучшая страница в советско-польской истории, но если учесть, кто погиб в катынской трагедии и задаться вопросом, имело ли смысл держать на советской территории 25-тысячную армию польских антисоветчиков, думается, ответ будет однозначен. Не будем забывать, что Советский Союз стоял на пороге величайшей из войн и иметь в тылу воюющей страны врага... было не с руки. С этой точки зрения уничтожение части польского офицерского корпуса... представляется если не оправданной, то вынужденной мерой». И тот же историк считает Катынь мезьей за мнимое массовое истребление советских пленных поляками в 1920 г. (35).

Также Алиса Аргунова сравнивает Катынь с событиями 1920 г.: «Если говорить о трагедии нескольких тысяч польских офицеров

в Катynie, то надо вспомнить и о трагедии нескольких десятков тысяч русских, попавших в плен в ходе советско-польской войны 1920 года и замученных в польских концлагерях» (36). Тут стоит всё-таки уточнить, что в момент казни поляков в Катynie СССР не был в состоянии войны ни с одним государством. И на практике весной 1940 г. были расстреляны не только польские офицеры, но и гражданские лица — представители интеллигенции и имущих классов. И сделано это было не по приказам военных властей или в качестве личной инициативы отдельных военнослужащих, а согласно политическому решению, принятому Политбюро. Главное же, более 20 тыс. поляков расстреляли не только по социально-классовому, но и по национальному признаку, именно как поляков, так что данное преступление вполне подходит под определение геноцида. Стоит вспомнить, что в решении Политбюро о расстреле от 5 марта 1940 г. фигурировали только поляки.

В связи с намерением режиссера Анджея Вайды снять художественный фильм о Катynie (там погиб его отец) газета «Коммерсантъ» довольно точно сформулировала различие польской и российской позиций относительно этого преступления: «Официальная Варшава считает, что речь идёт о преступлении, не имеющем срока давности, и хочет определить виновных на всех уровнях, тогда как в Москве отказываются называть произошедшее “геноцидом” и признают ответственность лишь советских руководителей той эпохи» (37).

Кроме отдельных российских историков, с осуждением решения российской стороны прекратить расследование катынского дела 4 апреля 2005 г. выступило правление общества «Мемориал». Оно заявило: «Мы считаем, что прекращение расследования недопустимо. Во-первых, даже если не было события геноцида, то в любом случае необходимо сказать, как квалифицируются эти бессудные расстрелы — как военное преступление, как преступление против человечества, как преднамеренное убийство при отягчающих обстоятельствах? Закрытие дела без правовой оценки выглядит как попытка отказаться от всякой ответственности за преступление. Во-вторых, до сих пор не установлены личности значительной части его жертв (почти 4 тысяч человек) — а именно, заключённых, расстрелянных в Белоруссии. Главная военная прокуратура ссылается на то, что преступления, совершенные за пределами нынешней России, должны расследоваться правоохранительными органами соответствующих стран. Однако этот довод в данном случае не выглядит убедительным, поскольку решение о расстреле всех польских граждан принималось в Москве, отсюда осуществлялось руководство всей операцией в целом, сюда стекались все донесения и отчёты о её проведении...».

В том же заявлении подчеркивалось, что «хотели ли этого военные юристы или нет, но заявление о прекращении расследования “Катынского дела”, сделанное накануне 60-летия Победы, напомнило всему миру, что Советский Союз был не только участником антигитлеровской коалиции, вынесшим на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашизмом, но и тот несомненный факт, что после заключения в августе 1939 года пакта с гитлеровской Германией СССР осуществил ряд аннексий, присоединив к себе восточные территории довоенного польского государства, Литву, Латвию, Эстонию, Северную Буковину и Бессарабию. Что на этих территориях был немедленно развернут массовый террор, частью которого, наряду с арестами и депортациями, и стала “спецоперация” по уничтожению польских пленных и заключённых, — констатируется далее в заявлении. — Память о Победе 1945 года неотделима от памяти о всех людях, убитых тоталитарными режимами XX века...» (38).

Также в заявлении польского Сейма по поводу решения Главной военной прокуратуры говорилось: «Мы ожидаем от российского народа и властей Российской Федерации окончательного признания совершённого в Катыни преступления против человечества, как это было сформулировано в ходе Нюрнбергского процесса. Мы также настаиваем на выяснении всех обстоятельств преступления, прежде всего на предоставлении информации о месте захоронения подавляющего большинства убитых офицеров Войска Польского, чьи могилы до сих пор не найдены. Кроме того, мы считаем необходимым предоставление польской стороне фамилий всех виновных — как исполнителей, так и отдававших приказы». Помимо этого депутаты сейма выразили сожаление по поводу того, что расследование событий в Катыни прекращено российской военной прокуратурой, а само «катынское преступление до сих пор остается предметом политических действий, направленных на сокрытие правды» (39).

Можно вполне согласиться с мнением по проблеме Катыни, высказанным публицистом Александром Архангельским. Он заявляет: «Я считаю себя патриотом, я люблю свою страну, я люблю свою историю, я считаю себя частью этой истории, но что такое любить свою страну и что такое любить свою историю? Это значит — гордиться лучшим и нести ответственность за худшее. Мы разделяем историю нашего отечества в той мере, в которой мы гордимся всем славным и несём ответственность за всё дурное. Таким образом, когда Генеральная прокуратура, подсчитывая деньги, которые придётся заплатить, в противном случае отказываться дальше рассматривать Катынское дело, она ведёт себя непатриотично. Это непатриотично, потому что мы патриоты в той мере, в какой мы несём ответственность за это Катынское дело, за расстрел безвинных

поляков. Не потому, что мы должны сделать полякам хорошо, а потому, что, не сбросив этот моральный груз, не искупив эту вину, моральным же образом, отчасти и материальным» (40).

Противоположной точки зрения придерживается обозреватель РИА «Новости» Виктор Литовкин, утверждающий: «Россия, хотя и правопреемница Советского Союза, но нынешняя российская власть, как бы она кому-то нравилась или не нравилась, ни по сути, ни по духу всё же не является прямой наследницей советской власти и, тем более, коммунистического режима, который господствовал в нашей стране с 1917 по 1991 год. Каяться и просить прощения за его ошибки и преступления она не может и не должна. Ни при какой погоде. Особенно потому, что подобные ошибки и преступления, если взглянуть в историю и быть честным прежде всего по отношению к самому себе, совершал далеко не только Советский Союз. Более того, он вовсе не был здесь “самым первым учеником”» (41). И этот спор между представителями двух лагерей, возможно, будет длиться вечно. Историческая истина играет в нём подчиненную роль, главным же остаются морально-этические критерии и политически позиции участников дискуссии.

Подводя итоги обзора СМИ, надо признать, что образ Советского Союза в период Второй мировой войны, если взять совокупность существующих ныне мифов, получается довольно цельным. Это была страна, войны не хотевшая, но окружённая кольцом врагов, и потому заключавшая договоры только для того, чтобы обеспечить собственную безопасность, и только для этой цели захватывала чужие территории, которые к тому же исконно ей принадлежали. Война оказалась неожиданной, но после первых поражений Красная Армия оправилась и во вторую половину войны воевала уже лучше немцев, чему доказательство — соотношение потерь. Если же советские потери и были слишком большими, то тому виной — бездействие западных союзников, только и думавших, как бы сильнее ослабить СССР. И победили под руководством вождя — Сталина, который один только и мог обеспечить жёсткую централизацию управления, заставить союзников считаться с собой и вдохновить народ на подвиг.

Польский юрист Л. Керес справедливо указывает, что такого рода мифы имеют социально психологические корни у многих россиян: «Русским трудно согласиться с тем, что их “освобождение”, правда, принесло Польше избавление от немецкой оккупации, зато навязало ей тоталитарную систему коммунистической власти. Они в рамках этой системы жили с 1917 г. и за этот строй отдавали жизнь» (42).

Но в то же время положительный мифологический образ Советского Союза 1939–1945 гг., в том числе и образ миролюбивой, или, по

крайней мере, не выделявшейся в худшую сторону по сравнению с другими державами, советской внешней политики 1939–1941 гг., на фоне продолжающегося падения интереса к истории Второй мировой войны отнюдь не преобладает среди россиян.

В целом в России 60-летие окончания Второй мировой войны большинством историков, политиков и публицистов воспринималось только как Победа СССР в Великой Отечественной войне, что требовало оправдания пакта Молотова–Риббентропа, отрицания оккупации Прибалтики, оправдания или, по крайней мере, умаления значения преступления в Катыни. Однако сейчас российское общество уже не готово считать единственным и главным символом своего объединения в истории Великую Победу в Великой Отечественной войну, и её 60-летний юбилей, скорее всего, в последний раз, стимулировал положительные, героические мифы, с ней связанные. В дальнейшем россияне, по всей вероятности, уже не будет нуждаться в объединяющих мифах из прошлого, по крайней мере, советского. Но для этого должна выработаться собственная российская идентичность, не создающая себя наследницей советской идентичности. Тогда, очевидно, возможна будет объективная оценка пакта Молотова–Риббентропа и его последствий, и российские оценки этих событий не будут отличаться от тех, что приняты в Европе и Северной Америке. Станет возможным и признание факта оккупации Прибалтики Советским Союзом и даже официальное извинение за неё. Можно представить себе и признание Россией истребления поляков в апреле–мае 1940 г. в качестве преступления против человечности. Объединяющие же мифы, по всей видимости, по мере того, как сходят со сцены поколения, ориентированные на советскую эпоху, будут генерироваться уже в настоящем или, в крайнем случае, из российской истории до 1917 г. Но этот процесс может занять ещё не одно десятилетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. http://www.d-pils.lv/view_article.php?article=24324. Это заявление было сделано 25 мая 2005 г.
2. *Литовкин В.* Соломинка и бревно //РИА «Новости». 30 июня 2005 г. <http://www.rian.ru/authors/20050630/40818591.html>.
3. *Дашичев В.* Между Молотовым и Риббентропом. Советско-германский пакт 1939 года утвердил не границы государств, а линии фронтов //Новая газета. 28 марта 2005 г.
4. <http://echo.msk.ru/programs/personalno/37844/>.
5. *Фалин В.* Вторая мировая война: война против СССР //United Press International, 14 апреля 2005 г.
6. The Washington Times. 12.04.2005.
7. http://www.d-pils.lv/view_article.php?article=24324.

8. Там же.
 9. http://www.kremlin.ru/appears/2005/02/22/2118_type63379_84394.shtml.
 10. РИА «Новости», 28 апреля 2005; <http://www.nonews.ru/popups/rianpopup.php?varhref=/politics/foreign/20050428/39757108.html>.
 11. Голос Америки, 22 июня 2005 г.
 12. См.: *Чудакова М.* О Победе, славе и чести //Московские новости, 18 марта 2005 г.; *Соколов Б.* Незаряженная мина //Грани.ру. 22 июля 2005 г. <http://grani.ru/Society/History/m.92494.html>.
 13. *Дашичев В.* Урок истории для Прибалтики //РИА «Новости». 5 мая 2005 г. <http://www.rian.ru/analytics/20050505/39896616.html>.
 14. http://www.d-pils.lv/view_article.php?article=24324.
 15. <http://www.riga-lv.com/history/okkupacija.htm>.
 16. Литовкин В. Соломинка и бревно...
 17. <http://www.shtab.lv/forum/read.php?f=1&i=4989&tt=4989&v=f&d=&m=&g=>.
- Это — официальный сайт Штаба защиты русских школ (Латвия).
18. http://www.kremlin.ru/appears/2005/05/10/1823_type63377type63380type82634_88013.shtml.
 19. http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_4534000/4534777.stml.
 20. http://www.kremlin.ru/appears/2005/05/23/2050_type63380type63381_88557.shtml.
 21. См.: Хроника России. XX век. — М.: Слово, 2002. С.489.
 22. Latvijas avize. 28.05.2005.
 23. <http://grani.ru/Politics/m.88894.html>.
 24. <http://www.rosbalt.ru/2005/07/19/218009.html>.
 25. Там же.
 26. <http://grani.ru/Politics/m.88894.html>.
 27. Diena. 28.05.2005.
 28. <http://gorod.lv/?rubid=29&subrubid=12220>.
 29. *Ильичев Г.* Дума входит в доверие к своему народу //Известия. 23 июня 2005 г.
 30. <http://www.rian.ru/society/histori/20050524/40407066.html>.
 31. Цит. по: Дуэль. 18 января 2005 г.
 32. *Маслонь К.* Планомерное истребление. Беседа с директором Института национальной памяти Леоном Кересом //Новая Польша, 2005, № 3. <http://www.novpol.ru/index.php?id=391>. Это — переапечатка интервью Л. Кереса газете «Rzeczpospolita».
 33. Пантелеев С. Катынский тупик политические игры в «геноцид». <http://www.inforos.ru/?id=6468>. 20 мая 2005 г.
 34. *Трухачев В.* Бывшие друзья о нашей роли в войне //Правда.ру. 26 июля 2005 г. http://www.pravda.ru/world/2005/5/14/38/20419_potsdam.html.
 35. *Топтыгин А.В.* Неизвестный Берия. — СПб.: Нева; — М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 86.
 36. *Аргунова А.* Шляхту наказали за помощь Наполеону //Страна.ру. 8 июня 2005 г. <http://www.strana.ru/stories/03/07/11/3363/250243.html>. Реально в польском плену умерло в 1920 году 18–20 тыс. красноармейцев, подавляющее большинство — от тифа и других инфекций.
 37. Коммерсантъ. 14 июня 2005 г.
 38. www.regnum.ru/news/434205.html.
 39. Gazeta Wyborcza. 22.03.2005.
 40. Эхо Москвы. 18 июля 2005 г. <http://echo.msk.ru/programs/personalno/37632/>
 41. Литовкин В. Соломинка и бревно...
 42. Новая Польша. 2005, № 3. <http://www.novpol.ru/index.php?id=391>.

60-ЛЕТИЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ:
ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЁННЫЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ, МИФОЛОГИИ
И ПАМЯТИ

Материалы к Международному Форуму
(Москва, сентябрь 2005)

*Под редакцией
Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова*

Компьютерная верстка и техническое редактирование — С.П. Щербина.

Подписано в печать с оригинал-макета 8.08.2005
Формат 60×80 1/16. Бумага офс.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 15,5

Фонд Фридриха Науманна
Минская ул., жилой комплекс «Сетунь»,
д.18а/166, 119590, Москва, Россия
Тел.: 007095–9561029/2326530
Факс: 007095–9561008
Email: fnstmos@gmx.de или fnst_moskau@gmx.de